

Гуманитарий

научный журнал

актуальные проблемы гуманитарной науки и образования

Том
Vol. 25 № 3 / 2025

Russian Journal of the
HUMANITIES

Scholarly journal

Сквозной номер выпуска – 71

Учредители / Издатели:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»
430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68;

ООО «ИнСтИтут»

430905, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Бахтина, 19

Подписной индекс

в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» – 43072

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU и проект РИНЦ (сублицензионный договор № 143-07/2010 от 19.07.2010 г.);

в базу данных Ulrich's Periodicals Directory американского издательства Bowker

Материалы журнала размещены по адресам:

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003;

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Адрес редакции:

430005, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68

Историко-социологический институт

Тел.: (8342) 24-25-90, 27-07-11

Факс: (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru

<http://jg.isi.mrsu.ru/>

Continuous issue – 71

Founders / Publishers:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Ogarev Mordovia State University»
68, Bolshevistskaya St.,
430005, Saransk, Republic of Mordovia, Russia;

LLC «InStItute»

19, Bakhtin St., 430905, Saransk,
Republic of Mordovia, Russia

Subscription index

in catalog of agency «RUSSIAN PRESS» – 43072

The journal is indexed and archived by:
Russian Index of Scientific Citations (sublicense contract № 143-07/2010 19.07.2010)

Ulrich's Periodical directory database of the American Publishing House «Bowker»

The materials of the journals are available at:

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003;

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Editorial office:

68, Bolshevistskaya St., 430005,
Saransk, Republic of Mordovia, Russia
History and Sociology Institute

Telephone: +7 (8342) 24-25-90; 27-07-11

Fax: +7 (8342) 24-25-90

E-mail: jurnal-gumanitary@isi.mrsu.ru

<http://jg.isi.mrsu.ru/>

*Журнал
«Гуманитарий: актуальные проблемы
гуманитарной науки и образования»
включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук*

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-48743 от 28 февраля 2012 г.

При перепечатке ссылка на журнал «Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования» обязательна

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

*Обложка:
Юзеф Олешкёвич
Александра Андреевна Воейкова (1821)*

Компьютерная верстка
и художественное оформление Г. Н. Давыдовой
Редактор Е. В. Савойская
Перевод А. А. Сомкина

Территория распространения –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписано в печать 24.09.2025.
Дата выхода в свет 30.09.2025.
Формат 70 × 100 1/16
Усл. печ. л. 9,1
Тираж 300 экз.
Заказ № 4685/1
Цена свободная

Адрес типографии:
Типография «Фабрика печати»
603057, г. Нижний Новгород,
ул. Шорина, 13/13 п1

*The journal
«Russian Journal of the Humanities»
is listed in the catalogue
of peer-reviewed academic journals
and publications for publishing
of principal scientific findings
of dissertations*

The journal is registered by the Federal Service for supervision of communications, information technology, and mass media (certificate of registration PI № FS77-48743 of February 28, 2012)

Before reprinting the reference to the journal «Russian Journal of the Humanities» is obligatory

The opinion of editorial staff may not coincide with the publishing author

*The cover:
Józef Oleszkiewicz
Alexandra Voyeykova (1821)*

Desktop publishing
and graphic design by G. N. Davydova
Editor E. V. Savojskaja
Translation A. A. Somkin

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Signed to print 24.09.2025.
Date of publishing 30.09.2025.
Sheet size 70 × 100 1/16
Conventional printed sheets 9,1
Number of copies 300
Order No 4685/1
Free price

Address of the Printing House:
Printing house «Printing Factory»
603057, Nizhny Novgorod,
Shorina str., 13/13 p1, Russia

Редакционный совет

Арсентьев Николай Михайлович – *главный редактор*, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Саранск, Россия)

Наумкин Виталий Вячеславович – *главный редактор*, академик РАН, научный руководитель, Институт востоковедения Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9644-9862>, vinaumkin@yandex.ru (Москва, Россия)

Сомкин Александр Алексеевич – *заместитель главного редактора*, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>, alexsomkin@mail.ru (Саранск, Россия)

Давыдова Галина Николаевна – *ответственный секретарь*, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Саранск, Россия)

Андронов Владимир Петрович – доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@rambler.ru (Саранск, Россия)

Арсентьев Виктор Михайлович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Саранск, Россия)

Баржо Доминик – профессор, Университет Париж IV Сорбонна (Париж, Франция)

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна – доктор исторических наук, профессор, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, shaira60@mail.ru (Бишкек, Киргизия)

Белозерцев Евгений Петрович – доктор педагогических наук, профессор, Воронежский государственный педагогический университет, заслуженный деятель науки РФ, belozercev_e@mail.ru (Воронеж, Россия)

Бородкин Леонид Иосифович – член-корреспондент РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Москва, Россия)

Валиахметова Гульнара Ниловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель, Центр иранистики и персидского языка, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, gulnara.valiakhmetova@urfu.ru (Екатеринбург, Россия)

Глушко Дмитрий Евгеньевич – кандидат педагогических наук, ректор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Россия)

Гуансян Чжан – доктор исторических наук, профессор, Цзилиньский университет, zgxlcc2002@aliyun.com (Чанчунь, Китайская Народная Республика)

Дорожкин Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Россия)

Жакишева Сауле Аукуеновна – доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, adiconilau@mail.ru (Алматы, Казахстан)

Зеленски Анжела Васильевна – доктор философии, конференциар-университар, Академия публичного управления, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2831-9473>, zelangel@mail.ru (Кишинев, Молдова)

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru (Саранск, Россия)

Курмангалиева Галия Курмангалиевна – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Ма Вэйюнь – доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя ученого совета Центра исследований России при Хэйлунцзянском университете, weiyunma@163.com (Харбин, Китайская Народная Республика)

Маралов Владимир Георгиевич – доктор психологических наук, профессор, Череповецкий государственный университет, maralovvg@chsu.ru (Череповец, Россия)

Марискин Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Саранск, Россия)

Мочалов Евгений Владимирович – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Саранск, Россия)

Мудрик Анатолий Викторович – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, amudrik@yandex.ru (Москва, Россия)

Пивовар Ефим Иосифович – академик РАН, президент, Российский государственный гуманитарный университет, rggu@rggu.ru (Москва, Россия)

Романов Константин Михайлович – доктор психологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4058-9270>, famylipost@mail.ru (Саранск, Россия)

Поруби Рой – доктор филологии, профессор, член Индийского совета по историческим исследованиям (the Indian Council of Historical Research, сокращ. – ICHR), nbmcts.roy@gmail.com (Нью-Дели, Индия)

Сычев Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Саранск, Россия)

Чулуун Сампилдондов – доктор исторических наук, профессор, директор, Институт истории и археологии АН Монголии, Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведения, Samchuluun@gmail.com (Улан-Батор, Монголия)

Ушаков Дмитрий Викторович – академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, dv.ushakov@gmail.com (Москва, Россия)

Хьерппе Риитта – доктор социальных наук, профессор, Почетный Президент Международной ассоциации экономической истории, riitta.hjerppe@helsinki.fi (Хельсинки, Финляндия)

Шамионов Раиль Мунирович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, декан факультета психолого-педагогического и специального образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, shamionov@mail.ru (Саратов, Россия)

Шапошников Лев Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, президент, Нижегородский государственный педагогический университет, shaposhnikov_le@mininuniver.ru (Нижний Новгород, Россия)

Editorial Council

Nikolay M. Arsenyev – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4565-1360>, direktor_isi@bk.ru (Saransk, Russia)

Vitaly V. Naumkin – Academician, Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Research Director, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, *Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9644-9862>, vinaumkin@yandex.ru (Moscow, Russia)

Aleksandr A. Somkin – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, *Deputy Editor-in-Chief*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7833-0729>, alexsomkin@mail.ru (Saransk, Russia)

Galina N. Davydova – Senior Lecturer, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, *Assistant Editor*, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1716-9518>, galada@list.ru (Saransk, Russia)

Vladimir P. Andronov – Doctor of Psychology, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7275-060X>, andronovvp@rambler.ru (Saransk, Russia)

Victor M. Arsenyev – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9828-7198>, vicars@bk.ru (Saransk, Russia)

Dominique Barjot – Professor, University of Paris IV (Paris, France)

Shaiyrkul D. Batyrbaeva – Doctor of History, Professor, Balasagyn Kyrgyzstan National University, shaira60@mail.ru (Bishkek, Kyrgyzstan)

Eugenie P. Belozertsev – Doctor of Pedagogics, Professor, Voronezh State Pedagogical University, Honored Scientist of the Russian Federation, belozercev_e@mail.ru (Voronezh, Russia)

Leonid I. Borodkin – Correspondent Member, Russian Academy of Sciences, Moscow State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-1938>, lborodkin@mail.ru (Moscow, Russia)

Gulnara N. Valiakhmetova – Doctor of History, Professor, Head of Center for Iranian and Persian language, Ural Humanitarian Institute of Ural Federal University named after the First President of Russia Boris N. Yeltsin, gulnara.valiakhmetova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russia)

Dmitriy E. Glushko – Candidate of Pedagogics, Rector, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russia)

Zhang Guansyan – Doctor of History, Professor, Tsilin University, zgxlcc2002@aliyun.com (Changchun, People's Republic of China)

Aleksandr M. Dorozhkin – Doctor of Philosophy, Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2954-1647>, decan@fsn.unn.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

Saule A. Jakisheva – Doctor of History, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, adiconilau@mail.ru (Almaty, Kazakhstan)

Angela V. Zeleinschi – Doctor of Philosophy, University Lecturer, Public Administration Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2831-9473>, zelangel@mail.ru (Kishinev, Moldova)

Galina A. Kornishina – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5680-5041>, G.Kornihina@mail.ru (Saransk, Russia)

Galia K. Kurmangaliyeva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

Ma Weiyun – Doctor of History, Professor, Deputy Chairman, Academic Council of the Center for Russian Studies at Heilunzyang University, weiyunma@163.com (Harbin, People's Republic of China)

Vladimir G. Maralov – Doctor of Psychology, Professor, Cherepovets State University, maralovvg@chsu.ru (Cherepovets, Russia)

Oleg I. Mariskin – Doctor of History, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1962-9725>, mariskinoi@mail.ru (Saransk, Russia)

Eugenie V. Mochalov – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6241-1521>, mochalov_ev@mail.ru (Saransk, Russia)

Anatoliy V. Mudrik – Correspondent Member, Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor, Moscow Pedagogical State University, amudrik@yandex.ru (Moscow, Russia)

Ephim I. Pivovarov – Academician, Russian Academy of Sciences, President, Russian State Humanitarian University, rggu@rggu.ru (Moscow, Russia)

Konstantin M. Romanov – Doctor of Psychology, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4058-9270>, famlypost@mail.ru (Saransk, Russia)

Porubi Roy – Doctor of Philology, Professor, Member of the Indian Council for Historical Research, nbmcts.roy@gmail.com (New Delhi, India)

Andrey A. Sychev – Doctor of Philosophy, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>, sychevaa@mail.ru (Saransk, Russia)

Chuluun Sampildondov – Doctor of History, Professor, Director, Institute of History and Archeology, Academy of Sciences of Mongolia, Secretary General of the International Association of Mongolian Studies, Samchuluun@gmail.com (Ulan-Bator, Mongolia)

Dmitriy V. Ushakov – Academician, Russian Academy of Sciences, Psychology Institute of Russian Academy of Sciences, dv.ushakov@gmail.com (Moscow, Russia)

Riitta Hjerpe – Doctor of Social Sciences, Professor, Honoured President of the International Association on Economical History, riitta.hjerpe@helsinki.fi (Helsinki, Finland)

Rail' M. Shamionov – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Dean of the Faculty of Psychological, Pedagogical and Special Education, Saratov State University, shamionov@mail.ru (Saratov, Russia)

Lev E. Shaposhnikov – Doctor of Philosophy, Professor, President, Nizhni Novgorod State Pedagogical University, shaposhnikov_le@mininuniver.ru (Nizhni Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

А. И. Белкин, Ж. В. Чашина

**РАЗВЕРТЫВАНИЕ ВСЕОБЩЕГО ВОЕННОГО ОБУЧЕНИЯ В МОРДОВИИ
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (АПРЕЛЬ 1918 – ЯНВАРЬ 1919 г.):
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ОБУЧЕНИЯ В ПЕНЗЕНСКОЙ,
ТАМБОВСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИях** 209

Д. В. Рыбин

**КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И ЛЕГАЛИЗМ
В ПОЗДНЕЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ** 224

С. В. Кистанов

**АГРАРНЫЙ ВОПРОС И СПОСОБЫ ЕГО РЕШЕНИЯ «СНИЗУ»
ЛЕТОМ–ОСЕНЬЮ 1917 г. НА ПРИМЕРЕ ТЕМНИКОВСКОГО УЕЗДА
ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ** 236

ФИЛОСОФИЯ

Е. Л. Яковлева

**ОСОБЕННОСТИ МОЛЧАНИЯ Н. И. ФЕШИНА:
ПОПЫТКА ПОНИМАНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОПЫТА** 249

В. П. Изергина, Н. И. Изергина

**ФОРМЫ РАБСТВА И ВОЗМОЖНОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ: ФИЛОСОФИЯ
Н. А. БЕРДЯЕВА В СВЕТЕ ВЫЗОВОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ** 263

А. А. Дроздова

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ СИМВОЛИЧЕСКИХ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В КОНЦЕ XIX в.:
ОФЕЛИЯ И САЛОМЕЯ** 273

А. М. Краснов

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕИ ЭМАНАЦИИ В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ
МОНОТЕИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ** 284

ПСИХОЛОГИЯ

Ж. Г. Гаранина, А. А. Староверов, Е. П. Соколова

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И УСТАНОВОК
ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНТЕРНЕТУ У СТУДЕНТОВ ВУЗА** 296

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ 313

CONTENT

HISTORY

Aleksey I. Belkin, Zhanna V. Chashina

DEPLOYMENT OF UNIVERSAL MILITARY TRAINING IN MORDOVIA AT THE INITIAL STAGE OF THE CIVIL WAR (APRIL 1918 – JANUARY 1919): EXPERIENCE IN COMPARATIVE ANALYSIS OF TRAINING IN PENZA, TAMBOV AND SIMBIRSK PROVINCES 209

Danil V. Rybin

CONSERVATIVE LIBERALISM AND LEGALISM IN LATE SOVIET HISTORIOGRAPHY 224

Sergey V. Kistanov

THE AGRARIAN QUESTION AND WAYS OF SOLVING IT “FROM BELOW” IN THE SUMMER AND AUTUMN OF 1917 ON THE EXAMPLE OF TEMNIKOVSKY DISTRICT OF TAMBOV PROVINCE 236

PHILOSOPHY

Elena L. Iakovleva

FEATURES OF N. I. FESHIN’S SILENCE: AN ATTEMPT TO UNDERSTAND EXISTENTIAL EXPERIENCE 249

Vera P. Izergina, Nina I. Izergina

FORMS OF SLAVERY AND POSSIBILITIES OF LIBERATION: N. A. BERDYAEV’S PHILOSOPHY IN THE LIGHT OF THE CHALLENGES OF THE INFORMATION AGE 263

Anna A. Drozdova

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF SYMBOLIC REPRESENTATIONS OF WOMEN’S ROLES AT THE TURN OF THE XIX CENTURY: “OPHELIA” AND “SALOME” 273

Aleksey M. Krasnov

THE IDEA OF EMANATION IN THE PROBLEM OF CREATION 284

PSYCHOLOGY

Zhanna G. Garanina, Aleksandr A. Staroverov, Elena P. Sokolova

THE RELATIONSHIP BETWEEN PERSONALITY TRAITS AND ATTITUDES TOWARD THE INTERNET AMONG UNIVERSITY STUDENTS 296

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS 314

Развертывание всеобщего военного обучения в Мордовии на начальном этапе Гражданской войны (апрель 1918 – январь 1919 г.): опыт сравнительного анализа обучения в Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерниях

Аннотация

Введение. Пришедшим к власти в России в октябре 1917 г. большевикам необходимо было организовать защиту страны от внутренней и внешней агрессии. С целью подготовки боеспособного резерва вооруженных сил в апреле 1918 г. было принято решение об организации всеобщего военного обучения населения призывного возраста (16–40 лет). Целью статьи является изучение истории всеобщего военного обучения (всевобуча) в Мордовии в 1918–1919 гг. путем сравнительного анализа деятельности четырех уездных военных комиссариатов: Саранского и Краснослободского Пензенской губернии, Темниковского Тамбовской губернии и Ардатовского Симбирской губернии.

Материалы и методы. Материалами исследования являются архивные документы из фондов Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ). В качестве основных методов, исследования архивных документов выступают информационный анализ, системный подход и источниковедческий анализ.

Результаты исследования. Рассмотрена нормативная база для развертывания всевобуча на местах. Изучены подготовительные мероприятия, проведенные уездными военкоматами перед началом обучения первой группы населения допризывного и призывного возраста (16–20 лет). Приведены архивные данные о работе уездных съездов инструкторов всевобуча и нормативные документы, принятые этими съездами. Проанализированы материалы, отражающие уровень подготовки обучаемых первой возрастной группы. Показаны трудности реализации программ всевобуча и меры, принимаемые инструкторами для преодоления этих трудностей.

Обсуждение и заключение. В рамках сравнительного анализа деятельности Саранского и Краснослободского уездных военных комиссариатов Пензенской губернии, Темниковского Тамбовской губернии и Ардатовского Симбирской губернии рассмотрены итоги обучения первой возрастной группы, проходившего в октябре 1918 – январе 1919 г.

Отмечено, что на значительной части территории Мордовии мужское население, зачисленное по возрасту в первую группу, прошло программы всеобщего к началу 1919 г., несмотря на возникшие в этом процессе трудности. Отмечено значение всеобщего как важного метода массового обучения военному делу в чрезвычайных условиях, позволяющего подготовить квалифицированный военный резерв.

Ключевые слова: всеобщее, строительство вооруженных сил, армия, революция, Гражданская война, военное обучение, сравнительный анализ.

Для цитирования: Белкин А. И., Чашина Ж. В. Развертывание всеобщего военного обучения в Мордовии на начальном этапе Гражданской войны (апрель 1918 – январь 1919 г.): опыт сравнительного анализа обучения в Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерниях // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 3. С. 209–223. DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.209-223.

Aleksey I. Belkin¹, Zhanna V. Chashina²

¹ *National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: alex.i.bel@mail.ru*

² *Balakhna Branch of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky
(Balakhna, Russia), e-mail: chashina.j@yandex.ru*

Deployment of Universal Military Training in Mordovia at the Initial Stage of the Civil War (April 1918 – January 1919): Experience in Comparative Analysis of Training in Pensa, Tambov and Simbirsk provinces

Abstract

Introduction. The Bolsheviks who came to power in Russia in October 1917 needed to organize the defense of the country from internal and external aggression. In order to prepare a combat-ready reserve of the armed forces in April 1918, it was decided to organize universal military training for the population of military age (16–40 years old). The purpose of the article is to study the history of universal military training (vseobuch) in Mordovia in 1918–1919 by comparative analysis of the activities of four district military commissariats – Saransk and Krasnoslobodsk of the Penza province, Temnikov of the Tambov province and Ardatov of the Simbirsk province.

Materials and Methods. The research materials are archival documents from the funds of the Central State Archive of the Republic of Mordovia (CSA RM). The main methods used to study the documents are information analysis, a systematic approach and source analysis.

Results. The regulatory framework for the deployment of universal military training in the field is considered. The preparatory measures carried out by provincial recruitment offices before the start of training of the first group of the population of pre-induction and call-up age (16–20 years) were studied. Archival data on the work of provincial congresses of instructors of universal military training and standard documents adopted by these congresses are given. Materials reflecting the level of training of students of the first age group were analyzed. The difficulties in implementing universal military training programs and the measures taken by instructors to overcome these difficulties are shown.

Discussion and Conclusion. As part of a comparative analysis of the activities of the Saransk and Krasnoslobodsk district military commissariats of the Penza province, Temnikov of the Tambov province and Ardatov of the Simbirsk province, were considered the results of the training of the first age group, which took place in October 1918 – January 1919. It was noted that in a significant part of the territory of Mordovia, the male population, enrolled by age in the first group, underwent universal military training programs by the beginning of 1919, despite the difficulties that arose in this process. The importance of universal military training as an important method

of mass training in military affairs in emergency conditions, which allows to prepare a qualified military reserve, is emphasized.

Keywords: universal military training, construction of armed forces, army, revolution, Civil War, military training, comparative analysis.

For citation: Deployment of Universal Military Training in Mordovia at the Initial Stage of the Civil War (April 1918 – January 1919): Experience in Comparative Analysis of Training in Pensa, Tambov and Simbirsk provinces. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(3): 209–223. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.209-223.

Введение

Пришедшие к власти в России в октябре 1917 г. приверженцы коммунистической идеологии столкнулись с яростным сопротивлением на пути реализации планов построения социалистического государства как внутри страны, так и на международной арене. Следовало продумать пути и методы строительства вооруженных сил с опорой исключительно на внутренние резервы. Формирование наемнических подразделений в тех условиях было невозможно, поскольку в разоренной войной стране, находившейся во враждебном окружении, средств для организации подобного рода вооруженных формирований просто не было. Руководители молодого Советского государства понимали, что основную ставку в строительстве новых вооруженных сил придется делать на уставшее и разоренное Первой мировой войной население. Разумеется, было и ясное понимание того, что без должной организации и выучки вооруженные отряды, сформированные из этого населения, будут представлять не эффективную боевую единицу, способную защищать страну в условиях жесточайших угроз существованию России и изнутри, и извне, а дополнительный фактор дестабилизации обстановки.

Эта проблема приобрела актуальность на современном этапе развития российской истории, поскольку силы коллективного Запада, противостоящие России и обсуждающие в настоящее время возможность организации прямой агрессии против нашей страны, побуждают российские вла-

сти и российское гражданское общество к мобилизации всех возможных внутренних резервов для защиты суверенитета страны и обеспечения возможностей ее устойчивого развития. Поэтому опыт организации всеобщего военного обучения (всевобуча) в годы Гражданской войны представляется нам важным фактором, способствовавшим мобилизации внутренних сил страны, серьезным шагом в подготовке вооруженных сил к отражению внутренней и внешней агрессии.

В связи с этим целью исследования является изучение истории всеобщего военного обучения населения Мордовии в 1918–1919 гг. Реализация этой цели ставит перед нами необходимость проведения сравнительного анализа деятельности уездных военных комиссариатов. Поскольку Мордовии как единого административного образования тогда не существовало, авторы исследовали архивный материал, отражающий деятельность четырех уездных военкоматов трех губерний – Пензенской, Тамбовской и Симбирской. Даже при знакомстве с документами становится очевидным, что имелись некоторые особенности организационной подготовки и проведения первого этапа всевобуча как объективного, так и субъективного характера в различных губерниях. Исходя из этого, нами определены следующие задачи: 1) изучение начального этапа развертывания всеобщего военного обучения в Мордовии и выявление особенностей этого процесса путем сравнительного анализа деятельности уездных военкома-

тов Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерний; 2) определение эффективности данного метода военной подготовки в качестве создания резерва для формирования регулярных вооруженных сил с учетом некоторых региональных особенностей; 3) анализ трудностей, возникавших при реализации программ всеобщего обучения.

Обзор литературы

Организация всеобщего военного обучения в годы Гражданской войны, на наш взгляд, изучена недостаточно и в советской историографии, и в современной российской. Практически отсутствуют монографические исследования, посвященные исследованию истории всеобщего обучения. Историография исследований Гражданской войны в СССР достаточно обширна. Это в основном работы обобщающего характера, в которых тема всеобщего обучения рассматривается как один из аспектов событий тех лет. Часто рассмотрение проблемы ограничивается описанием нормативных документов и публикацией статистических данных, касающихся охвата населения призывного возраста военным обучением [1; 3–5, 7; 8]. Применительно к историографии советского времени надо учитывать и то, что распространенные в те годы идеологемы порой препятствовали объективной оценке как самих исторических событий, так и вызвавших их причин¹.

В современной российской историографии мало публикаций по истории всеобщего военного обучения. Из статей, дающих общее представление о проблеме, выделим исследование А. М. Новожилова [11]. В нем приводятся статистические данные, характеризующие процесс всеобщего военного обучения. Практически не уделяется внимания анализу трудностей, противоречий, оценке эффективности этого метода военной подготовки. Большинство публикаций посвя-

щены рассмотрению истории всеобщего обучения в российских регионах. Некоторые дают лишь предельно общую, поверхностную характеристику этого процесса [9; 10]. В других же публикациях организация всеобщего обучения на местах рассмотрена более детально, выявлены его региональные особенности – как позитивные, так и негативные [2; 6; 12]. Эта актуальная в современных условиях тема требует дальнейшего исследования в различных аспектах – и как важная составляющая истории Гражданской войны в СССР, и как важный этап в развитии методики обучения военному делу широких масс населения.

Материалы и методы

Материалами для данного исследования послужили, главным образом, архивные документы из фондов Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ). Это определило выбор методов исследования. Авторами применялся системный подход, позволивший сформировать целостное представление о работе государственных органов в годы Гражданской войны. Информационный анализ позволил нам выявить и уяснить значение информации, содержащейся в различных видах документов, с точки зрения ее ценности и достоверности. Источниковедческий анализ применялся для более глубокого понимания происхождения, языка и формы исследуемого материала.

Результаты исследования

Итак, в сложной для Советской России и международной, и внутренней обстановке в качестве важнейшей задачи была обозначена организация всеобщего военного обучения. Руководители государства прекрасно понимали, что этот процесс следует юридически оформить, придать ему обязательный характер. 22 апреля 1918 г. вышел Декрет Всероссийского центрального исполнительного

¹ См.: Защита Великого Октября: сб. ст. М., 1986.

комитета (ВЦИК) об обязательном обучении военному искусству². Документ позиционировал военное обучение как государственную систему подготовки трудящихся³ к защите страны. Была установлена общая воинская повинность для всех рабочих и трудящихся крестьян в возрасте от 18 до 40 лет, не эксплуатирующих чужого труда, с допризывной подготовкой молодежи в возрасте от 16 до 18 лет и обучением школьников военному делу. Обучение подготовительного (16–18 лет) и призывного (18–40 лет) возраста было возложено на Народный комиссариат по военным делам, школьного возраста – на Народный комиссариат просвещения при активном участии и помощи Наркомата по военным делам. Женщины могли принять участие во всеобщем обучении лишь на добровольной основе. Освобождение граждан от военного обучения не предусматривалось, однако в примечании разъяснялось: «Лица, религиозные убеждения которых не допускают применения оружия, привлекаются к обучению лишь обязанностям, не связанным с употреблением оружия»⁴.

Достаточно подробно был расписан и механизм реализации поставленных задач. Согласно декрету, за организацию военного обучения на местах отвечали военные комиссариаты. Обучение должно было проводиться в течение восьми недель, не менее 12 ч в неделю. При этом организовывать обучение следовало так, чтобы не отрывать обучаемых от их постоянной работы⁵.

Журнал «Военное дело» обозначил три основные задачи, которые должен был решить всеобщий: 1) вооружение трудящихся слоев населения и обучение военному делу,

чтобы в любой момент они могли встать на защиту советской республики; 2) формирование армейского резерва; 3) формирование основы для создания милиционной системы вооруженных сил [8, с. 253].

Структура органов всеобщего обучения выглядела следующим образом. Территорию страны разделили на военные округа, в каждом из которых сформировали окружной отдел всеобщего обучения. В составе военных комиссариатов (губернских, уездных, городских, районных) сформировали отделы всеобщего военного обучения. Самой низшей ступенью этой структуры стали районные пункты и бюро всеобщего обучения (сельские, школьные, фабрично-заводские), занимавшиеся непосредственно военным обучением населения. Они подчинялись волостным военным комиссариатам⁶. Бюро всеобщего обучения были временными органами и работали лишь до тех пор, пока оставались не обученные военному делу. Как только обучение заканчивалось, бюро закрывалось или перемещалось туда, где оставался необученный контингент. Таким образом, созданная система была достаточно мобильной и позволяла с наименьшими затратами сил и средств использовать кадры военных специалистов и материальную часть.

Была разработана 96-часовая программа обучения, рассчитанная на занятия в течение 48 дней по 2 ч в день. Как отмечали составители, программа была ориентирована на получение лишь тех знаний, которые необходимы «в полевых условиях боя»⁷. При этом инструкторам предоставлялось право изменять, сокращать или дополнять некоторые части программы, сообразуясь с местными особенностями и условиями обучения, сохраняя

² См.: Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 151–153.

³ Классовое деление в определении категорий обучаемых военному искусству на тот момент играло решающую роль. Основу новой армии составляли трудящиеся слои населения – рабочие и беднейшее крестьянство. Только им советская власть доверяла оружие, рассчитывая на их поддержку.

⁴ Декреты Советской власти. Т. 2. С. 152.

⁵ См.: Декреты Советской власти. Т. 2. С. 153.

⁶ См.: Гражданская война и интервенция в СССР: энцикл. М.: Совет. энциклопедия, 1987. С. 123.

⁷ ЦГА РМ (Центральный Государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-254. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

при этом общую направленность обучения на подготовку бойцов, способных эффективно применить полученные знания в условиях боевых действий. «Чем больше творчества, а не простого ремесленничества проявит инструктор, – отмечалось в программе, – тем совершеннее он выполнит ответственную задачу учителя... по военному делу»⁸.

Основное внимание программа обращала на стрелковую и тактическую подготовку бойца. Большое место отводилось изучению винтовки, техники и тактики стрельбы. Начиная с восьмого дня обучаемые знакомились с основами строевой и тактической подготовки⁹. В программе предусматривались необходимые сведения о походном движении войсковой части, разведке, наступлении и обороне, военно-инженерном деле. Будущим воинам прививались навыки правильного и быстрого рытья окопов и траншей, умелой их маскировки и т. д. В течение первых 26 дней обучения должна была идти одиночная подготовка. Значительное место отводилось в программе изучению действий роты во всех видах боя. Уделялось время для отработки тактических задач на местности. Завершался весь курс обучения проверкой знаний и беседой на тему «Для чего мы обучались, как в дальнейшем продолжать занятия без помощи инструктора»¹⁰. Эта программа была введена в действие 16 июля 1918 г.¹¹

На основе этих документов развернулась работа на местах. Ввиду того что уездные и волостные военные комиссариаты только начинали создаваться, организация всеобщего военного обучения зависела прежде всего

от того, насколько успешно и быстро будут формироваться комиссариаты. Получилось так, что развертывание всеобщего совпало с полевыми работами, а население уездов (Саранского и Краснослободского – Пензенской губернии, Ардатовского – Симбирской губернии, Темниковского – Тамбовской губернии, позднее вошедших в состав Мордовии) было в подавляющем большинстве крестьянским. Поэтому всеобщий был широко развернут по окончании осенних полевых работ в 1918 г., но подготовительные мероприятия по учету граждан, подлежащих военному обучению, были проведены еще летом. Отдел всеобщего при Саранском уездном военкомате был сформирован только в конце сентября того же года. Большая подготовительная работа, проведенная в течение лета, позволила практически сразу после создания отдела приступить к обучению населения. Так, например, уже 4 октября один из инструкторов сообщал в Саранский волостной военкомат: «...занятия с гражданами деревни Николаевка провожу на выпасе на востоке от деревни Николаевка по понедельникам, средам и пятницам с 4 до 6 часов и по вторникам, четвергам и субботам утром, с 6 до 8 часов»¹². В Саранске занятия начались 19 октября¹³, в Макаровской волости – 15 октября¹⁴, в Лямбирской – 14 октября¹⁵. В течение октября приступили к занятиям во всем Саранском уезде с первой возрастной группой обучаемых.

Организационные вопросы стали предметом рассмотрения на уездном съезде волостных военных комиссаров, военных руководителей, сотенных и взводных ин-

⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-254. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

⁹ Там же. Л. 58 об.

¹⁰ Там же. Л. 63.

¹¹ Там же. Л. 57.

¹² Там же. Ф. Р-50. Оп. 1. Д. 15. Л. 237.

¹³ Там же. Л. 65.

¹⁴ Там же. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.

¹⁵ Там же. Ф. Р-461. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

структоров, который состоялся в Саранске 8 октября. Большое внимание было уделено обсуждению предложений о наиболее целесообразной организации обучения, которые высказали инструкторы¹⁶. На основе документов, принятых на съезде, развернулась большая работа по организации военного обучения в Саранском уезде. При волостном военкомате были сформированы две сотни обучающихся, в каждой из которых, как было определено документами, имелось по одному сотенному инструктору и по два взводных. Инструкторов по обучению катастрофически не хватало. Имелось только два инструктора по отделениям (согласно норме, их должно быть восемь). Из 12 отделенных инструкторов, утвержденных приказом по уездному военкомату, к исполнению своих обязанностей приступил только один¹⁷. Слаба была материальная база, не хватало учебных пособий. На всю Саранскую волость было выдано 9 ортоскопов, 9 прицельных станков, 9 прицельных зеркал, 6 винтовок, 30 учебных патронов с обоймами, 100 малых лопат, 10 топоров, 3 учебные гранаты, 6 комплектов полного снаряжения, 10 учебников, различных пособий и инструкций¹⁸, тогда как к 15 ноября 1918 г. в волости обучалось 400 чел.¹⁹ На помощь уездного отдела всеобщего обучения рассчитывать не приходилось. Волостной комиссариат настойчиво искал возможность преодолеть острую нехватку средств обучения. 25 октября волвоенком написал письмо начальнику Саранской уездной тюрьмы: «До сведения комиссариата дошло, что во вверенной Вам тюрьме имеются трехлинейные русские винтовки. Не представляется ли возможность хотя бы на время

дать комиссариату несколько этих винтовок, которые крайне необходимы при обучении двухсот лиц, призванных для военного обучения»²⁰. Но винтовки получены не были. 15 ноября уездный военком обратился с письмом в Саранскую уездную ЧК, в котором попросил выдать для обучения уже «четыре сотен лиц 4–5 русских трехлинейных винтовок»²¹. И это не увенчалось успехом, поскольку нехватка оружия в то время во всех учреждениях была катастрофической.

Тем не менее обучение военному делу в волости продолжалось. Занятия велись по 2 ч в день, а сделать надо было очень много. Дорожили буквально каждой минутой. Поэтому недопустимы были опоздания на занятия. Лица, замеченные в систематическом опоздании и не являвшиеся на занятия без уважительных причин, привлекались к ответственности. Посещаемость неслучайно стала предметом пристального внимания, поскольку случаи неявки на занятия были нередки. Так, в рапорте сотенного инструктора Саранского волостного комиссариата, поданном в октябре 1918 г., упомянуты 33 чел., игнорировавшие обучение.

По предписанию уездного военкомата, параллельно с подготовкой первой группы в конце октября – первых числах ноября начались занятия со второй (от 21 до 30 лет) и третьей (от 31 до 40 лет) группами. После экзаменационного испытания тех, кто проходил обучение в старой армии, и медицинской комиссии во вторую группу было зачислено 396 чел., в третью – 160 чел.²² Таким образом, к середине ноября 1918 г. с учетом первой группы (204 чел.) в Саранской волости 760 чел. обучались военному делу. Занятия

¹⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 5. Л. 99–100.

¹⁷ Там же. Ф. Р-254. Оп. 1. Д. 5. Л. 67.

¹⁸ Там же. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 5. Л. 27.

¹⁹ Там же. Л. 241.

²⁰ Там же. Л. 82.

²¹ Там же. Л. 241.

²² Там же. Л. 399.

со второй группой были начаты 16 ноября, а с третьей группой – 18 ноября. Вскоре по указанию Пензенского губернского военкомата они были приостановлены.

В первых числах декабря 1918 г. для проверки знаний обучаемых была создана экзаменационная комиссия. Для большей объективности, с точки зрения организаторов обучения, комиссия одной волости должна проверять другую волость. Например, экзаменационная комиссия Лямбирской волости должна была проверять знания военного дела в Саранско-Посопской и т. д. В экзаменационном листе ставилась не одна общая оценка по всей программе, а по каждому разделу оценки выставлялись отдельно («плохо», «удовлетворительно», «хорошо», «отлично»). Лиц, не сдавших экзамен, присоединяли ко второй или третьей группе, где они должны были пройти обучение повторно.

К сожалению, из-за больших трудностей с оружием, о которых написано выше, результаты стрельб оказались невысокими, что, естественно, снижало качество подготовки будущих воинов. Проиллюстрируем это на примере Лямбирской волости, так как результаты стрельб здесь наиболее типичны для уезда. В стрельбах участвовало 100 чел., каждому из которых было выдано

по четыре патрона, т. е. всего было роздано 400 патронов. В цель же попало в общей сложности 110 (примерно 27 %) ²³.

Обучение первой группы в Саранском уезде было в основном закончено к январю 1919 г. Разумеется, нельзя считать, что все, входящие по возрасту в первую группу, прошли обучение в это время. Тому было много причин, и одна из них – широко распространенное дезертирство, стремление под различными предлогами уклониться от занятий. Какое-то количество не прошедших обучение в первой группе было присоединено впоследствии к другим группам, а часть так и осталась необученными.

В Краснослободском уездном военкомате отдел всеобщего обучения был сформирован 5 октября 1918 г. ²⁴ Была проделана большая предварительная работа по учету населения, но планомерная, систематическая работа по всеобщему обучению началась лишь после создания отдела. В первую группу обучаемых, по предварительным данным, входило 5 138 чел. Экзаменационными комиссиями после проверочного испытания ранее проходивших службу было освобождено 314 чел.; и врачебными комиссиями – 441 чел. Таким образом, обучение в первой группе в Краснослободском уезде должны были проходить 4 360 чел. ²⁵

Таблица 1
Форма экзаменационного листа ²⁶ /
Table 1
Form of Examination Sheet

Название волости / Name of the municipality	№ п/п / No.	Имя и фамилия / Name and surname	Стреловая подготовка / Drill training	Стрелковая подготовка / Shooting training	Окопное дело / Trench warfare	Глазомерное определение / Eye-measuring definition	Тактическая подготовка / Tactical training	Если проходил курс стрельбы, то указать, сколько упражнений и заключение / If you have completed a shooting course, then indicate how many exercises and the conclusion	Примечание / Note
--	----------------	-------------------------------------	--	--	----------------------------------	---	---	---	----------------------

²³ ЦГА РМ. Ф. Р-461. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

²⁴ Там же. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 9. Л. 172.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 2. Л. 57.

Таблица 2

Ход и результаты обучения по программе всеобщего с первой возрастной группой обучаемых в Краснослободском уезде Пензенской губернии в октябре 1918 – январе 1919 г.²⁷

Table 2

Progress and Results of Training under the Program of Universal Military Training of the First age Group of Students in the Krasnoslobodsk district of the Penza Province in October 1918 – January 1919

Волости и населенные пункты уезда / Municipalities and localities of the county	Начато обучение / Training started	Окончено обучение / Training completed	Число обучаю- щихся, чел. / Number of students, ppl.	Из них выдержали экзамен, чел. / Passed the exam, ppl.	Оставлены во вторую группу / Left in the second group
г. Краснослободск / The town of Krasnoslobodsk	26.10.1918	02.01.1919	129	129	Нет
Краснослободская волость / Krasnoslobodskaya volost	01.11.1918	28.12.1918	122	108	14
Тенишевская волость / Tenishevskaya volost	01.11.1918	14.01.1919	241	236	5
Введенская волость / Vvedenskaya volost	01.11.1918	26.12.1918	96	93	3
Заштатный город Троицк / The provincial town of Troitsk	02.11.1918	11.01.1919	130	123	7
Ново-Девиченская волость / Novo- Devichenskaya volost	03.11.1918	01.01.1919	67	62	5
Базарно-Дубровская волость / Bazarno- Dubrovskaya volost	04.11.1918	02.01.1919	114	110	4
Слободско-Дубровская волость / Slobodsko-Dubrovskaya volost	04.11.1918	03.01.1919	117	114	3
Старо-Девиченская волость / Staro-Devichenskaya volost	04.11.1918	04.01.1919	284	276	8
Урейская волость / Ureyskaya volost	05.11.1918	09.01.1919	145	132	13
Оброчинская волость / Obrochinskaya volost	05.11.1918	09.01.1919	127	127	Нет
Рыбкинская волость / Рыбкинская волость	05.11.1918	02.01.1919	275	243	32
Русско-Маскинская волость / Russian-Maskin parish	08.11.1918	15.01.1919	136	133	3
Михайловская волость / Mikhailovskaya volost	09.11.1918	05.01.1919	Нет дан- ных	Нет дан- ных	–
Синдорская волость / Sindorovskaya volost	10.11.1918	12.01.1919	139	137	2
Троицкая волость / Troitskaya volost	11.11.1918	11.01.1919	303	303	Нет
Ново-Ямская волость / Novo-Yamskaya volost	12.11.1918	01.01.1919	126	117	9
Сивинская волость / Sivinskaya volost	13.11.1918	05.01.1919	Нет дан- ных	Нет дан- ных	–
Аксельская волость / Akselskaya volost	13.11.1918	07.01.1919	Нет дан- ных	Нет дан- ных	–
Усть-Рахмановская волость / Ust-Rakhmanovskaya volost	14.11.1918	07.01.1919	65	59	6
Мамолаевская волость / Mamolaevskaya volost	13.11.1918	15.01.1919	226	226	Нет
Пурдошанская волость / Пурдошанская во- лость	18.11.1918	13.01.1919	162	159	3
Ельниковская волость / Yelnikovskaya volost	18.11.1918	13.01.1919	281	268	13
Больше-Азяская волость / More-Asias parish	19.11.1918	17.01.1919	135	124	11

²⁷ Составлено по: ЦГА РМ. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–4, 6–137, 121.

Инструкторов для обучения по возможности старались отбирать из бывших офицеров. Отсутствие денежных средств тормозило работу отдела. Крайне не хватало пособий, инструкций, уставов. Поэтому инструкторам, проводившим занятия, приходилось рассчитывать только на свои старые знания. Это, разумеется, надо принимать в расчет при оценке качества знаний обучающихся.

К занятиям с первой группой приступили не сразу во всем уезде, а постепенно. Это связано с тем, что сотенные инструктора, которые организовали и проводили обучение, находились еще на экзамене в Пензе. Всего в уезде было организовано 22 местных бюро всеобщего²⁸. Заметим, что местные бюро открывались по распоряжению уездного военкома при наличии не менее 100 фактически обучающихся.

Ход обучения с первой возрастной группой в Краснослободском уезде представлен в табл. 2.

Еще до начала обучения отдел всеобщего уездного военкомата, зная, какие трудности страна испытывает с оружием и учебными пособиями, ориентировал все местные бюро на то, чтобы те пособия, которые можно было в кратчайший срок изготовить на месте, были изготовлены. Там, где непосредственно занималось население, при местных бюро и других пунктах обучения были оборудованы тир и стрельбища, учебные городки. На большую самостоятельность и инициативность в деле ориентировали центральные и губернские органы. В письме губернского военкомата от 17 октября 1918 г. говорилось: «Учебники, станки, зеркала и прочее, о присылке которых запрашивают уездные комиссариаты телеграфно, губернский комиссариат

прислать не может, а уезды сами должны выписывать непосредственно с фабрик, заводов и магазинов. Уездным комиссариатам предлагается немедленно разработать план и приступить к делу, по возможности меньше обременяя губернский комиссариат перепиской»²⁹.

Важный вопрос — отношение населения к всеобщему. В тех документах, которые отправлялись в центральные органы с мест, необходимо было в обязательном порядке предоставлять данные об этом. Однозначно оценить ситуацию достаточно трудно, какой бы уезд Мордовии мы ни взяли. Но, как это часто бывает, в авангарде была молодежь. В первой группе обучаемых, куда входили лица от 18 до 21 года, случаи дезертирства, халатного отношения к занятиям были распространены не столь широко, как это было, скажем, со второй и третьей группами, куда входили лица от 21 до 40 лет. Но и в случае с этими группами многие инструктора отмечали в своих донесениях, что более молодая часть групп прилежнее относится к занятиям.

Широко развернулась работа по всеобщему и в Темниковском уезде Тамбовской губернии, где отдел всеобщего военного обучения начал функционировать 1 октября 1918 г.³⁰ В отличие от Саранского и Краснослободского уездов здесь не проводилась предварительная работа по учету населения, поэтому пришлось заняться этим сразу после формирования отдела. По предварительному учету, в уезде насчитывалось 22 555 чел., подлежащих обучению (т. е. мужчин в возрасте от 16 до 40 лет)³¹. Было сформировано 28 местных бюро, начался подбор инструкторов. С середины ноября местные бюро приступили к обучению населения.

²⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 9. Л. 173.

²⁹ Там же. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

³⁰ Там же. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 7. Л. 323.

³¹ Там же. Оп. 2. Д. 26. Л. 36.

1 декабря 1918 г. был созван уездный съезд инструкторов-организаторов местных бюро Темниковского уезда, на котором присутствовали 27 чел. На съезде председательствовал уездный инспектор Т. М. Спиркин³². К моменту проведения съезда обучение первой группы в уезде было в самом разгаре, а в некоторых волостях уже подходило к концу. Однако за неимением оружия и патронов занятия по стрелковому делу практически не проводились. Съезд отметил, что в ходе обучения инструкторы проявляли много собственной инициативы: подыскивали удобные места для стрельбищ, гимнастического городка, изготавливали чучела, прицельные станки и т. д.³³ Правда, далеко не всегда инструктора видели понимание и поддержку со стороны местных органов власти. Населенные пункты находились в 6–7 верстах друг от друга. Были случаи, когда комитеты бедноты препятствовали подбору подходящих помещений для проведения занятий, отказывали в подводах, которые были крайне необходимы, особенно инструкторам-организаторам для проверки хода обучения. Но все же главным фактором, тормозящим обучение населения военному делу, уездный съезд инструкторов всеобща признал недостаток технических средств обучения, прежде всего винтовок и патронов³⁴.

Обучение первой группы в основном закончилось по Темниковскому уезду к середине декабря 1918 г.³⁵ 19 декабря Темниковский уездный военкомат разослал волостным военкоматам письмо, которым предписывалось выяснить количество подлежащих обучению во второй группе,

провести экзамен для служивших ранее в армии на предмет знания основ военного дела. Также было предписано организовать медицинскую комиссию для проверки состояния здоровья тех, кто заявил о своей непригодности к военной службе, и распределить обучаемых по группам (сотням, взводам, отделениям). В зависимости от местных условий в отделения должны входить от 10 до 20 обучающихся³⁶.

В самом конце 1918 г., когда все необходимые подготовительные работы для начала обучения второй группы были проведены, выяснилось, что количество подлежащих по возрасту обучению во второй группе не так уж велико. Поэтому уездный военкомат счел возможным объединить для обучения вторую и третью группы³⁷. Организационные мероприятия по учету третьей возрастной группы на некоторое время отодвинули начало обучения. Эти группы приступили к занятиям уже в 1919 г.

Позже всех, по сравнению с уездами Пензенской и Тамбовской губерний, приступили к организации военного обучения в Ардатовском уезде Симбирской губернии. Это обстоятельство было связано с событиями, разыгравшимися на Восточном фронте, летом и в начале осени 1918 г. Отдел всеобща при Ардатовском уездном военкомате был организован лишь 10 ноября 1918 г. Оттянуло начало обучения также и то, что, кроме агитационной работы, больше никаких подготовительных мероприятий не проводилось. После проведенного учета выяснилось, что мужского населения в возрасте от 18 до 40 лет, подлежащего обучению, оказалось 29 840 чел. Из них

³² ЦГА РМ. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 7. Л. 703.

³³ Там же. Л. 704.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Д. 27. Л. 258.

³⁶ Там же. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

³⁷ Там же. Л. 1.

проходили обучение в старой армии – 16 289 чел., не проходили обучение – 8 315, не подлежали обучению – 5 236 чел.³⁸ Хочется сделать некоторые замечания относительно числа 16 289. Историками И. М. Корсаковым и М. И. Романовым в книге «Из истории Мордовии в годы гражданской войны» оно трактуется неверно [7, с. 36]. Эта же ошибка была перенесена во второй том «Очерков по истории Мордовской АССР»³⁹. Указанные авторы считают, что в период с 15 июня 1918 по 8 февраля 1919 г. в Ардатовском уезде прошли всеобщую 16 289 чел., тогда как в указанное время обучение в уезде вообще не велось. Число 16 289, как мы указали выше, означает число лиц, ранее проходивших военную службу. Если судить согласно переписи, проведенной осенью 1918 г., то всеобщую подлежали 8 315 чел. в возрасте от 18 до 40 лет. К учету инструкторов в конце 1918 г. лишь приступили.

Для организации и руководства военным обучением Ардатовский уезд был разбит на 13 участков. Эта работа была проведена только в декабре 1918 г., тогда как в «пензенской» и «тамбовской» частях Мордовии обучение первой группы шло уже полным ходом, а где-то уже и близилось к завершению.

Было принято решение в первую очередь обучить служащих советских учреждений. По предварительному учету, обучению подлежали 138 чел., но 76 из них, ранее проходившие военную службу, были освобождены от обучения экзаменационными комиссиями⁴⁰. Оставшиеся 62 чел. прошли обучение до конца декабря и затем сдавали экзамен. Справились лишь 34 чел., а 28 чел. были

оставлены на повторное прохождение курса всеобщей⁴¹. В связи с такими результатами уездный военком в своем приказе отмечал: «Из всего видно, что многие служащие неаккуратно посещали занятия и халатно относились к изучению военного дела»⁴².

Начавшие разворачиваться работы по организации всеобщего военного обучения в Ардатовском уезде осложнило введение 2 января 1919 г. «в виду повторяющихся случаев убийства коммунистов на почве взыскания чрезвычайного революционного налога, выступлений против советской власти и покушения на советских работников» военного положения⁴³.

Обсуждение и заключение

Итак, мы видим, что на значительной части территории Мордовии всеобщую был развернут с октября-ноября 1918 г. Организатором обучения на местах были уездные военные комиссариаты и созданные ими сборные пункты и местные бюро. Раньше всех приступили к этой работе в Саранском уезде Пензенской губернии. Неплохо было поставлено дело в Краснослободском уезде этой же губернии. Здесь к середине ноября все население, входящее в первую возрастную группу, было охвачено обучением.

Интенсивно шло обучение и в Темниковском уезде Тамбовской губернии, где к занятиям с первой возрастной группой приступили в ноябре 1918 г. Уже к 1919 г. ее обучение в уезде было окончено и начались подготовительные работы к занятиям со второй и третьей группами. Такой темп обучения объясняется тем, что занятия в большинстве местных бюро шли не 2 ч в день, как это было, скажем, в Красно-

³⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.

³⁹ Очерки по истории Мордовской АССР: в 2 т. Саранск, 1961. Т. 2. С. 91.

⁴⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.

⁴¹ Там же. Ф. Р-50. Оп. 1. Д. 22. Л. 51.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Д. 4. Л. 5.

лободском и Саранском уездах, а по 4 ч. В некоторых случаях предписывалось доводить продолжительность занятий до 6 ч в день.

В Ардатовском же уезде Симбирской губернии в конце 1918 г. начались лишь подготовительные работы по всеобучу, что было связано с военными действиями в губернии, развернувшимися летом и осенью 1918 г. Практически к обучению населения приступили лишь в 1919 г.

Можно сделать вывод, что на значительной части территории современной Мордовии мужское население, зачисленное по возрасту в первую группу, было обучено или к началу 1919 г. (Темниковский уезд Тамбовской губернии и некоторые уезды Пензенской губернии), или его обучение закончилось в первые дни нового года (Краснослободский уезд).

Организаторы всеобщего военного обучения столкнулись со значительными трудностями материального и технического характера, поскольку в первую очередь снабжались оружием действующие воинские части. Например, из-за недостатка оружия и отсутствия патронов занятия по стрелковому делу не проводились с первой группой обучаемых в Темниковском уезде⁴⁴. Тем не менее нельзя делать вывод, что стрельбы по окончании обучения не проводились совсем. Имеются соответствующие данные, подтверждающие проведение стрельб в некоторых волостях, входивших в состав уездов Пензенской гу-

бернии⁴⁵. Однако следует еще раз подчеркнуть острую нехватку оружия и патронов. Везде ощущался недостаток учебных пособий, приборов и руководящих инструкций. Отсутствие должного опыта и достаточной материальной базы вынудило работников всеобуча проводить допризывную подготовку молодежи не повсеместно, а только в городах и селах, расположенных близко к уездным центрам.

Тем не менее это позволило накопить определенный опыт в военной подготовке населения призывного возраста и в 1919 г. перейти к решению новых задач, которые возникли в связи с быстро меняющейся ситуацией в революционной России.

Развертывание всеобщего военного обучения в годы Гражданской войны имело еще одну важную сторону. Был наработан ценный опыт обучения широких масс населения призывного возраста военному делу в чрезвычайных ситуациях. Этот опыт был использован и в годы Великой Отечественной войны, и в последующие годы для подготовки квалифицированного резерва вооруженных сил. Следует изучать и анализировать эту сторону деятельности вооруженных сил России, поскольку современная ситуация настоятельно диктует необходимость укрепления армии, поддержание ее в постоянной боевой готовности с опорой на подготовленный резерв. Именно эти принципы формирует система всеобщего военного обучения в годы Гражданской войны.

Список источников

1. Бобылёв П. Н. На защите Советской республики. М.: Наука, 1981. 152 с.
2. Васильев М. В. Организация всеобщего военного обучения в годы Гражданской войны (по материалам документов Псковской губернии) // Военная мысль. 2012. № 4. С. 74–78.
3. Гнутов М. А., Фёдоров Г. Н. Боевой восемнадцатый год. Ульяновск: Ульяновское кн. изд-во, 1963. 116 с.
4. Голуб П. А. Революция защищается: Опыт защиты революционных завоеваний Великого Октября. 1917–1920. М.: Политиздат, 1982. 324 с.

⁴⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-53. Оп. 2. Д. 26. Л. 6.

⁴⁵ Там же. Ф. Р-256. Оп. 1. Д. 3. Л. 10–11; Ф. Р-461. Оп. 1. Д. 2. Л. 43; Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 5. Л. 197.

5. Ефимов И. А. К вопросу возникновения и деятельности уездных военных комиссариатов Мордовии в годы Гражданской войны // Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1966. Вып. 30. С. 125–147.
6. Калинина Е. А., Сарычева Т. В. Проблемы организации всеобщего военного обучения в 1918–1920 годах: Западная Сибирь и Олонецкая губерния – сравнительный анализ // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 288–299.
7. Корсаков И. М., Романов М. И. Из истории Мордовии в годы Гражданской войны. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1958. 189 с.
8. Кляцкин С. М. На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. М.: Наука, 1965. 475 с.
9. Лычёв Д. И. Всеобщее военное обучение на территории Мордовского края в годы Гражданской войны // Центр и периферия. 2024. Т. 19, № 1. С. 64–69.
10. Лычёв Д. И. Система всеобщего военного обучения (всеобщуча) в годы Гражданской войны // Модернизация культуры: диалоги о прошлом и настоящем в науке, искусстве и образовании: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2023. С. 65–67.
11. Новожиллов А. М. Всеобщее военное обучение в условиях интервенции и внутренней контрреволюции в годы Гражданской войны // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2023. № 19. С. 261–266.
12. Ростов Н. Д. Сегодня всеобщуч, а завтра в бою: анализ исторического опыта // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 3. С. 109–116.

References

1. Bobylev P. N. On the defense of the Soviet Republic. Moscow, Nauka, 1981. 152 p. (In Russ.)
2. Vasiliev M. V. Organization of universal military training during the Civil War (based on documents from the Pskov province). *Voennaya misl* = Military thought. 2012; 4: 74–78. (In Russ.)
3. Gnutoy M. A., Fedorov G. N. Combat eighteenth year. Ulyanovsk, Ulyanovsk Publishing House, 1963. 116 p. (In Russ.)
4. Golub P. A. The revolution is defended: The experience of protecting the revolutionary battles of the Great October Revolution. 1917–1920. Moscow, Politizdat, 1982. 324 p. (In Russ.)
5. Efimov I. A. On the issue of the emergence and activities of district military commissariats of Mordovia during the Civil War. *Trudi MNIIYaLIE* = Proceedings of MNIYALIE. No. 30th. Saransk, Mordov. Publishing House, 1966. P. 125–147. (In Russ.)
6. Kalinina E. A., Sarycheva T. V. Problems of organizing universal military training in 1918–1920: Western Siberia and Olonets province – comparative analysis. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Ser.: Gumanitarnie nauki* = Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities. 2021; T. 14. No. 2: 288–299. (In Russ.)
7. Korsakov I. M., Romanov M. I. From the history of Mordovia during the Civil War. Saransk, Mordov. Publishing House, 1958. 189 p. (In Russ.)
8. Klyatskin S. M. On the defense of October. Organization of the regular army and police construction in the Soviet Republic. Moscow, Nauka, 1965. 475 p. (In Russ.)
9. Lychev D. I. Universal military training on the territory of the Mordovian Territory during the Civil War. *Tsentr i periferiya* = Center and periphery. 2024; Vol. 19. No. 1: 64–69. (In Russ.)
10. Lychev D. I. The system of universal military training (vseobuch) during the Civil War. Modernizing culture: dialogues about past and present in science, art, and education. *Modernizatsiya kulturi: dialogi o proshlom i nastoyashchem v nauke, iskusstve i obrazovanii: materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf* = Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Samara, Samara State Institute of Culture, 2023. P. 65–67. (In Russ.)
11. Novozhilov A. M. Universal military training in the context of intervention and internal counter-revolution during the Civil War. *Pozitsiya. Filosofskie problemi nauki i tekhniki* = Philosophical problems of science and technology. 2023; 19: 261–266. (In Russ.)

12. *Rostov N. D.* Today is omnipotent, and tomorrow in battle: an analysis of historical experience. *Gumanitarnie problemi voennogo dela* = Humanitarian problems of military affairs. 2018; 3(16): 109–116. (In Russ.)

Поступила 16.01.2025.

Сведения об авторах

Белкин Алексей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7655-0039>.

E-mail: alex.i.bel@mail.ru

Чашина Жанна Вячеславовна – кандидат философских наук, доцент, кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Балахнинского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Балахна, Россия). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7199-0959>.

E-mail: chashina.j@yandex.ru

Submitted 16.01.2025.

About the authors

Aleksey I. Belkin – Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Philosophy Department, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0039>.

E-mail: alex.i.bel@mail.ru

Zhanna V. Chashina – Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Balakhna Branch of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky (Balakhna, Russia). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7199-0959>.

E-mail: chashina.j@yandex.ru

УДК 94(470)

Д. В. Рыбин

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста) (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: danilarybin@rambler.ru

Консервативный либерализм и легализм в поздней советской историографии

Аннотация

Введение. В статье рассматривается развитие советской исторической науки по проблеме консервативного либерализма и легализма в 1980–1990-е гг. Тема легализма (праволиберального движения юристов) не получила подробного рассмотрения в советской историографии и в нашей работе рассматривается впервые. При этом активными участниками этого движения были такие выдающиеся деятели, как Б. Н. Чичерин, М. М. Ковалевский, А. Ф. Кони, К. К. Арсеньев и др. Цель работы состоит в выявлении основных направлений поздней советской исторической науки в сфере правого либерализма.

Материалы и методы. В основу методологии положен проблемный подход, т. е. каждая сфера, в которой действовали либеральные группы, рассматривается как общественно-политическое явление, характерное для того времени.

Результаты исследования. Основное внимание уделялось таким проблемам, как праволиберальная пресса, работа умеренных либералов в правительственных органах власти, политические партии и общественные организации легалистов, биографии консервативных либералов, земский либерализм, региональные организации легалистов и пр. Ряд ученых (В. А. Китаев, К. Ф. Шацилло, В. Е. Кельнер, В. В. Шелохаев и др.) приблизились к идее легализма как части праволиберального движения в поздней империи. Но решающий шаг для выделения этого движения в одно из направлений консервативного либерализма сделан не был. Так, исследователи говорили о земском либерализме, «старом либерализме», прогрессизме и других направлениях «освободительного» движения. Юридическая группа, которая активно проявляла себя в ту эпоху, исследователями замечена не была, и организации, в которых юристы доминировали, были вписаны в общий контекст либерального потока. Сами юристы «приписывались» к тем или иным организациям либерального толка, а юридическая компонента правого либерализма почти не рассматривалась.

Обсуждение и заключение. Можно сделать вывод, что оценки консервативного либерализма сменились с негативных на позитивные. По мере изучения истории умеренного либерализма советские ученые перешли к взвешенным характеристикам этого явления.

Ключевые слова: легалисты, Б. Н. Чичерин, М. М. Ковалевский, К. К. Арсеньев, консервативный либерализм, прогрессисты, партия мирного обновления.

Для цитирования: Рыбин Д. В. Консервативный либерализм и легализм в поздней советской историографии // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 3. С. 224–235. DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.224-235.

© Рыбин Д. В., 2025

Conservative Liberalism and Legalism in Late Soviet Historiography

Abstract

Introduction. The article reveals the development of Soviet historical science on the problem of conservative liberalism and legalism in the 1980-1990s. The topic of legalism (right-wing liberal movement of lawyers) has not received detailed consideration in Soviet historiography and is considered in our work for the first time. At the same time, such outstanding figures as B. N. Chicherin, M. M. Kovalevsky, A. F. Koni, K. K. Arsenyev and others were active participants in this movement. The purpose of the work is to identify the main directions of late Soviet historical science in the field of right-wing liberalism.

Materials and Methods. The methodology is based on the problem approach, that is, each area in which liberal groups acted is considered as a socio-political phenomenon characteristic of that time.

Results. The main attention was paid to such problems as the right-liberal press, the work of moderate liberals in government bodies, political parties and public organizations of legalists, biographies of conservative liberals, zemstvo liberalism, regional organizations of legalists, etc. A number of scientists (V. A. Kitaev, K. F. Shatsillo, V. E. Kelner, V. V. Shelokhaev, etc.) came close to the idea of legalism as part of the right-liberal movement in the late empire. But the decisive step to distinguish this movement as one of the directions of conservative liberalism was not made. Thus, researchers spoke about zemstvo liberalism, "old liberalism", progressivism and other directions of the "liberation" movement. The legal group, which actively manifested itself in that era, was not noticed by researchers, and organizations in which lawyers dominated were inscribed in the general context of the liberal stream. The lawyers themselves were "assigned" to one or another organization of a liberal persuasion, and the legal component of right-liberalism was almost not considered.

Discussion and Conclusion. It can be concluded that the assessments of conservative liberalism have changed from negative to positive. As they studied the history of moderate liberalism, Soviet scholars moved to balanced characteristics of this phenomenon.

Keywords: Legalists, B. N. Chicherin, M. M. Kovalevsky, K. K. Arsenyev, conservative liberalism, progressives, party of peaceful renewal

For citation: Rybin D. V. Conservative Liberalism and Legalism in Late Soviet Historiography. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(3): 224–235. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.224-235.

Введение

В последние 60 лет Российской империи существовало небольшое легалистское (юридическое) сообщество, являвшееся частью консервативно-либерального направления в русском освободительном движении. С приходом к власти большевиков легализм и, отчасти, консервативный либерализм, подвергшиеся обструкции со стороны В. И. Ленина, были почти забыты и советской наукой специально не изучались. Постепенно советская наука приступила к изучению консервативного либерализма. В

нашей работе мы рассматриваем научные труды позднего советского времени, которые прямо или косвенно затрагивали темы, связанные с правым либерализмом: консервативный либерализм, прогрессизм, легализм (частично совпадающие термины). Постараемся выяснить, как советские историки отказались от стереотипов в истории консервативного либерализма.

Материалы и методы

Основными материалами нашего исследования являются основные работы по истории правого либерализма в 1970–1990-е гг.

По историографии советского либерализма выходили различные научные труды. Чрезвычайно важной и полезной работой по историографии либерализма являются изыскания А. Н. Егорова. В числе прочего он очень подробно охватил период XX в., когда формировалась историография российского либерализма [9; 10]. А. Н. Егоров сформулировал основные дискуссии по истории либерализма в XX в., подробно их проанализировал. Можно также выделить историографические работы В. Г. Кичеева по исследованиям «помещичьих и буржуазных партий» [18; 19]. Стоит отметить, что многие ведущие советские историки (К. Ф. Шацилло, В. Я. Лаверычев, В. В. Шелохаев и др.) оставили от того времени хорошие историографические очерки, входящие в их труды по либерализму [10, с. 189–191].

В основу методологии работы положен проблемный подход, т. е. каждая сфера, в которой действовали либеральные группы, рассматривается как общественно-политическое явление, характерное для того времени.

Результаты исследования

В последние годы существования Советского государства марксистская трактовка событий постепенно отступала, заменяемая на беспристрастный научный подход. К тому времени уже давно работали крупные историки, которые десятилетиями писали о правом либерализме (В. Н. Селецкий, В. А. Китаев, В. Я. Лаверычев, А. Г. Слонимский, Н. М. Пирумова и др.). Большинство ученых постепенно уменьшали значение марксистской методологии при оценке событий.

Увеличивалась специализация тем исследований. Например, выделилась большая группа работ по проблемам либеральных изданий. В 1985 г. вышла диссертация, а позже монография А. А. Алафаева о русском либерализме в критический период 1878–1881 гг. В центре исследования дис-

сертанта оказался главный либеральный журнал – «Вестник Европы» [1]. А. А. Алафаев отмечал, что лейтмотивом сотрудников «Вестника...» в 1881 г. было введение в России правового порядка, который во дворился бы с принятием Конституции. Вторя В. И. Ленину и Г. В. Плеханову, ученый часто использовал выражение «утопия либерализма». Соответственно, либералы, по А. А. Алафаеву, это «убожество» [2]. М. М. Стасюлевича и его круг А. А. Алафаев по-прежнему относил к «старым либералам», отжившим свой век. Жесткой критикой также отличалась Н. А. Балашова, которая называла Е. Н. Трубецкого «политиканом», «антидемократом» и т. д. [3]. Ее монография, переизданная в 1996 г., содержала существенно более мягкие и скорее положительные оценки деятельности легалиста [4].

В. В. Ведерников писал о публицистике и конституционных проектах [5]. Так, он называл Б. Н. Чичерина «крайне правым либералом» (также рассказывал об его эволюции от консерватизма к либерализму), редакцию «Вестника Европы» именовал «либеральным центром» («с известной долей демократизма») и т. п. Ученый заметил, что вопросы законности и правопорядка либеральная пресса ставила на первое место. В. В. Ведерников отмечал, что либералы, особенно правые, придерживались тактики ожидания и выпрашивания у правительства мелких уступок в сфере народного представительства и прав личности. Его работа отличается исчезновением негативных оценок либералов. В работе С. Я. Махониной описывалась эволюция либеральных изданий между двумя революциями [26].

Итогами многолетней работы исследователя В. Е. Кельнера стали вышедшая в 1993 г. монография о М. М. Стасюлевиче и «Вестнике Европы» и докторская диссертация [16; 17]. Автор исследовал перипетии борьбы Михаила Матвеевича за свой

журнал. Хорошо показана роль журнала в либеральном движении, подробно проанализирована общественная активность М. М. Стасюлевича в период новой волны либеральных реформ в 1878–1881 гг., эпопея с публикацией «Порядка» в 1881 г., упадок «Вестника Европы» в начале XX в. и т. д. А. Ф. Кони прямо указывал на «Порядок» как газету права и нравственности. По данным В. Е. Кельнера, партия демократических реформ, родившаяся в издательстве Вестника Европы, негласно называлась «партией Порядка» [16, с. 243]. В. Е. Кельнер намекал, что «Вестник Европы» устарел в начале нового века, как устарел и «старый либерализм» (консервативный), пришедший из предыдущей эпохи. Также устаревшей еще до рождения оказалась партия демократических реформ, лидеры которой руководствовались нормами этики в условиях беспринципной политической борьбы.

Усилился интерес к работе либеральных чиновников в государственном аппарате в начале XX в. Например, работа Н. Г. Королевой была интересна тем, что в ней впервые была представлена панорама работы государственных комиссий по реформам в 1905–1907 гг. В числе активных участников процесса Н. Г. Королева легалистов не выделяла, но фактически они сыграли важную роль в реформах и периодически выходили на первый план (Н. С. Таганцев, Д. М. Сольский, А. А. Сабуров и др.). Н. Г. Королева, в отличие от других исследователей, проанализировала состав кабинета С. Ю. Витте зимой 1905/1906 гг. и выявила, что его большинство составили правые либералы, только «второго эшелона», так как лидеры консервативного либерализма отказали премьер-министру в ходе первого раунда переговоров о создании «ответственного министерства». В тот период отдельные лидеры праволиберального лагеря регулярно посещали совещания и принима-

ли участие в конституционной реформе. Но оценку степени их участия исследовательница не дает. Кабинет С. Ю. Витте пережил серию кризисов, а либеральные чиновники были вынуждены покидать его еще до отставки премьера [21, с. 29–43, 52–57, 71–86, 91, 103–107].

Проявился интерес ученых к организации либеральных групп. Так, первым исследователем, защитившим диссертацию по прогрессизму, стал В. Н. Селецкий [35]. В 1989 г. в сборнике «Непролетарские партии России» вышла его статья об идейных основах прогрессизма. Началось изучение прогрессизма как явления. По мнению ученого, прогрессистское направление в либерализме может считаться «веховским» (основанным на известном сборнике «Вехи») [36]. В публикации автор остановился только на национальном вопросе и внешней политике в программах прогрессистов и основал свои выводы на трех источниках. В дальнейшем исследователь продолжил свои изыскания и издал монографию о прогрессизме [37].

В 1980-х гг. выходят первые исследования об общественных организациях, в которых преобладали легалисты, хотя авторы в таком контексте их не рассматривали. Например, в 1987 г. была защищена диссертация Н. Ф. Гриценко о Вольном экономическом обществе в период противостояния с властью в конце XIX в. Она заметила рост в составе общества юристов и предположила, что общество было одной из возможных площадок для либеральных дискуссий [7]. В 1973 г. была защищена диссертация В. М. Шевырина о партии мирного обновления [48]. В последующем автор развивал эту тему и выпустил ряд публикаций [49].

О том же, но с юридической стороны тему влияния либерализма на ход реформ 1860-х гг. разобрал М. Г. Коротких. Рассказывая о судебной реформе 1864 г., автор подробно осветил дискуссии о порядке про-

ведения реформы. В ней активное участие принимали легалисты первого и второго поколения (С. И. Зарудный, К. Д. Кавелин и др.). Судебная реформа стала своего рода «бульоном», в котором сформировалось легалистское движение [22].

В конце рассматриваемого периода популярность приобрели биографии дореволюционных деятелей либерализма. По мнению А. Н. Егорова, в начале 1990-х гг. не хватало биографических очерков о деятельности либералов [10, с. 101]. Однако ученый ошибался (относительно правых либералов). Таких работ к тому времени было уже немало.

По-прежнему пристальное внимание уделялось Б. Н. Чичерину. Так, А. Н. Ерыгин описывал философию русского либерализма через призму трудов К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина [11]. О либеральном консерватизме Б. Н. Чичерина писал А. В. Поляков [29]. Вслед за В. Д. Зорькиным З. А. Жаде в своей диссертации о политической теории Б. Н. Чичерина говорила о стремлении правоведа к конституционной монархии [12]. З. А. Жаде отмечала, что концепция такой монархии напрямую происходила от идей Г. В. Ф. Гегеля [27]. В. Н. Корнев [20] и Н. П. Рагозин [31] рассмотрели представление о власти Б. Н. Чичерина, М. М. Ковалевского и П. Б. Струве.

В. И. Смолярчук, подготовивший монографию о жизни А. Ф. Кони [38; 39], за короткое время описал жизненный путь нескольких легалистов. В работе В. И. Смолярчука была освещена биография Ф. Н. Плевако, в том числе его политическая деятельность [40, с. 222–228]. Также в работах ученого были отражены биографии В. Д. Спасовича [41], К. Д. Кавелина [42], Н. П. Карабчевского [43] и др.

В 1979 г. внук А. М. Унковского – А. М. Унковский опубликовал биографию о жизнедеятельности своего деда – знаменитого легалиста [45]. В работе есть

небольшие упоминания о собраниях либералов в петербургских квартирах в 1870-е гг. Вышла диссертация А. Д. Яновского об А. М. Унковском [52]. В ней в числе прочего раскрывалась общественная деятельность Унковского-легалиста в 1860–1870-е гг.

В 1991 г. была защищена интересная диссертация Д. М. Легкого о Д. В. Стасове [24]. Правда, не со всеми выводами ученого можно согласиться. Так, он указывал, что легалисты: А. Ф. Кони, Д. В. Стасов, В. Д. Спасович, А. М. Унковский – относились к либерально-демократическому крылу. На самом деле, следуя за Б. Н. Чичериным, их можно было бы скорее всего называть либеральными монархистами. Относя Д. В. Стасова к революционным демократам, Д. М. Легкий ссылаясь на его активную помощь революционерам. О Д. В. Стасове и его роли в политических процессах империи также выходили работы А. М. Викторова [6].

Своего рода переломными стали работы К. Ф. Шацилло по либерализму, в основном земскому, в 1970–1990-х гг. [46 и др.]. Ученый начал с земского либерализма и перешел на либерализм вообще. По мнению А. Н. Егорова, монография К. Ф. Шацилло и «по сей день остается лучшим и наиболее подробным исследованием либерального движения России начала XX в.» [10, с. 77]. Действительно, это было одно из наиболее глубоких исследований в советской науке. Но согласиться с А. Н. Егоровым в полной мере мы не можем. К. Ф. Шацилло стремился показать основную волну либерального движения на рубеже веков, но при этом исключил множество параллельных либеральных течений, будучи не в силах описать все многообразие освобожденческого процесса. Так, К. Ф. Шацилло утверждал, что до 1917 г. для всех исследователей либерализм сливался в одну сплошную массу. Это неверно,

так как исследователи либерализм как раз разделяли (В. Меч, Ю. О. Мартов и др.). Неверно также его утверждение, что либерализм для марксистского исследователя – термин «точный и конкретный». Возможно, ученый имел в виду то, что советские историки опирались на труды В. И. Ленина. Но лидер партии точных определений не давал, а только давал либералам политически негативные оценки. Также в трудах советских историков нет дифференциации либералов, они не смогли точно отнести их к тем или иным политическим группам [47, с. 8, 12]. Сам К. Ф. Шацилло, как и многие советские историки, очень расширительно трактовал земский либерализм, который в его представлении поглощал все виды либерализма в XIX в. Так, он, не смущаясь называл Б. Н. Чичерина «земским либералом», в то время как земская деятельность Б. Н. Чичерина занимала небольшой процент в его жизни. С тем же успехом можно было бы назвать его «городским либералом», «университетским либералом» и т. д. Кажется, проще было бы назвать Б. Н. Чичерина консервативным либералом, но этот термин К. Ф. Шацилло не применял [47, с. 227].

Очень подробно ученый рассказывал о земском либерализме, о новом либерализме, о наиболее активных либеральных группах на рубеже веков, о размежевании земских и левых либералов. Что интересно, К. Ф. Шацилло отождествлял старый либерализм (XIX в.) с земским либерализмом, что верно только отчасти. Правда, далее автор отмечал, что в 1904 г. либеральный поток был настолько широким, что вбирал в себя много лиц «свободных» профессий [47, с. 202, 206, 207]. Итог – К. Ф. Шацилло вплотную подошел к анализу разнообразия либеральных течений, но изучать их не стал и выделять в отдельные группы – тоже.

Исследователь стремился установить связи между разными группами либералов накануне Первой революции. Он верно от-

метил, что в городах либеральные группы формировались вокруг периодических изданий, профессионально-научных обществ. Они почти сплошь состояли из интеллигентов. В числе прочего автор рассказывал о противостоянии Вольного экономического общества и государства в конце XIX в. московском юридическом обществе, волне репрессий против либеральных групп, обрушившихся на них в последние годы уходящего века, упоминал Либеральную лигу, говорил о земском съезде 1904 г. и последовавшей после него реформе госуправления, как банкетная кампания 1904 г. переросла в создание интеллигентских профессиональных союзов и т. д. [47, с. 43–56].

Несмотря на то что К. Ф. Шацилло не выделял отдельно юридический либерализм, его работы отличались глубоким анализом терминологии. Так, он сравнивал земский и освобожденческий либерализм (по мнению В. А. Маклакова, освобожденческий и есть настоящий либерализм, радикальный означал «измену либерализму»). Ученый точно подмечал, что многочисленные направления либерализма перемешивались, скрещивались между собой, дополняли друг друга. Впоследствии понятие «освобожденческий либерализм» утратило популярность.

К. Ф. Шацилло подчеркивал, что российский либерализм попал в изоляцию, не смог опереться на поддержку народа, а власть ему навстречу не пошла. Тактика выпрашивания у государства уступок, которое, «по разумению», пойдет на это, исповедуемая правыми либералами (от Д. А. Леонова до В. А. Маклакова), полностью провалилась [9, с. 141]. К. Ф. Шацилло также подверг хорошему разбору историографию либерализма, критикуя крайности многих исследователей [47, с. 9–14].

С 1990 г. известный историк В. В. Шелохаев подступился к исследованию право-либерального партийного спектра поздней

империи [34; 50; 51]. Он выделил политическую активность партии прогрессистов в годы Первой мировой войны, пошедшей дальше кадетов. Основная монография автора на тот момент была посвящена идеологии и организации либеральных партий в 1907–1914 гг. В ней он впервые поднял вопросы, которые мало рассматривались в предыдущий период. В том числе социальный состав либеральных партий, общую организацию их деятельности, идеологию (в том числе веховство), программы и тактику политической борьбы.

Применительно к прогрессистской партии В. В. Шелохаев очень подробно проанализировал руководящий состав партии и состав партийной фракции в Думе, но состав и структуру региональных отделений партии он не рассмотрел, справедливо ссылаясь на отсутствие архивов консервативно-либеральных партий. Однако реконструкцию состава и структуры региональных органов легалистских организаций можно провести с помощью прессы, в которой эти данные представлены в избытке. На тот момент такой анализ проведен не был. Также ученый, придерживаясь традиционной историографии, относил октябристов к либеральной партии. В. В. Шелохаев первым среди исследователей провел тонкое разграничение программных положений октябристов – прогрессистов – кадетов по аграрному и другим вопросам. Поскольку в то время никто не соотносил идеологию прогрессизма с легализмом, автор также не ставил цель ее выявить [50, с. 18, 19, 29, 30, 39–43, 59, 60, 71–73, 96, 123, 126, 127, 136, 139, 163, 164].

В 1980–1990-х гг. стали активно выходить работы по либерализму в регионах империи. Обычно авторы рассматривали политическую деятельность на местах через призму активности территориальной буржуазии. Стоит отметить, что расадниками легализма, мирнообновленчества, прогрессизма были следующие регионы:

Москва, Санкт-Петербург, Тобольская, Пермская, Самарская, Саратовская, Херсонская губернии, Область войска Донского и вся Прибалтика. Однако научные работы, вышедшие в этих регионах, сообщали о буржуазии, их общественных организациях, кадетов и октябристах и иногда – очень косвенно – о прогрессистах, никак не раскрывая их деятельность. В том числе это были работы: в Сибири – А. А. Кузнецова [23], И. Г. Мосиной [28], А. П. Толочко [44]; по Дону – А. Г. Данилова [8], Н. В. Самариной [33]; по Белоруссии – Н. М. Забавского [13], М. А. Мартюховой [25]; по Украине – В. И. Попика [30] и т. д.

Исключение в этом списке составили работы латвийских и эстонских ученых. Стоит отметить, что прогрессизм был очень популярен в Остзейском крае. Он, как и российский прогрессизм, в основе своего ядра имел движение местных юристов. Тщательно описывая либеральные партии, авторы не могли проигнорировать праволиберальные организации. В Латвии основной такой работой стала диссертация И. Э. Рониса [32]. Из нее мы узнаем, что либерализм праволиберальной и прогрессистской направленности был доминирующей политической силой в начале XX в.

Подробно явление прогрессизма описано в работах эстонского историка Т. Э. Карьяхярма [14; 15]. Работа отличается тем, что ученый постарался изложить идеологию правого либерализма в Эстонии. Стоит отметить, что руководство эстонских либералов почти целиком состояло из юристов. Они основали Эстонскую партию прогресса. Достаточно сказать, что от Эстонии в I Государственную думу было выбрано пять депутатов – прогрессистов и юристов. Далее партия подвергалась различному давлению и сохранила свои позиции только в Южной Эстонии. Ученый приводил много политических практик партии прогресса.

Обсуждение и заключение

Советская историография долго избавлялась от ленинских штампов, определяющих весь либерализм и его правую часть как некое движение, обслуживающее царский режим и состоящее из каких-то «отбросов» народа. Ученые постепенно раскрывали отдельные аспекты консервативного либерализма.

Наивысшей точки своего развития историография XX в. достигла в конце советской власти (в трудах В.А. Китаева, К. Ф. Шацилло, В. Е. Кельнера, В. В. Шелохаева и др.). Несмотря на обилие работ, советская историография не смогла ответить (и не ставила такой цели перед собой) на ряд вопросов. Что такое консерватив-

ный либерализм и либеральный консерватизм? Кто такие «люди правового порядка» (легалисты)? Как идеология консервативных либералов повлияла на политические практики империи и на деятельность всех либералов?

Постепенно советские историки пришли к беспристрастному анализу либерализма. В конце советского периода выходили серьезные, глубокие труды, где ученые искренне пытались понять и объяснить суть процессов, проходящих в либеральном движении. Окончательный ответ на то, что такое консервативный либерализм и легализм, могла дать постсоветская историография. Смогла ли она это сделать, мы расскажем в другой нашей публикации.

Список источников

1. Алафаев А. А. Журнал «Вестник Европы» в период второй революционной ситуации в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 24 с.
2. Алафаев А. А. Русский либерализм на рубеже 70–80-х гг. XIX в.: из истории журнала «Вестник Европы». М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1991. 229 с.
3. Балашова Н. А. Российский либерализм начала XX века: Банкротство идей «Московского еженедельника». М.: МГУ, 1981. 184 с.
4. Балашова Н. А. Журнал «Московский еженедельник» (1906–1910) на арене политической борьбы в России начале XX века. М., 1996. 214 с.
5. Ведерников В. В. Проблемы представительства в русской публицистике рубежа XX столетия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. 23 с.
6. Викторов А. М. Д. В. Стасов – адвокат, общественный деятель (1828–1918 гг.) // Известия вузов. Правоведение. 1990. № 6. С. 38–47.
7. Гриценко Н. Ф. Вольное экономическое общество и общественная жизнь России конца XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 23 с.
8. Данилов А. Г. Демократическая интеллигенция Дона в период Первой российской революции 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 16 с.
9. Егоров А. Н. Российские либералы начала XX в. и власть: историографические дискуссии. Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2007. 259 с.
10. Егоров А. Н. Очерки историографии российского либерализма конца XIX – первой четверти XX века: (дореволюционный и советский периоды). Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2007. 275 с.
11. Ерыгин А. Н. Философия истории русского либерализма второй половины XIX в. (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьёв, Б. Н. Чичерин): дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д, 1992. 459 с.
12. Жаде З. А. Политическая теория Б. Н. Чичерина: дис. ... канд. полит. наук. М., 1994. 141 с.
13. Забавский Н. М. Общественно-политическая борьба в Белоруссии в связи с выборами и деятельностью III Государственной Думы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1988. 21 с.
14. Карьяхярм Т. Э. Эстонская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Таллин, 1983. 40 с.
15. Карьяхярм Т. Э. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. Таллин: Ээсти раамат, 1987. 309 с.
16. Кельнер В. Е. Человек своего времени: (М. М. Стасюлевич: изд. дело и либерал. оппозиция). СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 1993. 316 с.

17. Кельнер В. Е. Общественно-политическая жизнь в России и издательское дело в 70–80-х гг. XIX в.: (На материалах деятельности М. М. Стасюлевича): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995. 42 с.
18. Кичеев В. Г. О классификации политических партий России начала XX в. в советской историографии // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-1. С. 106–108.
19. Кичеев В. Г. Правые либералы России в зеркале советской историографии // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-1. С. 109–114.
20. Корнев В. Н. Буржуазно-либеральная государственно-правовая мысль России 1905–1917 гг. (критический анализ основных аспектов): автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1988. 24 с.
21. Королева Н. Г. Первая российская революция и царизм: Совет министров России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1982. 183 с.
22. Коротких М. Г. Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования): дис. ... д-ра юр. наук. Воронеж, 1989. 401 с.
23. Кузнецов А. А. Сибирские депутаты в Государственной Думе (1906–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. 14 с.
24. Легкий Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов – юрист и общественный деятель (1828–1918): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1991. 18 с.
25. Мартюхова М. А. На переломе революции: общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с учреждением Государственной думы в России (авг. 1905 – июль 1906 г.). Минск: Наука и техника, 1986. 140 с.
26. Махонина С. Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914). М.: Изд-во МГУ, 1991. 205 с.
27. Мерзлякова А. В. Современная историография историко-государственных воззрений Б. Н. Чичерина в социологических, юридических, политологических и философских исследованиях // Политика и общество. 2012. № 10. С. 132–143.
28. Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 170 с.
29. Поляков А. В. Либеральный консерватизм Б. Н. Чичерина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1993. № 5. С. 79–87.
30. Попик В. И. Политическая борьба на Украине вокруг выборов в III Государственную думу. Киев: Наукова думка, 1989. 97 с.
31. Рагозин Н. П. Понятие власти в русском либерализме второй половины XIX – начале XX века: (критический анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1987. 17 с.
32. Ронис И. Э. Либерально-буржуазный лагерь в Латвии в период буржуазно-демократических революций. 1901–1917: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Таллин, 1989. 44 с.
33. Самарина Н. В. Донская буржуазия в период империализма (1900–1914). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1992. 149 с.
34. Секиринский С. С., Шелохаев В. В. Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX – начало XX века). М., 1995. 286 с.
35. Селецкий В. Н. «Прогрессисты». (К вопросу о политической консолидации русской буржуазии накануне Первой мировой войны): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. 27 с.
36. Селецкий В. Н. Прогрессизм: идейно-политическая платформа // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 95–100.
37. Селецкий В. Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М.: Мир книги, 1996. 363 с.
38. Смолярчук В. И. Анатолий Федорович Кони (1844–1927). М.: Наука, 1981. 214 с.
39. Смолярчук В. И. А. Ф. Кони и его окружение. Очерки. М.: Юрид. лит., 1990. 400 с.
40. Смолярчук В. И. Адвокат Федор Плевако. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1989. 232 с.
41. Смолярчук В. И. В. Д. Спасович: ученый-юрист, литератор, судебный оратор // Советское государство и право. 1982. № 10. С. 93–99.
42. Смолярчук В. И. К. Д. Кавелин: историк русского права, правовед // Советское государство и право. 1984. № 7. С. 113–121.
43. Смолярчук В. И. Н. П. Карабчевский – русский судебный оратор и писатель // Советское государство и право. 1983. № 8. С. 115–121.

44. Толочко А. П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 216 с.
45. Унковский А. М. Алексей Михайлович Унковский (1828–1893). М.: Наука, 1979. 135 с.
46. Шацлло К. Ф. Тактика и организация земского либерализма накануне первой русской революции // Исторические записки. 1978. Т. 101. С. 37–48.
47. Шацлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация, программы, тактика. М.: Наука, 1985. 347 с.
48. Шевырин В. М. История партии мирного обновления (1906–1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 30 с.
49. Шевырин В. М. Мирнообновленцы: в поисках третьей силы // Полис. Политические исследования. 1993. № 4. С. 165–168.
50. Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии, 1907–1914 гг. М.: Наука, 1991. 231 с.
51. Шелохаев В. В. Прогрессисты – партия предпринимателей и интеллектуалов // Полис. Политические исследования. 1993. № 4. С. 159–164.
52. Яновский А. Д. Общественно-политическая деятельность А. М. Унковского (1828–1893 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 18 с.

References

1. Alafaev A. A. The journal “Bulletin of Europe” during the second revolutionary situation in Russia. Abstract of Cand. Sci. (Hist) Dissertation. Moscow, 1985, 24 p. (In Russ.)
2. Alafaev A. A. Russian liberalism at the turn of the 70–80s of the XIX century: from the history of the journal “Bulletin of Europe”. Moscow, Institute of History of the USSR, Academy of Sciences, 1991, 229 p. (In Russ.)
3. Balashova N. A. Russian liberalism of the early twentieth century: Bankruptcy of the ideas of the “Moscow Weekly”. Moscow, Moscow State University, 1981, 184 p. (In Russ.)
4. Balashova N. A. The journal “Moscow Weekly” (1906–1910) in the arena of political struggle in Russia at the beginning of the twentieth century. Moscow, 1996, 214 p. (In Russ.)
5. Vedernikov V. V. Problems of representation in Russian journalism at the turn of the 20th century: Abstract of Cand. Sci. (Hist) Dissertation. Leningrad, 1983, 23 p. (In Russ.)
6. Viktorov A. M. D. V. Stasov – lawyer, public figure (1828–1918). *Izvestiya vuzov. Pravovedeniye* = News of universities. Jurisprudence. 1990; 6: 38–47. (In Russ.)
7. Gritsenko N. F. Free economic society and public life of Russia at the end of the 19th century: Abstract of Cand. Sci. (Hist) Dissertation. Moscow, 1987, 23 p. (In Russ.)
8. Danilov A. G. Democratic intelligentsia of the Don during the First Russian Revolution of 1905–1907: Abstract of Cand. Sci. (Hist) Dissertation. Moscow, 1986, 16 p. (In Russ.)
9. Egorov A. N. Russian liberals of the early 20th century and the government: historiographic discussions. Cherepovets: Cherepovets State University, 2007, 259 p. (In Russ.)
10. Egorov A. N. Essays on the historiography of Russian liberalism of the late 19th – first quarter of the 20th century: (pre-revolutionary and Soviet periods). Cherepovets, Cherepovets State University, 2007, 275 p. (In Russ.)
11. Erygin A. N. Philosophy of the history of Russian liberalism of the second half of the 19th century (K. D. Kavelin, S. M. Solovyov, B. N. Chicherin): Doc. Sci. (Philos) Dissertation. Rostov-on-Don, 1992, 459 p. (In Russ.)
12. Zhade Z. A. Political theory of B. N. Chicherin: Cand. Sci. (Polit) Dissertation. Moscow, 1994, 141 p. (In Russ.)
13. Zabavsky N. M. Social and political struggle in Belarus in connection with the elections and activities of the III State Duma: Abstract of Cand. Sci. (Hist) Dissertation. Minsk, 1988, 21 p. (In Russ.)
14. Karjahärm T. E. Estonian bourgeoisie and autocracy in 1905–1917: Abstract of Cand. Sci. (Hist) Dissertation. Tallinn, 1983, 40 p. (In Russ.)
15. Karjahärm T. E. Estonian bourgeoisie, autocracy and nobility in 1905–1917. Tallinn, Eesti raamat, 1987, 309 p. (In Russ.)

16. *Kelner V. E.* A Man of His Time: (M. M. Stasyulevich): St. Petersburg, Publishing House of the Russian National Library, 1993, 316 p. (In Russ.)
17. *Kelner V. E.* Social and Political Life in Russia and Publishing in the 1870s and 1880s: (Based on the Work of M. M. Stasyulevich): Abstract of Doc. Sci. (Hist) Dissertation. St. Petersburg, 1995, 42 p. (In Russ.)
18. *Kicheev V. G.* On the Classification of Political Parties in Russia at the Beginning of the Twentieth Century in Soviet Historiography. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Altai State University. 2009; 4-1 (64): 106–108. (In Russ.)
19. *Kicheev V. G.* Right-wing liberals of Russia in the mirror of Soviet historiography. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Altai State University. 2009; 4-1 (64): 109–114. (In Russ.)
20. *Kornev V. N.* Bourgeois-liberal state and legal thought of Russia in 1905–1917 (critical analysis of the main aspects): Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 1988, 24 p. (In Russ.)
21. *Koroleva N. G.* The first Russian revolution and tsarism: The Council of Ministers of Russia in 1905–1907. Moscow, Nauka, 1982, 183 p. (In Russ.)
22. *Korotkikh M. G.* Judicial reform of 1864 in Russia (essence and socio-legal mechanism of formation): Doc. Sci. (Law) Dissertation. Voronezh, 1989, 401 p. (In Russ.)
23. *Kuznetsov A. A.* Siberian deputies in the State Duma (1906–1914): Abstract of Cand. Sci. (Hist) Dissertation. Moscow, 1980, 14 p. (In Russ.)
24. *Legkiy D. M.* Dmitry Vasilievich Stasov – lawyer and public figure (1828–1918): Cand. Sci. (Hist) Dissertation. Saratov, 1991, 18 p. (In Russ.)
25. *Martyukhova M. A.* At the turning point of the revolution: socio-political movement in Belarus in connection with the establishment of the State Duma in Russia (August 1905 – July 1906). Minsk, Science and Technology, 1986, 140 p. (In Russ.)
26. *Makhonina S. Ya.* Russian pre-revolutionary press (1905-1914). Moscow, Moscow State University Publishing House, 1991, 205 p. (In Russ.)
27. *Merzlyakova A. V.* Modern historiography of historical and state views of BN Chicherin in sociological, legal, political science and philosophical studies. *Politika i obshchestvo* = Politics and Society. 2012; 10 (94): 132–143. (In Russ.)
28. *Mosina I. G.* Formation of the bourgeoisie into a political force in Siberia. Tomsk, Tomsk University Publishing House, 1978, 170 p. (In Russ.)
29. *Polyakov A. V.* Liberal conservatism of B.N. Chicherin. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* = News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1993; 5: 79–87. (In Russ.)
30. *Popik V. I.* Political Struggle in Ukraine Around the Elections to the Third State Duma. Kyiv, Naukova Dumka, 1989, 97 p. (In Russ.)
31. *Ragozin N. P.* The Concept of Power in Russian Liberalism of the Second Half of the 19th – Early 20th Century: (Critical Analysis): Abstract of Cand. Sci. (Philos.) Dissertation. Moscow, 1987, 17 p. (In Russ.)
32. *Ronis I. E.* Liberal-Bourgeois Camp in Latvia during the Period of Bourgeois-Democratic Revolutions. 1901–1917: Abstract of Doc. Sci. (Hist) Dissertation. Tallinn, 1989, 44 p. (In Russ.)
33. *Samarina N. V.* The Don Bourgeoisie during the Period of Imperialism (1900–1914). Rostov n/D, Rostov University Publishing House, 1992, 149 p. (In Russ.)
34. *Sekirinsky S. S., Shelokhaev V. V.* Liberalism in Russia. Essays on History (mid 19th – early 20th century). Moscow, 1995, 286 p. (In Russ.)
35. *Seletsky V. N.* “Progressivists”. (On the issue of political consolidation of the Russian bourgeoisie on the eve of the First World War). Abstract of Cand. Sci. (Hist) Dissertation. Moscow, 1969, 27 p. (In Russ.)
36. *Seletsky V. N.* Progressivism: ideological and political platform. *Neproletarskiye partii Rossii v trekh revolyutsiyakh* = Non-proletarian parties of Russia in three revolutions. Moscow, 1989. P. 95–100. (In Russ.)
37. *Seletsky V. N.* Progressivism as a political party and ideological direction in Russian liberalism. Moscow, Mir knigi, 1996, 363 p. (In Russ.)

38. *Smolyarchuk V. I.* Anatoly Fedorovich Koni (1844–1927). Moscow, Nauka, 1981, 214 p. (In Russ.)
39. *Smolyarchuk V. I.* A. F. Koni and his entourage. Essays. Moscow, Legal Literature, 1990, 400 p. (In Russ.)
40. *Smolyarchuk V. I.* Lawyer Fyodor Plevako. Chelyabinsk, South Ural. book publishing house, 1989, 232 p. (In Russ.)
41. *Smolyarchuk V. I.* V. D. Spasovich: legal scholar, writer, court orator. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo* = Soviet state and law. 1982; 10: 93–99. (In Russ.)
42. *Smolyarchuk V. I.* K. D. Kavelin: historian of Russian law, legal scholar. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo* = Soviet state and law. 1984; 7: 113–121. (In Russ.)
43. *Smolyarchuk V. I.* N. P. Karabchevsky – Russian judicial orator and writer. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo* = Soviet state and law. 1983; 8: 115–121. (In Russ.)
44. *Tolochko A. P.* Political parties and the struggle for the masses in Siberia during the years of the new revolutionary upsurge (1910–1914). Tomsk, Tomsk University Press, 1989, 216 p. (In Russ.)
45. *Unkovsky A. M.* Alexey Mikhailovich Unkovsky (1828–1893). Moscow, Nauka, 1979, 135 p. (In Russ.)
46. *Shatsillo K. F.* Tactics and organization of zemstvo liberalism on the eve of the first Russian revolution. *Istoricheskiye zapiski* = Historical notes. 1978; 101: 37–48. (In Russ.)
47. *Shatsillo K. F.* Russian Liberalism on the Eve of the Revolution of 1905–1907. Organization, Programs, Tactics. Moscow, Nauka, 1985, 347 p. (In Russ.)
48. *Shevyrin V. M.* History of the Party of Peaceful Renewal (1906–1907): Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Moscow, 1973, 30 p. (In Russ.)
49. *Shevyrin V. M.* Peaceful Renovationists: In Search of a Third Force. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* = Polis. Political Research. 1993; 4: 165–168. (In Russ.)
50. *Shelokhaev V. V.* Ideology and Political Organization of the Russian Liberal Bourgeoisie, 1907–1914. Moscow, Nauka, 1991, 231 p. (In Russ.)
51. *Shelokhaev V. V.* Progressives – a party of entrepreneurs and intellectuals. *Polis* = Polis. 1993; 4: 159–164. (In Russ.)
52. *Yanovsky A. D.* Social and political activities of A. M. Unkovsky (1828–1893): Abstract of Cand. Sci. (Hist) Dissertation. Moscow, 1986, 18 p. (In Russ.)

Поступила 10.05.2025.

Сведения об авторе

Рыбин Данил Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста), Санкт-Петербург, Россия; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>, eLibrary SPIN-код: 9503-1890

E-mail: danilarybin@rambler.ru

Submitted 10.05.2025.

About the author

Danil V. Rybin – Cand. Sci. (History), Associate Professor, St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice), St. Petersburg, Russia; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>, eLibrary SPIN-code: 9503-1890

E-mail: danilarybin@rambler.ru

УДК 94(470)«1917»:338.1(470.40)

С. В. Кистанов

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: kistanov-viz@yandex.ru*

Аграрный вопрос и способы его решения «снизу» летом – осенью 1917 г. на примере Темниковского уезда Тамбовской губернии

Аннотация

Введение. Статья посвящена борьбе крестьян за собственное видение решения аграрного вопроса летом – в начале осени 1917 г.

Материалы и методы. Источниковой базой исследования являются материалы Центрального государственного архива Республики Мордовия. При проведении исследования использовались историко-генетический, историко-типологический и хронологический методы.

Результаты исследования. В статье отмечается, что летом 1917 г. местное крестьянство перешло от ожидания крестьянской реформы, инициированной властями к собственноручному решению аграрного вопроса «снизу». В Темниковском уезде Тамбовской губернии, как и в целом по России, крестьяне начали передел пахотных, распахку паровых земель и порубку находящихся в частной собственности лесов. Местные власти к этому времени объективно были не в состоянии выступить в качестве арбитра в разворачивающемся конфликте деревенской бедноты и собственников. Слабость властей, выражавшаяся в лишь директивных попытках призвать стороны к соблюдению конфликтов, была обусловлена падением престижа всей вертикали власти, а также отсутствием за ее спиной силового аппарата, стремительно разлагавшегося после Февраля 1917 г.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что к лету 1917 г. беднейшие массы деревни, уставшие от ожидания скорой аграрной реформы, принялись решать аграрный вопрос по своему разумению. Слабость региональной власти, не имевшей возможности пресечь решение аграрного вопроса «снизу», предопределила итоговую победу большевиков и триумфальное шествие советской власти.

Ключевые слова: революция, помещики, крестьяне, собственность, Совет, комиссар, земля, лес.

Для цитирования: Кистанов С. В. Аграрный вопрос и способы его решения «снизу» летом – осенью 1917 г. на примере Темниковского уезда Тамбовской губернии // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 3. С. 236–248. DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.236-248.

Sergey V. Kistanov

National Research Ogarev State University (Saransk, Russia), e-mail: kistanov-viz@yandex.ru

The Agrarian Question and Ways of Solving it “From below” in the Summer and Autumn of 1917 on the Example of Temnikovsky District of Tambov Province

Abstract

Introduction. The article is devoted to the struggle of peasants for their own vision of solving the agrarian problem in the summer and early autumn of 1917.

© Кистанов С. В., 2025

Materials and Methods. The source base of the research is the materials of the Central State Archive of the Republic of Mordovia. The research used historical-genetic, historical-typological and chronological methods.

Results. The article notes that in the summer of 1917, the local peasantry switched from waiting for peasant reform initiated by the authorities to personally solving the agrarian issue “from below”. In Temnikovsky district of Tambov province, as well as in Russia as a whole, peasants began to redistribute arable land, plowing fallow lands and cutting down privately owned forests. By this time, the local authorities were objectively unable to act as an arbitrator in the unfolding conflict between the rural poor and the owners. The weakness of the authorities, expressed only in directive attempts to urge the parties to respect the conflicts, was due to the decline in the prestige of the entire vertical of power, as well as the absence of a law enforcement apparatus behind its back, which rapidly decomposed after February 1917.

Discussion and Conclusion. The study showed that by the summer of 1917, the poorest masses of the village, tired of expecting an early agrarian reform, began to solve the agrarian issue according to their own understanding. The weakness of the regional government, which was unable to stop the solution of the agrarian question “from below”, predetermined the final victory of the Bolsheviks and the triumphal march of Soviet power.

Keywords: revolution, landlords, peasants, property, Council, commissar, land, forest.

For citation: *Sergey V. Kistanov. The Agrarian Question and Ways of Solving it “From below” in the Summer and Autumn of 1917 on the Example of Temnikovsky District of Tambov Province. Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(3): 236–248. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.236-248.

Введение

1917 г. стал вполне закономерным итогом нерешенности социально-экономических и общественно-политических проблем, стоявших перед Российской империей. Даже потрясения периода революции 1905–1907 гг. не стали причинами проведения структурных реформ, которые могли бы оздоровить внутриполитическую ситуацию в стране.

Одним из важнейших дестабилизирующих факторов в Российской империи начала XX в. являлся аграрный вопрос. Малоземелье, зависимость крестьянина от общины, выкупные платежи и приниженное правовое положение крестьянства объективно являлись тормозом для развития российской экономики, не давали возможности роста товарности сельского хозяйства. Эти проблемы, стоящие перед русской деревней в начале XX в., должны были заставить власти ускориться с разрешением аграрно-крестьянского вопроса. Однако следует отметить, что после отмены крепостного права в 1861 г. власти

не сделали ничего существенного в плане его разрешения. Соответственно, в начале XX в. в стране сложилось два подхода к его разрешению – «сверху» и «снизу». Попыткой решения аграрного вопроса «сверху» стала аграрная реформа, проводимая председателем Совета министров П. А. Столыпиным, но, несмотря на все ее положительные аспекты, она так и не была доведена до логического завершения. Альтернативный вариант разрешения аграрного вопроса «снизу» предлагали радикальные политические организации, прежде всего социалисты-революционеры. Однако в условиях политического строя Российской империи эсеровский и иные подобные проекты могли бы быть реализованы только при условии коренной ломки общественно-политического и социально-экономического строя страны.

Казалось бы, Февральская революция 1917 г. могла бы дать исторический шанс на разрешение аграрного вопроса в России. Однако Временное правительство, оставшееся в июле того же года единственной

властью в стране, не смогло воспользоваться им. Обещанное Учредительное собрание, которое должно было решить все стоящие перед страной задачи, в том числе аграрный вопрос, так и не было создано. Вместо решения аграрно-крестьянского вопроса Временное правительство и стоящие за ним силы выбрали тактику затягивания его созыва, а затем и вовсе лишились власти, будучи свергнутыми в ходе Октябрьской революции 1917 г. и прихода к власти большевиков. Закономерно, что не получившее рекомендаций «сверху» крестьянство стало решать вопрос с землей, лугами и лесами «снизу», что и стало одним из символов российской действительности между Февралем и Октябрем 1917 г.

Стоит отметить, что проблемы, связанные с аграрно-крестьянским вопросом в России начала XX в., в том числе в 1917 г., традиционно являлись среди приоритетных исследований в советской историографии, а рассмотрение основных тем шло буквально следом за рассматриваемым периодом.

В советской историографии проблемам социально-экономической истории традиционно уделялось повышенное внимание, особенно в контексте революционного движения и революционных событий. Актуальными темами были классовая борьба в деревне, борьба большевиков за крестьянство с мелкобуржуазными партиями, формирование союза пролетариата и беднейшего крестьянства, проведение социалистических преобразований в деревне [4; 12; 15; 17; 19; 20]. Однако стоит отметить предельную однобокость исследований, положительно характеризующих лишь роль большевиков, делая всех их политических противников отрицательной стороной событий 1917 г. Постепенный ввод в научный оборот новых источников позволил советским историкам сконцентрировать акценты в своих исследованиях на противостоянии большевиков с эсерами

и иными социалистическими партиями [2; 3], на роли крестьянских съездов в развитии крестьянского движения в 1917 г., а также роли большевиков в росте самосознания российского крестьянства и радикализации их борьбы с землевладельцами в тот же период [18]. В 1970–1980-х гг. появляются работы, в которых проводится тщательный анализ и обобщение аграрно-крестьянского движения накануне Октябрьской революции 1917 г., а также дается погубернский разрез форм, числа и промежуточных итогов крестьянских выступлений [14–16]. Изменение историографической ситуации, произошедшее со второй половины 1980-х гг., на первый план в исследованиях вынесло общественно-политические вопросы, оттеснив проблемы, связанные с аграрно-крестьянским движением в 1917 г., на второй план. Поэтому в основном рассмотрение аграрного движения в период Великой российской революции приходится на обобщающие труды по истории России данного периода либо на работы, посвященные политическим партиям или революционному движению [1; 10; 20].

Региональная историография советского периода традиционно рассматривала аграрно-крестьянское движение в контексте революционных событий 1917 г. Крестьянскому движению отдавалось должное в процессе формирования мордовской большевистской организации [17], прослеживались общие тенденции в развитии крестьянского движения в 1905–1907 гг. и 1917 г. [5]. Отклики политической борьбы в мордовской деревне даже спустя 50 лет содержатся в региональной прессе и сборниках воспоминаний непосредственных участников установления советской власти на территории мордовского края [21]. Однако и здесь постсоветская историография сместила свои акценты, например, к периоду столыпинской модернизации [13]. Вопросы аграрного движения в 1917 г. по-прежнему отражаются в обобща-

ющих трудах по истории Мордовии, а также в отдельных журнальных публикациях [6–8].

Однако стоит отметить, что исследования аграрно-крестьянского движения в России 1917 г. имеют ряд серьезных недостатков. В советский период они страдали однобокостью, рассматривая данные события с точки зрения большевиков и игнорируя или переворачивая информацию, не укладывающуюся в заданные шаблоны. В настоящий момент достаточно слабо изучено развитие крестьянского движения в мордовском крае на уездном уровне. Авторы оперируют общими тенденциями губернского уровня или же отдельными фактами, не способными дать общей картины происходившего. Следовательно, изучение аграрно-крестьянского движения на низовом уровне способно закрывать многие белые пятна региональной истории, а также вводить в научный оборот новые источники.

Материалы и методы

Основным источником исследования служат материалы Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ), в частности фонд Темниковского уездного исполнительного комитета Советов (фонд Р-62), содержащий в себе переписку уездных властей с губернским комиссаром, а также жалобы, прошения и протесты частных лиц по имущественным вопросам в период между Февралем и Октябрем 1917 г. Также при написании работы использовались научные работы предыдущего периода, преимущественно общероссийского характера. При работе с источниками были использованы специальные научные методы, такие как историко-генетический, историко-типологический и хронологический, позволяющие рассматривать протестное движение в уезде во всех его проявлениях строго в хронологической последовательности. Из общенаучных методов нами были использованы ана-

лиз и сравнение, позволяющие проводить аналогии с общероссийскими событиями рассматриваемого периода. Рассмотрение аграрно-крестьянского движения на уездном уровне позволяет привлекать микроисторический подход к анализируемым событиям.

Результаты исследования

Революционные события, прошедшие в Петрограде в феврале 1917 г., вызвали бурный отклик на просторах Российской империи. В первую очередь (наряду с заключением мира в Первой мировой войне) это касалось аграрного вопроса, решения которого ждали массы крестьянского населения страны. Однако пришедшее к власти после свержения монархии Временное правительство отказалось немедленно приступить к решению наболевших проблем, ссылаясь на необходимость созыва Учредительного собрания, которое примет все важнейшие решения. Таким образом, крестьянские массы были поставлены перед перспективой ожидания своей участи, которую решит созываемое в перспективе Собрание.

В первые два-три месяца после Февральской революции 1917 г. российское крестьянство не предпринимало радикальных шагов с целью решения аграрного вопроса со своей точки зрения. Во многом это было обусловлено надеждами населения на то, что Временное правительство, а также Советы как можно скорее примутся за законодательное разрешение земельного вопроса. Также стоит отметить некоторую эйфорию среди населения, опьяненного наступившими «днями свобод» после свержения монархии в России. Поэтому все, на что в эти первые месяцы были настроены крестьяне, – это принятие приговоров на крестьянских съездах, которые проходили в губерниях России в апреле – мае 1917 г. [18].

Однако к концу весны 1917 г. ситуация стала меняться. Проведенная посевная кам-

пания в условиях крестьянского малоземелья, контроля помещиков над лесными и луговыми угодьями, общая задолженность деревни помещикам и кулакам привели к перелому в настроениях крестьянства. Начиная с мая 1917 г. отмечается подъем аграрно-крестьянского движения, имевшего целью решение аграрного вопроса «снизу», не дожидаясь, когда же власти решат его «сверху». В Нижегородской губернии за апрель – июль было зафиксировано 340 крестьянских выступлений (апрель – 32, май – 58, июнь – 77, июль – 73). В Симбирской губернии за тот же период было отмечено 288 выступлений (апрель – 53, май – 89, июнь – 134, июль – 12), в Пензенской губернии – 160 (апрель – 19, май – 21, июнь, 50, июль – 70) [14, с. 134].

В июне 1917 г. крестьянские выступления, направленные против помещиков и зажиточной верхушки деревни, начались в Темниковском уезде Тамбовской губернии. К традиционным объективным проблемам, таким как малоземелье, высокая арендная плата, добавились трудности, вызванные идущей Первой мировой войной. Все это не могло заставить крестьян смиренно ждать разрешения своей участи, они сами стремились разрешить стоящие перед ними проблемы.

Традиционно главной мечтой крестьянства был «черный передел», вызванный малоземельем. К началу XX в. среди уездов, вошедших в состав Республики Мордовия, эта проблема была наиболее острой в Темниковском и Ардатовском уездах. Местные крестьяне элементарно не имели возможности обеспечивать себя необходимыми продуктами со своих небольших земельных наделов. Единственным законным выходом из этой трудной ситуации становилась возможность аренды земли у помещиков, которые увеличивали долю своих земель, сда-

ваемых в аренду крестьянам. В частности, в начале XX в. в среднем по Тамбовской губернии из 1 037,3 тыс. десятин пахотных земель доля арендуемых составляла 24,2 % [11, с. 113]. Также в не меньшей мере силовые действия крестьян, преимущественно крестьянской бедноты, были направлены и против верхов деревни (кулачества). Это было объяснимо тем, что богатые крестьяне в ходе Столыпинской аграрной реформы выходили из общины и закрепляли свои земли в собственность, одновременно с этим стремясь к увеличению площадей земельных владений путем покупки земли, как у низов деревни, так и у частных землевладельцев-помещиков [13].

Теперь же крестьяне, недовольные сложившимся положением вещей, приступили к силовому захвату земель, принадлежавших собственникам, начав явочным порядком «черный передел». Документы, извлеченные нами из фондов Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ), дают наглядную картину аграрной борьбы крестьян, направленной против помещиков, духовенства, а также крестьян-собственников. Раскрывающаяся перед нами панорама лета 1917 г. на примере Темниковского уезда показывает основные направления низового разрешения аграрного вопроса: земля, луга и леса, с чем у «низов» деревни была серьезная нехватка.

В июне на имя руководителя уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Буренина поступила жалоба от священнослужителей местного прихода о том, что крестьянами с. Спасско-Раменье (ныне Рязанская область) у причта было отобрано 8 дес. пахотной земли и 11 дес. земли под паром, которую они разделили между собой. Священники просили вернуть им паровую землю, пока крестьяне не начали распахивать ее¹.

¹ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

В том же месяце с жалобой на самовольные захваты пахотных земель в исполком Совета обратился помещик из дер. Николаевка Гаврила Николаевич Конкин. Он сообщил, что в захвате его земель приняли участие крестьяне деревень Марьевка, Суморьево и Заулки. Ко всему прочему, помещик жаловался и на то, что крестьяне не только отобрали у него жито, находившееся при дер. Заулки, но и уже начали продавать его как свое, на что у помещика уже находился соответствующий акт².

В том же июне крестьяне-бедняки начали раздел пахотных земель и покосов у зажиточной части сел, расположенных возле крупного села Вознесенский Завод (ныне Нижегородская область).

Телеграмму уездному комиссару Владимирову о том, что крестьяне с. Варнаево приступили к самовольному захвату земли и потравам лугов, направил крестьянин из того же села Михаил Моисеев. Он откровенно написал, что «крестьяне, не признавая изданный закон, руководствуются известными лицами вселяющими анархию»³. Здесь налицо сведения об организованных действиях местного населения, действующего под руководством либо левых эсеров, либо большевиков (что более вероятно).

7 июня в адрес Вознесенского исполкома Советов поступило заявление крестьянина с. Вознесенский Завод Ивана Ивановича Богатова, который жаловался на самоуправные действия крестьян с. Варнаево. По словам Богатова, упомянутые крестьяне, действуя коллективно, отобрали у него 12 дес. земли, засеянной озимым хлебом у с. Буколей, которую он ранее сдавал им же

в аренду по 1,5 дес. на одного арендатора. Теперь же он просит издать распоряжение, которое приостановило бы самовольные действия местных крестьян⁴. Заявление наглядно свидетельствует, что богатая крестьянская верхушка еще верила в силу закона, намереваясь таким путем оградить себя от действий крестьянской массы.

В июле в Темниковский Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов поступило заявление от крестьян дер. Енаково Аксельской волости Мамятьевых, которые жаловались на крестьян деревень Подайкево и Ишеек, самовольно разделивших принадлежавшую заявителям паровую землю площадью около 7 дес. Мамятьевы сообщали, что ранее эта земля была единственным источником их дохода, теперь же они вообще остались без земельных владений⁵.

Нормальное функционирование крестьянского хозяйства было немыслимо без скота, поэтому проблема с лугами для выпаса скота и покосов травы на корм стояла так же остро, как и проблема малоземелья. Здесь на острие крестьянских «ударов» находились помещики, во владении которых со времен отмены крепостного права в 1861 г. находилась значительная часть луговых угодий. При этом основное количество жалоб на незаконные покосы травы в Темниковском уезде пришлось на июль 1917 г.

Телеграммой на имя уездного комиссара жалобу на крестьян с. Игнатьево, самовольно скосивших 70 дес. клевера, подал помещик Греков, проживавший в Кадоме⁶.

В середине июня жалобу в адрес уездного комиссара направил Юрий Юрьевич Новосильцев. Согласно его сведениям, экономия сдавала в аренду луга крестья-

² ЦГА РМ. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.

³ Там же. Л. 66.

⁴ Там же. Л. 67.

⁵ Там же. Л. 143.

⁶ Там же. Л. 69.

нам с. Кочемирово и деревень Кушапино, Марьевка, Починки, Сумерки и Каляево площадью 347 дес. Однако местные крестьяне оказались недовольны фактом разделения лугов и всеми своими сельскими обществами принялись самостоятельно косить траву на помещичьих лугах. В сложившейся ситуации Новосильцев, предвидя столкновения между арендаторами, уже уплативших арендную плату, и основной массой крестьянства указанных населенных пунктов, просил уездного комиссара принять все необходимые меры, чтобы не допустить этого⁷. В ответ на полученное письмо Новосильцева уездный комиссар запросил содействия исполкома Советов в прекращении и предотвращении в будущем беспорядков на почве правонарушений по аренде лугов⁷.

С жалобой на захват местными крестьянами клеверных лугов к уездному комиссару обратились помещики Андреевы. В телеграмме они сообщали, что лично им было оставлено лишь 20 дес. плохого клевера, которого в хозяйстве им не хватит даже до осени, а также, что крестьяне были готовы заплатить за клевер лишь 5 руб. за десятину, хотя посев стоил 35 руб. за десятину⁹.

Настоящим богатством Темниковского уезда были леса, которые принадлежали либо помещикам, либо государству в виде лесных дач. Поэтому требования к разделу лесных угодий также начинают встречаться летом 1917 г. наряду с требованиями передела пахотной земли и земельных угодий.

19 июля с заявлением о наведении порядка в исполком Советов обратился управ-

ляющий кондровской фабрикой Николай Иванович Подлинов. В нем он жалуется на крестьян дер. Львовка, которые проводят незаконную порубку леса на принадлежащей фабрике Верловской даче¹⁰.

25 июля с прошением на имя уездного комиссара обратился управляющий имением Архангельское в с. Ермишь Н. В. Перрот. Он просит принять хоть какие-то меры воздействия по отношению к крестьянам сел Мердушь и Спасско-Раменье, которые массово вывозят строевой и дровяной лес. Управляющий заявляет, что местные крестьяне занимаются угольным промыслом, поэтому порубки леса становятся массовыми, вследствие чего имению в ближайшее время грозит полное расхищение. Также Перрот жалуется, что все его обращения в адрес исполнительного комитета остаются без внимания, а все действия местных крестьян, соответственно, безнаказанными¹¹.

Дальнейшее расследование данного дела привело к выявлению многочисленных фактов самовольных порубок леса и кражи большого количества лыка, проведенных крестьянами сел Мердушь и Спасско-Раменье. Как оказалось, разграбление имения Архангельское началось еще в середине мая 1917 г. и продолжалось вплоть до середины июля, когда была подана жалоба управляющего имением, и началось расследование со стороны уездного комиссара. Однако, кроме констатации фактов, деятельность властей ни к каким конкретным результатам не привела, так как они не смогли даже установить пофамильно тех крестьян, кто участвовал в расхищении имущества. Попытка же повлиять на настроение крестьян

⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 1. Л. 98–99.

⁸ Там же. Л. 97.

⁹ Там же. Л. 109.

¹⁰ Там же. Л. 51.

¹¹ Там же. Л. 147.

¹² Там же. Л. 182.

на сходе в с. Мердушь закончилась тем, что местное население потребовало выдать приехавших на расправу¹².

19 сентября Кадомская городская управа направила телеграмму уездному Совету с просьбой принять срочные меры по прекращению порубок леса на ивановской и красноярской дачах, проводимых крестьянами с. Теньгушево и деревень Красный Яр и Выселки¹³.

Все вышеприведенные факты свидетельствуют, что крестьяне Темниковского уезда летом 1917 г., как и в целом по стране, приступили к решению аграрного вопроса «снизу», не дожидаясь проведения реформ в общероссийском масштабе. Здесь возникает вполне закономерный вопрос: а что же могли предложить летом 1917 г. крестьянским массам местные органы власти? Пожалуй, ничего. Это было обосновано внутренней политикой Временного правительства, с июля 1917 г. оставшегося в одиночестве в качестве верховного органа власти в стране. Курс Временного правительства на созыв Учредительного собрания, которое и решит стоящий перед страной аграрный вопрос с одновременным затягиванием его созыва, был более чем наглядной иллюстрацией его текущей внутренней политики. В этих условиях власти не могли что-либо предложить крестьянству, которое начнет решать аграрный вопрос явочным порядком, а Тамбовская губерния, куда в 1917 г. входил Темниковский уезд, станет одним из главных очагов крестьянского восстания осенью того же года [17].

Документы исполнительного комитета Советов наглядно свидетельствуют о слабости властей на местах в период между революционными взрывами Февраля и Октября 1917 г. Все их попытки повлиять на ситуацию в уезде, как и в стране в целом,

были непоследовательными и не несли под собой ощущения реальной силы, стоящей за ними. Поэтому влияние комиссаров и Советов на крестьянскую активность в основном оставалось на бумаге, не перерастая в конкретные шаги, направленные на разбор запутанной ситуации, что на местах, что в масштабах всей страны. Не зря во многих региональных документах постоянно упоминается, что обращения к Советам и к уездному комиссару ни к чему в итоге не приводят.

Можно привести несколько характерных примеров. В Темниковском уезде сложилась напряженная ситуация с порубками леса, вызванная, кроме всего прочего, нежеланием владельцев сдавать лесные угодья и материалы крестьянам по сниженным ценам. Например, в ответ на крестьянские просьбы о снижении цены на лыко уездный комиссар Владимиров сообщает исполкому Советов, что обязать сдавать лыко по сниженной цене он не может без согласия лесовладельца П. М. Шахаева¹⁴.

О бессилии властей просто «кричит» телеграмма уездного комиссара Владимирова своему губернскому начальнику. Приведем ее текст полностью. «Кадомские городские владения кроме окрестностей Кадома раскинуты по четырем волостям. Кем и где захвачены луга и что именно разгромлено управа умалчивает. Против лесных порубок всю прошлую неделю принимались меры воздействия через волостные комитеты, из которых Бутаковский и Веденяпинский постановили воспретить порубки и штрафовать виновных. Погорельцам Теньгушево Кадомской управой отведен особый участок леса для рубки по сниженным ценам. Пределы дозволенного нарушены. Отдано распоряжение милиции на розыск похищенного леса и привлечение виновных к

¹³ ЦГА РМ. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 1. Л. 309.

¹⁴ Там же. Л. 34.

¹⁵ Там же. Л. 121.

ответственности, что крайне затрудняется безучастием городской управы в этом отношении»¹⁵.

Наконец, 6 октября 1917 г. в помещении уездной земской управы было назначено проведение чрезвычайного совещания представителей местных организаций с привлечением уездного комиссара и председателя Темниковского уездного Совета. На совещании следовало обсудить два вопроса: 1) по охране лесов от массовых порубок; 2) против всякого рода насилия и захватов¹⁶. Напомним, что к этому моменту захваты земель и порубка леса шли уже четыре месяца, а до прихода большевиков к власти в Петрограде оставалось всего лишь 19 дней.

С другой стороны, можно задаться вопросом: а была ли на стороне новых властей сила, чтобы заставить местное население выполнять их требования? На этот вопрос можно ответить достаточно просто: нет, не было. Политические силы, пришедшие к власти в России после Февральской революции, сломали старый имперский аппарат принуждения, намереваясь выстроить вместо него новый. Однако в этом они несколько не преуспели.

После расформирования полиции, произошедшего в марте 1917 г., Временное правительство постановило создать вместо нее милицию. В процессе строительства новой структурной единицы возникли серьезные трудности, преодолеть которые на местах не удавалось. Самой главной среди них стала финансовая, ибо сотрудникам милиции нужно было выплачивать жалованье, а средств на это в губерниях и тем более в уездах не было. В Темниковском уезде при формировании милиции сначала пришлось сокращать штат силовиков, а затем искать

средства для ее финансирования. Получался настоящий замкнутый круг, когда комиссар пытался перекладывать проблему на исполком местного Совета, а тот – на городскую Думу. В итоге уже в конце июня 1917 г. начальник уездной милиции И. Гошко просит выплатить ему задолженность по заработной плате за прошедшие месяцы, но даже после увольнения из рядов милиции невыплаченное жалованье ему так и не было выдано [9].

Что же касается темниковского гарнизона, то он тоже не мог стать надежной опорой новой власти, так как в нем (как и во всей стране) стали усиливаться большевистские настроения. Летом 1917 г. из Темникова в Тамбовский Совет, а также командующему Московским военным округом несколько раз направлялись телеграммы с просьбой присылки верных войск, так как в городе усиливается большевистская агитация, которая велась бывшим дезертиром Семиковым и большевиком Шмелевым¹⁷. В начале июля 1917 г. ситуация в Темникове стала критической. В телеграмме, отосланной в Тамбов, уездный Совет и вовсе характеризует состояние гарнизона как восстание и просит прислать войска на его подавление¹⁸.

Обсуждение

Стоит отметить, что Темниковский уезд Тамбовской губернии в летние дни 1917 г. стал типичным примером развития событий общероссийского масштаба. Установившийся после свержения в России монархии режим двоевластия не смог решить ни одного насущного вопроса, стоявшего перед страной. Одним из главных требований населения являлось решение аграрного вопроса, бывшего одним из главных кризисных явлений после отмены крепостного

¹⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 1. Л. 373.

¹⁷ Там же. Л. 86, 87, 92.

¹⁸ Там же. Л. 157.

права в России в 1861 г. Однако те силы, которые пришли к власти в феврале-марте 1917 г. и оформившиеся в лице Временного правительства, наглядно показывали, насколько же они далеки от простого народа, затягивая решение данного вопроса, относя его к компетенции Учредительного собрания.

Уездные власти в лице комиссара и исполкома Советов также оказываются не в состоянии решить насущные вопросы, выдвигаемые крестьянством. В своих требованиях передела земли и лесов крестьянские массы, не получая определенного ответа от властей, приступают к решению аграрного вопроса «снизу», что сразу же приводит к столкновениям между собственниками и бедным большинством деревни.

Отметим, что уездные власти занимают сторону собственников, стремясь защитить их интересы или хотя бы прекратить насильственные действия над их имуществом. Однако это не сильно удавалось вследствие того, что как моральный авторитет, так и силовая компонента властей к тому времени стремительно деградировали. В этих условиях действия крестьянских масс, нередко проводимые «всем крестьянским обществом», приносили им положительные результаты. Жалобы помещиков, крестьян-кулаков, заводовладельцев в подобных условиях ни к чему привести не могли, так как комиссар и исполком не имели возможности заставить крестьян прекратить передел земель и расхищение имущества. Попытки Советов директивным путем призвать крестьян к восстановлению законности ни к чему не приводили, а все крестьянские акции завершались для них успехом. Единственный раз, когда власти попытались заставить крестьян прекратить разграбление имения Архангельское, завершилась для них полной катастрофой, а против представителей исполкома Советов на крестьянском сходе звучали откровенные угрозы.

Слабость местных властей, продемонстрированная летом 1917 г. в попытке не допустить решения аграрного вопроса самими крестьянами «снизу», вполне закономерно привела к росту влияния большевиков на массы населения, затем к большевизации Советов, а затем и к переходу к ним власти в масштабах всей России в период так называемого «Триумфального шествия Советской власти».

Заключение

Летом 1917 г. на территории Темниковского уезда Тамбовской губернии население продемонстрировало свое видение решения аграрного вопроса – «снизу». К радикализации действий низов деревни вполне закономерно приводила ситуация в аграрном секторе России перед революционными событиями 1917 г., выраженная в малоземелье большей части крестьянства, росте арендных платежей, фактическом бесправии большей части крестьян. К радикализации населения приводила и продолжающаяся четвертый год Первая мировая война.

Во время своих попыток решения аграрного вопроса темниковские крестьяне приступали к насильственному переделу пахотной и паровой земли, значительные площади которой находились в собственности помещиков и кулаков. Летом 1917 г. на территории уезда были отмечены четыре факта передела земель. Все крестьянские действия завершились для них успешно, власти были вынуждены лишь констатировать происшедшее. В июле 1917 г. на территории уезда произошли три случая распахки крестьянами лугов, без которых нормальное ведение хозяйства было затруднительным. И здесь местные власти ничего не смогли сделать для защиты собственников, которые были вынуждены лишь считать свои убытки да отписываться, что у них забрали их последнее имущество. Наконец, на территории Темниковского уезда

в июле – сентябре 1917 г. было отмечено три случая самовольной порубки крестьянами леса, составлявшего значительные богатства местных помещиков и фабрикантов.

За рассмотренный период в Темниковском уезде нами было выявлено десять фактов действий местных крестьян против имущества собственников, что наглядно

демонстрирует настрой низов деревни к разрешению аграрного вопроса так, как им видится самим. Дальнейшее промедление центральных властей и их представителей на местах привело к полной потере доверия им со стороны народных масс и вполне закономерно обеспечило победу большевиков в октябре 1917 г. и их приход к власти.

Список источников

1. Батыришин Р. Р. Аграрное движение в Казанской губернии после Февральской революции 1917 года // Вестник Екатеринбургского института. 2018. № 3. С. 61–66.
2. Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.: К истории банкротства неонародничества. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. 296 с.
3. Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции: ист. очерк. М.: Мысль, 1975. 383 с.
4. Дубровский С. М. Крестьянство в 1917 году. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 148 с.
5. Захаркина А. Е., Фирстов И. И. Мордовия в годы трёх народных революций. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 336 с.
6. История Мордовии. Т. 2. От эпохи великих реформ до великой российской революции / В. М. Арсентьев, Н. М. Арсентьев, С. Б. Бахмутов [и др.]; под ред. Н. М. Арсентьева, В. А. Юрченкова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. 412 с.
7. Кистанов С. В. Аграрное движение в Саранском уезде в октябре-ноябре 1917 г. // Экономическая история. 2019. Т. 15, № 1. С. 60–71.
8. Кистанов С. В. Начало решения аграрного вопроса «снизу» весной 1917 г. на примере Краснослободского уезда Пензенской губернии // Экономическая история. 2023. Т. 19, № 3. С. 256–266.
9. Кистанов С. В. Финансовые аспекты формирования милиции Временного правительства на примере Темниковского уезда Тамбовской губернии // Экономическая история. 2020. Т. 16, № 1. С. 42–52.
10. Ковалев В. А. Российская октябрьская революция 1917 г. в контексте социальной справедливости // Информационная среда вуза. 2017. № 1. С. 277–280.
11. Ковальченко И. Д., Моисеенко Т. Л., Селунская Н. Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: источники и методы исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 222 с.
12. Комин В. В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Моск. рабочий, 1965. 644 с.
13. Котляров С. Б. Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии (1906–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. 24 с.
14. Кравчук Н. А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября. (Март-октябрь 1917 г.): (По материалам великорус. губерний Европ. России). М.: Мысль, 1971. 278 с.
15. Малявский А. Д. Крестьянское движение в России в 1917 г. (март-октябрь). М.: Наука, 1987. 400 с.
16. Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1974. 352 с.
17. Очерки истории Мордовской организации КПСС. 2-е изд., перераб. и доп. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. 710 с.
18. Смирнов А. С. Крестьянские съезды Пензенской губернии в 1917 г. // История СССР. 1967. № 3. С. 17–31.

19. Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2 т. М.: Мысль, 1967. Т. 1. Аграрный вопрос и ленинские аграрные программы в трех русских революциях. 566 с.; Т. 2. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. 622 с.
20. Упоров И. В. Октябрьская революция как главное событие российской истории XX в. // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 2. С. 34–40.
21. Чичаев И. А. Незабываемые годы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. 134 с.

References

1. Batyrshin R. R. The agrarian movement in Kazan province after the February Revolution of 1917. *Vestnik Yekaterininskogo instituta* = Bulletin of the Catherine Institute. 2018; 3 (43): 61–66. (In Russ.)
2. Ginev V. N. The Agrarian Question and the Petty-Bourgeois Parties in Russia in 1917: On the History of the Bankruptcy of Neo-Populism. Leningrad, 1977. 296 p. (In Russ.)
3. Gusev K. V. The Socialist-Revolutionary Party: from Petty-Bourgeois Revolutionism to Counter-Revolution: a historical Essay. Moscow, 1975. 383 p. (In Russ.)
4. Dubrovsky S. M., The peasantry in 1917. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1927. 148 p. (In Russ.)
5. Zaharkina A. E., Firstov I. I. Mordovia during the Three Popular Revolutions. Saransk, 1987. 336 p. (In Russ.)
6. The History of Mordovia: from the Era of Great Reforms to the Great Russian Revolution. Ed. V. M. Arsentyev, N. M. Arsentyev, S. B. Bahmustov. Saransk. 2005. 412 p. (In Russ.)
7. Kistanov S. V. Agrarian movement in Saransk district in October-November 1917. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2019; T. 15; 1(44): 60–71. (In Russ.)
8. Kistanov S. V. The beginning of the solution of the agrarian question “from below” in the spring of 1917 on the example of Krasnoslobodsky district of Penza province. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2023; T. 19, 3 (62): 256–266. (In Russ.)
9. Kistanov S. V. Financial aspects of the formation of the militia of the Provisional Government on the example of Temnikovskiy district of Tambov province. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2020; T. 16, 1(48): 42–52. (In Russ.)
10. Kovalev V. A. The Russian October Revolution of 1917 in the context of social justice. *Informacionnaya sreda vuza* = Information environment of the university. 2017; 1(24): 277–280. (In Russ.)
11. Kovalchenko I. D., Moiseenko T. L., Selunskaya N. B. Socio-economic structure of the peasant economy of European Russia in the era of capitalism: sources and research methods. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1998. 222 p. (In Russ.)
12. Komin V. V. Bankruptcy of bourgeois and petty-bourgeois parties during the period of preparation and victory of the Great October Socialist Revolution. Moscow, 1965. 644 p. (In Russ.)
13. Kotlyarov S. B. Stolypin agrarian reform in Simbirsk province (1906–1917). Abstract. Dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Saransk, 2005. 24 p. (In Russ.)
14. Kravchuk N. A. The mass peasant movement in Russia on the eve of October. (March-October 1917): (Based on the materials of the Great Russian. provinces of Europe. Russia). Moscow: Mysl Publ., 1971. 278 p. (In Russ.)
15. Mal'vavsky A. D. The peasant movement in Russia in 1917 (March-October), Moscow: Nauka Publ., 1987, 400 p. (In Russ.)
16. Osipova T. V. The class struggle in the countryside during the preparation and conduct of the Great October Socialist Revolution. Moscow: Nauka, 1974. 352 p. (In Russ.)
17. Essays on the history of the Mordovian organization of the CPSU. Saransk, 1979. 710 p. (In Russ.)
18. Smirnov A. S. Peasant congresses of the Penza province in 1917. History of the USSR. 1967; 3: 17–31. (In Russ.)
19. Trapeznikov S. P. Leninism and the Agrarian and Peasant Question: In 2 vol. Moscow: Mysl, 1967. (In Russ.)

20. *Uporov I. V.* The October Revolution as the main event in the Russian history of the twentieth century. *Gumanitarny`j nauchny`j vestnik* = Humanitarian Scientific Bulletin, 2024; 2: 34–40. (In Russ.)
21. *Chichaev I. A.* Unforgettable years. Saransk : Mordov. Book Publishing House, 1976. 134 p. (In Russ.)

Поступила 25.03.2025.

Сведения об авторе

Кистанов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов – политическая история России конца XIX – первой четверти XX в. Автор около 100 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2214-1341>.

E-mail: kistanov-viz@yandex.ru

Submitted 25.03.2025.

About the author

Sergey V. Kistanov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: political history of Russia in the late 19th – the first quarter of the 20th century. The author of about 100 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2214-1341>.

E-mail: kistanov-viz@yandex.ru

Особенности молчания Н. И. Фешина: попытка понимания экзистенциального опыта

Аннотация

Введение. Нередко личность в качестве ключевой стратегии своих проявлений отдает предпочтение неговорению, что позволяет говорить о молчании как экзистенциале человеческого бытия. К числу людей, избравших его в качестве основания жизни и деятельности, можно отнести Н. И. Фешина, что актуализирует исследование специфики молчания художника.

Материалы и методы. Основными методами исследования избраны аналитический и экзистенциальный. Они помогают прояснить феномен молчащего человека и алгоритмы творческой личности в молчании. Теоретико-методологической базой послужили идеи В. В. Бибикина об экзистенциальных состояниях личности, М. Михайловой о молчании, С. Франка о непостижимом, А. С. Гагарина о трансцендировании, Д. Г. Серякова о нон-финито, Е. Л. Яковлевой о потаенном.

Результаты исследования. Выявлено, что присущее Н. И. Фешину молчание связано с двухнедельным пребывании в коме в трехлетнем возрасте. Предпочитая в любой ситуации безмолвие, Николай Иванович демонстрировал собственную замкнутость: он всегда находился в себе со своими потаенными мыслями. При внешней пассивности молчание художника являло собой активный процесс, благодаря которому он рефлексировал над бытием, познавал Я, занимался творчеством, расширяя свои границы. Идеальным местом тишины и одиночества для Н. И. Фешина стала мастерская. В ней молчащий художник оказывался открытым бытию, что способствовало его трансцендированию, становящемуся побудом к творчеству. При трансцендировании Николай Иванович проникал в глубины бытия и обнаруживал необходимую идею/образ, подвергая художественной обработке. Н. И. Фешин обладал даром передать на полотне невыразимое, постигнутое в молчании, а приемом подобного высказывания стало нон-финито. Оно играло роль многоточия, олицетворяя фешинское молчание и потаенное, связанное с экзистенциальным опытом. Нон-финито превращает шедевр искусства в открытое произведение, обладающее множеством интерпретаций.

Обсуждение и заключение. Фешинское молчание и нон-финито оказываются взаимосвязанными между собой. Нон-финито олицетворяет молчание в произведении искусства.

Многообразие, выраженное в фешинских полотнах посредством нон-финито, актуализирует анализ произведений с точки зрения молчания художника о бытии-в-мире, бытии-с-собой и бытии-с-Другими.

Ключевые слова: Николай Иванович Фешин, молчание, кома, потаенность, тишина, трансцендирование, мастерская, отрешенное состояние, нон-финито, многообразие.

Для цитирования: Яковлева Е. Л. Особенности молчания Н. И. Фешина: попытка понимания экзистенциального опыта // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 3. С. 249–262. DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.249-262.

Elena L. Iakovleva

*Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia),
e-mail: mifoigra@mail.ru*

Features of N. I. Feshin's Silence: An Attempt to Understand Existential Experience

Abstract

Introduction. Often, a person prefers non-speaking as a key strategy of his manifestations, which makes it possible to talk about silence as an existential human being. N. I. Feshin is one of the people who chose him as the basis of his life and work, which actualizes the study of the specifics of the artist's silence.

Materials and Methods. The main research methods are analytical and existential. They help to clarify the phenomenon of the silent person and the algorithms of creative personality in silence. The theoretical and methodological basis was the ideas of V. V. Bibikhin on existential states of personality, M. Mikhailova on silence, S. Frank on the incomprehensible, A. S. Gagarin on transcendence, D. G. Seryakov on non-finito, E. L. Iakovleva on the hidden.

Results. It was revealed that N. I. Feshin's inherent silence is associated with a two-week stay in a coma at the age of three. Preferring silence in any situation, Nikolay Ivanovich demonstrated his own isolation: he was always in himself with his (hidden) thoughts. With external passivity, the artist's silence was an active process through which he reflected on existence, learned about the Self, engaged in creativity, expanding his boundaries. The workshop became an ideal place of silence and solitude for N. I. Feshin. In it, the silent artist found himself open to being, which contributed to his transcendence, which became an incentive to creativity. When transcending, Nikolai Ivanovich penetrated into the depths of being and discovered the necessary idea/image, subjecting it to artistic processing. N. I. Feshin had the gift of expressing on canvas the inexpressible, comprehended in silence, and the technique of such a statement became non-finito. It played the role of an ellipsis, personifying Feshin's silence and the hidden, connected with existential experience. Non-finito transforms a masterpiece of art into an open work with multiple interpretations.

Discussion and Conclusion. Feshinsky's silence and non-finito turn out to be interconnected. Non-finito embodies silence in a work of art. The ellipsis expressed in Feshin's paintings through non-finito actualizes the analysis of the works from the point of view of the artist's silence about being-in-the-world, being-with-oneself and being-with-Others.

Keywords: Nikolai Ivanovich Feshin, silence, coma, secrecy, silence, transcendence, workshop, detached state, non-finito, ellipsis.

For citation: Iakovleva E. L. Features of N. I. Feshin's Silence: An Attempt to Understand Existential Experience. *Gumanitarian: aktual'nye problemy humanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(3): 249–262. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.249-262.

Введение

Каждая личность по-разному позиционирует себя в обществе, выказывая настроенность к бытию-в-мире, бытию-с-собой и бытию-с-Другими, понимание и переживание ситуаций (онтологическое и эмоциональное), отношение к людям и т. д. Одной из тактик индивида оказывается молчание: его можно отнести к экзистенциалам человеческого бытия. При этом у каждого данный экзистенциал приобретает уникальные черты, проявляясь естественно или формируясь намеренно. Наиболее выразительным оказывается молчание у людей искусства. Они демонстрируют его не только в своем непосредственном присутствии и при взаимодействии с людьми, но и в творчестве. Данное положение требует доказательств. В нашей статье рассмотрим личность художника Николая Ивановича Фешина (1881–1955) и специфику его молчания, выступившего в качестве экзистенциала бытия.

Обзор литературы

Жизни и творчеству Н. И. Фешина в научном дискурсе отведено небольшое внимание. Анализ работ позволяет разделить их на две группы: биографические и посвященные творчеству. Среди биографических исследований выделим монографии Г. П. Тулузаковой [19], А. А. Боровко и В. М. Корнеевой [6], статьи Ю. Ю. Аншаковой [1], К. Н. Гаврилина и Н. В. Федоровой [7], Р. Ш. Сарчина [15; 16], представившие жизненный путь художника или анализ отдельных эпизодов его жизни. Некоторые авторы сосредотачивают оптику внимания на определенных аспектах фешинского творчества. Например, Д. Г. Серяков анализирует нон-финито на полотнах художника [17], Г. П. Тулузакова – натурный рисунок [18], Г. С. Демин и К. П. Великородных – особенности графических портретов [9], Е. А. Перевозкина и О. А. Бакиева – уровень эстетической эмпатии в портретной живописи [13], Т. А. Зубкова – полотно «Капустница» [10], А. А. Архипов и А. С. Жмур-

ко – методику преподавания мастера [2]. Тем не менее многие аспекты жизни и деятельности Н. И. Фешина остаются вне научного дискурса, что послужило основанием для исследования его молчания.

Материалы и методы

Методами исследования стали аналитический и экзистенциальный. В качестве основы для рассуждений послужили идеи В. В. Бибихина об экзистенциальных состояниях личности, М. Михайловой о молчании, С. Франка о непостижимом, А. С. Гагарина о трансцендировании, Д. Г. Серякова о нон-финито, Е. Л. Яковлевой о потаенном. Из-за отсутствия развернутых автобиографических материалов Н. И. Фешина и сложности молчания как экзистенциала человеческого бытия в представленной статье выстраивается гипотетическая модель молчания художника, проявившегося в жизни и творчестве, а также символических значений безмолвия.

Результаты исследования

Согласно воспоминаниям современников, Н. И. Фешин относился к числу молчаливых и немногословных людей. Художник радовался одинокому времяпровождению в молчании. Оно давало ему возможность полностью отдаться стихии творчества. Оказываясь в среде творческих людей, Николай Иванович предпочитал слушать разговоры об искусстве. Художник «только время от времени вставлял короткие реплики, всегда метко и четко определяющие его отношение к предмету разговора» [12, с. 83]. Посетители мастерской художника соблюдали заданные им правила, связанные с молчанием. У него «во время сеанса позирования нельзя говорить», «делать замечания и высказывать свои оценки» [6, с. 85]. Даже работая преподавателем, он избирал не вербальный способ объяснения, а визуальный, наглядно показывая подопечным примеры рисунка и отмечая допускаемые ошибки. Практически все воспитанники описывают следующий

метод работы Николая Ивановича в классах: «объяснялся кратко», чаще «он брал уголь, карандаш или кисть и сам становился перед мольбертом ученика» и последний «сразу понимал механику движения живой фигуры» [12, с. 81]. Из приведенных фактов биографии можно заключить, что для Н. И. Фешина молчание играло роль экзистенциала бытия, лежащего в основе его проявлений.

Возможно, молчание Николая Ивановича было связано не только с его интровертностью и замкнутостью натуры, но и с болезнью в трехлетнем возрасте, в результате осложнений которой в течение двух недель мальчик находился в коме (примерно 1884–1885 гг.). Считается, что молчаливость индивида, вернувшегося к жизни после комы, можно отнести к числу распространенных явлений, что обусловлено физиологическими и психологическими факторами. Повреждения головного мозга, приведшие к коматозному состоянию, у маленького Н. И. Фешина могли затронуть области, ответственные за речь, либо у него возникла общая мышечная слабость, что привело к трудностям говорения. Как правило, после комы человек довольно быстро утомляется, а речь требует много энергии, поэтому в целях экономии сил выздоравливающий индивид отдает предпочтение молчанию. Психологические причины вызваны посттравматическим стрессовым расстройством после комы, в результате которого личность бессознательно избегает любого общения, предпочитая молчать. Сосредоточившись на себе, своих переживаниях и анализе полученного опыта, индивид не желает выходить из своего внутреннего мира. Нередко кома приводит к нарушениям памяти, мышления и внимания, затрудняя взаимодействие с окружающими людьми. Испытывая определенный страх и тревожность, юноша замкнулся в себе, выказывая обособленность. Особое место занимает и депрессия, приводящая к социальной изоляции и отказу от коммуникации. В конце XIX в. в Казани маленький

Николай не проходил медицинскую реабилитацию после перенесенного заболевания и комы, а служба психологической поддержки еще не существовала. Безопасной средой для себя мальчик интуитивно избрал мастерскую отца – Ивана Александровича Фешина по резке и золочению иконостасов. Здесь Николай, чувствуя себя свободно, молча наблюдал за работами и приобщался к творчеству, что способствовало его стихийному восстановлению после болезни. Впоследствии для Н. И. Фешина именно молчание стало преобладающим способом демонстрации Я в бытии-в-мире, бытии-с-собой и бытии-с-Другими. Данная ситуация требует понимания молчания и его роли в жизни и деятельности художника.

Молчание представляет модус экзистенции, особый жизненный принцип и форму духовного опыта художника. Его можно отнести к ключевым экзистенциалам фешинского бытия, обладающим многозначностью. Но осознание молчания и того, что стоит за ним, затруднено. Дело в том, что молчание определяется как неговорение, немолствование, безмолвие, и оно вызывает сложности его осознания Другими.

Исследователь М. Михайлова описывает очертания молчания. Его внешним контуром выступает «минус-текст, значимая пауза в речевом процессе, лакуна в цепи смыслопорождения», в результате чего молчание «не имеет фиксированного денотата, не обладает точным экстенционалом и... являет собой пустоту, которая может быть заполнена чем угодно в зависимости от контекста» [11, с. 91, 92]. Опыт молчания всегда субъективен и даже сакрален. Он непонятен Другим и загадочен, потому что молчащая личность замыкается в себе и в своем бытии-в-мире, бытии-с-собой. Пребывание человека в молчании непроницаемо. Индивид никого не пускает в свое пространство внешнего безмолвия, очерчивая вокруг него энергетическую границу. Но

в молчании есть неслышимый Другими текст, отражающий особенности личности, ее настроения, мысли и специфику взаимоотношений с миром. Несмотря на неговoreние, индивид осуществляет в сознании непрестанный и довольно сложный диалог с самим собой, нередко достигая невидимого никому напряжения ситуации. Окружающие люди могут почувствовать импульсы, исходящие от молчащей личности, что позволяет говорить о внутренней форме молчания, связанной с его энергией.

Необходимо признать, для творческой личности немолвствование значимо. Оно выступает в качестве пространства, где происходит осмысление Я/Других/прожитого, рождаются экзистенциальные смыслы и творческие идеи, а также осуществляется процесс создания произведения искусства. Исследователь М. Михайлова справедливо замечает, что «молчание возникает как ответ человека на жизненные ситуации такой значимости и интенсивности, с какими не справляется язык» [11, с. 98]. Молчание оказывается специфическим способом общения в себе с собой/Другими/миром, что позволяет прикоснуться к Я, истокам бытия и способствует открыванию истины. Оно погружает художника в глубины Я/бытия и приводит к озарениям, инициирующим творческий процесс и возможность передачи познанного в произведении искусства. Как замечает М. Михайлова, молчание представляет собой «предельный опыт предстояния истине как живому целому, подвластному версификации, но не верификации, логос которого ближе эстезису, чем рацию» [11, с. 170]. Перечисленное позволяет охарактеризовать молчание как многогранную духовную практику, содействующую пониманию Я, познанию бытия, осуществлению творческих замыслов.

Для Николая Ивановича Фешина молчание стало основой его бытия-в-мире, бытия-с-собой, бытия-с-Другими, самопо-

знания и творчества. В безмолвии у Николая Ивановича рождались неслышимые никому мысли о сущем и Я, а также идеи для его произведений искусства. Нельзя сказать, что все они оказались воплощенными мастером. Что-то оказалось неоконченным, а что-то навсегда осталось с художником в его потаенном и исчезло после его смерти в бездне Ничто как небытия.

Замкнутость молчащей личности в себе связана с потаенным, что «приводит нас в сферу субъективности как глубокой интимности с самим собой, которая не афишируется и нередко намеренно не выводится в объективное, поддаваясь контролю со стороны субъекта, то есть потаенность обладает формальной и содержательной закрытостью» [22, с. 479]. На данный факт обращает внимание и М. Михайлова. Она справедливо замечает: «Семантика молчания включает в себя таинственность... Молчание о чем-то – значит что-то скрывать» [11, с. 26]. О своем потаенном, обдуманном в молчании, личность предпочитает не говорить. Но потаенное в молчании творца парадоксально. Оно одновременно есть сокрытие и открытие. Художник (не)осознанно выказывает потаенное (нередко символически) в своих творениях, делая его открытым для Других. Дело в том, что потаенность, зарождающаяся в молчании внутри бытия-в-мире, бытия-с-собой и бытия-с-Другими, способствует появлению скрытой информация, которая в явном или зашифрованном виде транслируется в произведениях гения. Заметим, нередко потаенность указывает на одиночество творца. В своем молчании и потаенности индивид «исходит из себя и к себе возвращается», осуществляя круговорот самости [22, с. 481].

Рассуждая о потаенном в молчании, необходимо подчеркнуть, что при внешней пассивности процесс оказывается внутренне активным, позволяя рефлексировать над происходящим, познавать Я/бытие и расширять границы. Как бытие в целом, так и индивидуальное бытие-в-мире, бытие-с-собой,

бытие-с-Другими оказываются для личности потаенными из-за невозможности охвата всей панорамы бытия и знания того, что произойдет с Я. Ситуация ставит перед человеком множество метафизических вопросов, стимулируя поиски ответов на них. Выступая в качестве индивидуальной духовной практики, молчание открывает творцу доступ к Я и основам бытия. В безмолвии человек получает подтверждение некоторым своим догадкам и интуициям, закрепляя впоследствии познание в экзистенциальном опыте и произведениях искусства. Молчание позволяет частично понять Я, встретившись с бездной бытия-в-мире, потому что «собственное существо и есть без-дна» [4, с. 77]. В безмолвии творец заново онтологически и эмоционально переживает события и ситуации из своей жизни, осмысливает их, примиряется с бытием-в-мире, бытием-с-собой и бытием-с-Другими, что позволяет охарактеризовать молчание в качестве особого экзистенциального опыта. Творец, мысленно проигрывая ситуацию из прошлого в своем воображении, либо находит иной путь развития, либо оправдывает себя/Других, либо переключается на деятельность (в нашем контексте на творческий процесс). «Вечная страсть нашего разума – помыслить “о чем-то” – в молчании исцеляется» [11, с. 93]. В результате происходит не только осмысление пережитого, но и выстраивание стратегий настоящего, прогнозирование будущего.

Обратим внимание на то, что опыт молчания может быть и конфликтным для творца. В сознании индивида Я и мир при взаимодействии могут быть не только созвучными, но и противостоящими друг другу. Результат схватки неизвестен и даже непредсказуем. Он может быть различным при каждом новом опыте молчания. Неслучайно человек обречен страдать в состоянии безмолвия, решая ту или иную проблему, мучаясь неразрешимым, неизбежным или уже-бывшим в его бытии-в-мире, бытии-с-собой и бытии-с-Другими. Ему нужен запас

внутренней прочности (М. Михайлова) для осуществления опыта молчания и настроенности на бытие-в-мире, бытие-с-собой и бытие-с-Другими.

Фешинское молчание довольно часто было сопряжено с тишиной: «Где живет молчание, там будет тишина» [11, с. 120]. Молчание и тишина способствуют более глубокому пониманию бытия и видению в нем прекрасного, обладающего смыслом. Созерцательное знание есть «немое, молчаливое, несказанное знание», «есть знание непостижимого» [21, с. 69], передаваемого впоследствии в произведениях искусства. Местом молчания и тишины Н. И. Фешин избрал мастерскую. В ее пространстве, в одиночестве (или с моделью) художник был (с) самим собой, занимаясь самопознанием и творчеством. Время одиночества и молчания способствовало не только активному поиску идей и решения художественных задач, но и расслаблению, освобождению от воспоминаний негативного опыта и его нагнетания. Тишина мастерской и занятия творчеством на протяжении продолжительного времени способствовали достижению отрешенного состояния, примиряя творца с бытием-в-мире, бытием-с-собой и бытием-с-Другими. «Отрешенность никогда не отверженность, отрешенность мирит меня со мной и всеми»; «неузнанный собой человек сначала узнает собственное существо в мирной тишине мира, и только найдя себе место в ней, он может знать это»; «нигде больше вне мира-согласия, в растерянном мире-скоплении распавшихся вещей и сбивчивых голосов он себя не найдет» [3, с. 62]. Мастерская позволяла творцу быть в согласии с собой, несмотря на воспоминания о травматическом опыте, творческие поиски и неудачи. Отрешенность при молчании помогала преодолеть инерцию, увидеть невидимое и услышать неслышимое Другими, что побуждало к творчеству.

В фешинской мастерской шедевры рождались в тишине. Благодаря ей между мастером и портретируемым завязывалось

тайное единение, способствовавшее появлению шедевров. На данный нюанс обратил внимание директор и менеджер Grand Central Art Galleries Эрвин С. Барри. Он отметил специфику написания портрета Лилиан Гиш: «Ни он (Фешин. – Е. Я.), ни мисс Гиш во время сеансов не произнесли ни слова, но у них была незримая связь, в результате чего получился очень хороший портрет» [Цит. по: 6, с. 89]. Объясняется данный факт тем, что молчание и тишина способствуют открытости художника бытию, настроенности на познание (в том числе Другого) и принятию многогранности мира. В последнем «всегда присутствует безграничное – бесконечное», что «имеет своим конституирующим признаком неисчерпаемость» и «неведомое как непостижимое для нас» [21, с. 40, 41, 46].

В опыте молчания творец переходит границы реальности, осуществляя трансцендирование и экзистирование. Как замечает С. Франк, «трансцендирование есть... не достижение чего-либо трансцендентного, а познание трансцендентального» [21, с. 169] как безграничного и бесконечного. Трансцендирование посредством молчания открывает перед индивидом колоссальные возможности. Неслучайно М. Бланшо метафорически высказался о молчании как шепчущей безмерности. Ведь «художник дает себе труд усилием молчания... услышать и выразить голоса тихой жизни» [Цит. по: 11, с. 147], нередко запредельной, трансцендентной, связанной с истиной. В каждом шедевре искусства как вне-себя-потаянности открывается познанная творцом истина.

Трансцендирование как «экзистенциальный “прыжок” через бездну бытия» есть главное «условие погружения в себя, самоуглубления для открытия внутри себя трансцендентного измерения бытия» [8]. В результате расширения собственных границ художник в трансцендентном Ничто полу-

чает возможность, удивляясь, созерцать новые пространства с их образами и смыслами. Направляя взор на них, он обретает при созерцании очередные идеи для творчества, которые воплощаются в произведениях искусства. Как справедливо подчеркнул В. В. Биbihин, «мы замешаны в бытие так, что оно раскрывается в своих, непридуманых, настоящих состояниях через нас – и только через нас» [4, с. 271].

Трансцендирование и его осознание дано немногим. Среди них выделим талантливых и гениальных людей, проявляющих внимательность к бытию-в-мире, бытию-с-собой и бытию-с-Другими, что становится основой для размышлений, в том числе в искусстве. Дело в том, что «трансцендентное везде, нигде и здесь, но человек к нему редко может прорваться, потому что он ограничен, пределен» [11, с. 39]. Чаще всего индивид инертен, не желая покидать комфортные для него пространства. Художник открыт бытию-в-мире, всегда находится в творческом поиске, демонстрируя внимательность и сосредоточенность, проявляя интуицию и воображение, что позволяет ему преодолевать любые границы, прикасаясь к Ничто. Особую роль в этом процессе играет молчание, способствующее получению творцом «мистического опыта с его высокой смысловой интенсивностью» [11, с. 24].

Только захваченность бытием-в-мире, бытием-с-собой и бытием-с-Другими как результат настроенности к миру позволяет индивиду преодолевать видимые и слышимые границы, оказываясь в пространстве, невидимом и неслышимом для Других. Процесс требует активности от творца и направленности на потустороннее, открытости ему и сосредоточенности. При этом переход в иное не имеет четких правил и схем. Трансцендирование, осуществляемое разными путями, позволяет творцу «видеть, что бытие разное, всматриваться в него, встречать его таким, какое оно есть, и оно каждый раз

именно такое, какое оно есть», а задачей художника является «считывать его, собирать» [4, с. 271]. Взор творца особый, чуткий. Он сопряжен с интуицией и воображением, что позволяет видеть и слышать невидимое и неслышимое Другими. Как замечает В. В. Бибихин, «только человек видит, что бытие имеет два статуса, возможности и осуществленности» [4, с. 271]. Возможность бытия открывается творцу в трансцендировании, в пространстве которого избранные художником вероятности обладают потенциалом перехода в действительность.

Молчание на первоначальной стадии творческого процесса помогает художнику проникнуть в глубины бытия (в небытийное для Других) и постичь невыразимое. «Нет бытия, которое не было бы бытием некоего способа бытия и которого нельзя было бы уловить в этом способе бытия, обнаруживающем и в то же время прячущем его» [14, с. 54]. В молчании при трансцендировании творцу является идея/смысл/образ, что инициирует создание произведения искусства. Данный факт позволяет М. Михайловой определить молчание как «интуицию нечеловеческой пустоты», «онтологически предшествующее формообразованию состояние познающего духа, возможность рождения формы и условие ее существования» [11, с. 25, 87]. Испытывая озарение, художник мгновенно выхватывает в пространстве трансцендирования необходимый объект или его деталь, подвергая художественной обработке. Умение видеть, считывать и собирать материал служат началом изменений, инициирующих творение. Увиденное художником бытие при трансцендировании становится истоком изменений. За границей посюстороннего осуществляется познание как движение и «напряжение озарения окружающей нас “тьмы”, направленность на эту “тьму”», что «предполагает постоянное предстояние ее» [21, с. 31]. При этом предстояние становится отправной точкой, благо-

даря которой постепенно создается шедевр. Он есть результат определенной трансформации Ничто в Нечто как художественный мир, наполненный смыслом. И этого художественного мира произведения искусства до момента его создания не было в бытии.

Необходимо подчеркнуть, что молчание способствует энергичности творческого процесса. При трансцендировании индивид доходит до тех пространств, где «энергия сияет... “в инобытийной своей мощности”» и демонстрирует смысл бытийного посредством символов, за которыми «стоит бесконечный, уходящий в бесконечность ряд вещей» [4, с. 223, 231]. Символ как субстанциональное единство идеального и реального (А. Ф. Лосев) заряжен смыслом, что обеспечивает познавательное движение. Оно подводит личность к озарениям, но многое в символе остается недоступным для понимания. «Зримый образ “дан” в символе как указание на смысловую перспективу, даже как сама смысловая перспектива» [4, с. 235]. Но это только перспектива, далекая от исчерпывающего знания. Символ оставляет за собой шлейф непознанного и непостижимого. «Непостижимое заряжено энергией», и «неприступная энергия – неприступного – рассыпается в искрах символа, каждый символ несет в своей смысловой мощи энергию того неприступного» [4, с. 231].

Пережитый в молчании опыт трансформируется в творчестве. Данный процесс осуществляется следующим образом. Познанное из потаенности «как субъективного модуса небытия бытийного (в-себе-потаенность), осуществляя акт перехода из небытия бытийного в бытие небытийного (из-себя-потаенность), приходит к модусу бытия небытийного (вне-себя-потаенность)» [22, с. 482]. Художник при создании шедевра демонстрирует собственную активность, осуществляя характерные для творческого процесса метаморфозы. Через индивида проходит увиденная толь-

ко им полнота бытия, которую он пытается передать языком искусства. «Глубинный молчаливый опыт является источником и художественного, и философского письма», которое имеет трудности в передаче познанного [11, с. 95]. Дело в том, что трансцендирование и сопряженный с ним процесс познания убеждают творца в наличии красоты как совершенства, и ее адекватная передача посредством языка искусства есть одна из проблем творческого процесса. В результате поиска соответствующих приемов и средств выражения красоты мастер испытывает муки творчества.

Посредством творчества Николай Иванович Фешин транслировал миру Я и особенности своего бытия-в-мире. В художественном тексте молчание приобретает не только зримость, но и энергичность, проявляемую в том числе в ауре художественного произведения. Как справедливо заметил А. Блок, «душевный строй истинного поэта выражается всем, вплоть до знаков препинания» [5]. Удивительным образом художник в своих полотнах смог выразить невыразимое и визуализировать неопишемое, постигнутое в молчании. При этом его художественные творения демонстрируют истину, которая «не предъявлена в готовом виде, но указывает путь к ней» [11, с. 137], т. е. она выражена символично.

Одним из характерных технических приемов письма мастера, олицетворяющих молчание, можно назвать *нон-финито* / *non finito*, что в переводе с итальянского означает «неоконченное». Данное значение говорит о наличии в художественном произведении многоточия, что указывает на прерывание высказывания, а значит – молчание. *Нон-финито* метафорически можно назвать художественно-метафизическим многоточием Николая Ивановича, связанным с молчанием, экзистенциальным опытом и своеобразным укрытием потаенного от Других.

Обратим внимание на слово *неоконченное/незаконченное*. «Корневая морфема глагола *закончить* этимологически связана со словом *конец*, в семантике которого главное место имеет сема ‘предел, граница’; следовательно, глагол *закончить*, употребляясь с процессуальными существительными (*закончить игру, работу, заседание, дело, занятие*), означает, что некоторый процесс или некоторое событие, действие подошли к своей грани, к краю, к заключительной точке» [20, с. 12]. *Неоконченное/незаконченное* указывает на динамику, процессуальность и становление. «Значение лексемы *незаконченный* можно толковать как “не имеющий предела, четких границ, недооформленный по своей структуре, внешнему виду”» [20, с. 15]. Трактовка *неоконченного* выводит к следующим значениям: «коммуникативный провал», «семантика неопределенности, редуцированный (открытый) финал», «отсутствующая структура», «недосказанность, недоовоплощенность, невыраженность, скрытая потенциальность смысла, знаковое отсутствие, недоговоренность» [20, с. 3]. Перечисленное указывает на молчание и то, что за ним стоит.

Как мы считаем, применение Н. И. Фешиным приема *нон-финито* неслучайно и обусловлено его экзистенциальным опытом. Дело в том, что искусство витально, определяясь настроенностью художника к бытию-в-мире, бытию-с-собой, бытию-с-Другими. Как мы подчеркнули в наших рассуждениях, у Н. И. Фешина экзистенциалом бытия, особым жизненным принципом и формой духовного опыта стало молчание, переносимое им и на творчество. Выступая в качестве эмоционально-экспрессивного приема, *нон-финито* указывало на невозможность в полном объеме передать субъективную позицию автора и все его переживания по отношению к изображаемому. Фешинский «модус повествования с описания внешнего мира переключается на то, что происходит в душе говорящего» [20, с. 353], и в итоге

срывается от своей повышенной экспрессивности и состояния захваченности бытием-в-мире, бытием-с-собой и бытием-с-Другими в молчание. Автор, фиксируя красоту на полотне, словно не успевает справиться со своим потоком сознания и бушующими в нем эмоциями, что заставляет его перейти к своему характерному типу высказывания в виде молчания. Нон-финито играет роль многоточия, умиряющего внутреннее напряжение и беспокойство. Как отмечает Д. Г. Серяков, «“нон-финито” следует рассматривать как художественный прием, используемый автором для достижения особой (т. е. особого вида) выразительности произведения, при котором отдельные детали остаются намеренно незаконченными» [17].

Выраженное посредством нон-финито молчание «в силу своей инкорпорированности в текст... не только становится выразительным, но и достигает экстремума, стягивая в одной точке весь спектр возможных смыслов и резко увеличивая тем самым символическую емкость художественного произведения» [11, с. 88]. В нон-финито закодирован уникальный мир и опыт творца. В нем мы встречаем (бес)сознательные намеки на имевшее место в его бытии, в том числе его воображаемое/желаемое/недосказанное/потаенное. Как отмечает Т. А. Яковлева, «незаконченное произведение – есть не-до-произведенное произведение»: оно словно «остановилось между двумя мирами – миром потаенного и миром явленного» [23]. Неоконченное всегда содержит подтекст, скрытый смысл, а значит – тайну, требующую раскрытия. «Творение развернуто, как книга», «творец невидим и непознаваем, но нет творения без Творца, и о Творце говорит творение» [11, с. 96]. С полотна при внимательном взгляде на него можно считать невыразимое/потаенное/постигнутое художником и выявить особенности его характера и настроенности на бытие-в-мире.

Подчеркнем, многое из познанного оказывается непередаваемым на язык искусства, передаваясь в произведении искусства в виде многоточия. «Эстетический объект именно своей формальной напряженностью предлагает пройти сквозь форму», а «художественная форма ведет за свои пределы, указывая на тот сложный опыт целостного представления мира, ради которого она и существует» [11, с. 141]. Многое в бытии-в-мире, бытии-с-собой, бытии-с-Другими оказывается непостижимым и для творца, и для почитателей его искусства. Данный факт позволяет говорить о шедевре искусства как открытом произведении (У. Эко), содержащем в себе недоговоренность, что подразумевает неоконченность и многоточие.

Нон-финито у Н. И. Фешина выражено в беспредметной пустоте, неоконченных линиях и формах, растворяющихся в цветных пятнах. Так, беспредметная пустота фешинского полотна, существующая наряду с предметным изображением, создает эффект расширения пространства произведения искусства, что характерно для опыта трансцендирования в молчании. Художник словно размыкает границы полотна: он открывает большую панораму бытия-в-мире, имеющую предысторию и продолжение. «Линейное понимание времени и связанное с ним внимание, уделяемое моменту, ситуации, событию, влекут за собой понимание факта, что если уж последует что-то после этого момента, ситуации, события, то это будет другое событие и другая ситуация» [20, с. 75]. Понимание данного обстоятельства не предполагает точки в событийности, рождая неоконченное. Благодаря этому запечатленный Н. И. Фешиным фрагмент бытия обладает потенцией к разворачиванию в прошлое и будущее. Художник словно предлагает зрителям домыслить (молча, в тишине) историю запечатленного мгновения: что предшествовало изображенному на полотне и что было впоследствии.

Неоконченное рождает простор для интерпретации (как самим автором, так и зрителями). Многоточие в виде нон-финито создает эффект смысла в пустоте. Оно воздействует на эмоции, вызывая чувственные и нередко бессознательные реакции. Но разгадывание неоконченного возможно только через эмоциональный отклик, задействующий интуицию, воображение и бессознательное. Прерванное движение бытия на полотне играет роль приглашения автора зрителю, который должен домыслить отсутствующее. Как справедливо замечает Т. А. Яковлева, «незаконченное, прерванное произведение заботит, тревожит, побуждает к новому становлению и не дает истории искусства и творчества завершиться» [23].

Обсуждение и заключение

Следствием негативного (коматозного) опыта детства Н. И. Фешина стало молчание, а творчество выступило в качестве арт-терапии. Молчание олицетворяло для художника своеобразную духовную аскетическую практику и смирение перед бытием-в-мире, бытием-с-собой, бытием-с-Другими. Оно помогало пониманию себя, своих целей и желаний. Но одновременно молчание заставляло возвращаться к травматическим ситуациям детства (к болезни, травме брошенности родителями), их онтологическому и эмоциональному переживанию. Спасением выступало творчество. Молчание и тишина позволяли Николаю Ивановичу осуществить трансцендирование и экзистирование, благодаря чему мастер получал импульсы к творчеству. Выражая свое миропонимание и мирочувствование, Н. И. Фешин в произведениях искусства прибегал к приему нон-финито.

Между молчанием Н. И. Фешина и приемом нон-финито можно обнаружить определенные параллели. Молчание внешне представляло собой неговoreние, а нон-финито – незаконченность линий, форм, деталей, фона, создающих иллюзию рас-

творения в пространстве и ухода в молчание, тишину. Внутренне молчание связано с ведением диалогов с Я и трансцендированием, в чем обнаруживается исток творения, а нон-финито – с многозначностью содержания произведения искусства, что стало результатом трансцендирования.

Молчание и нон-финито взаимосвязаны: они иницируют довольно большой спектр возможностей для проявлений мастера и его художественного высказывания. Для Николая Ивановича молчание, связанное с паузой и отказом от вербального объяснения, представляло собой активную духовную практику погружения в себя и творческий процесс. В молчании и тишине художник, ведя непрерывный диалог с собой и осмысливая бытийное, осуществлял трансцендирование, идя за творческими импульсами и интуицией. В подобном состоянии сосредоточенности рождалось новое в виде произведения искусства. Фешинское молчание нередко демонстрировало и предел выразительности: многие аспекты экзистенциального опыта и сопряженные с ними чувства невозможно выразить словами, а молчание указывало на данные неуловимые элементы. Как мы отметили, нон-финито как прием представлял собой сознательный выбор художника. Благодаря ему Николай Иванович останавливал творческий процесс и делал свое произведение неоконченным. Шедевр словно содержал многоточие и замирал в молчании, оставаясь открытым и передавая динамику жизни с ее напряжением.

Безусловно, молчание как экзистенциал шире художественного приема нон-финито. Молчание может присутствовать не только в произведении искусства, но и в бытии человека, его экзистенциальных ситуациях: оно охватывает собой жизнь и творчество Н. И. Фешина. При этом молчание есть философская позиция Николая Ивановича по отношению к бытию-в-мире, бытию-с-собой, бытию-с-Другими. Молчание как экзистенциал служит основой для нон-финито. При-

ем нон-финито является одним из проявлений его молчания, касающийся творческого процесса и выраженный формально в художественном произведении. Иногда молчание художник мог выказать по привычке или спонтанно (например, в качестве реакции на ситуацию), а нон-финито представлял собой продуманный художественный ход в произведении искусства.

Молчание как экзистенциал фешинского бытия и нон-финито как фирменный прием художника представляли собой форму недосказанности, многоточия, не давая исчерпывающего ответа на метафизические вопросы и оставляя пространства тишины для ин-

дивидуальной интерпретации. Обе тактики пытались раскрыть невыразимое, трансцендентальное, недоступное вербальному выражению. К молчанию и нон-финито Николай Иванович прибегал осознанно, что позволяет говорить о наличии в них определенного смысла. Оба приема есть форма диалога не только мастера с самим собой, но и с потенциальным зрителем: это своеобразное приглашение к совместному осмыслению бытийного, нередко трудно выразимому словами и законченными формами. Данный факт актуализирует дальнейшее исследование фешинского творчества в контексте проблемы молчания.

Список источников

1. Анишакова Ю. Ю. Николай Фешин и американская администрация помощи. Материалы к биографии художника // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19, № 3-2. С. 287–293.
2. Архипов А. А., Жмурко А. С. Методика преподавания Н. И. Фешина // Искусство, культура, образование: цифровые стратегии, инструментарий, искусственный интеллект. М., 2024. С. 535–541.
3. Бибихин В. Мир // В. Бибихин. Мир. Язык философии. СПб., 2016. С. 5–140.
4. Бибихин В. В. Энергия. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 488 с.
5. Блок А. Судьба Аполлона Григорьева. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Судьба_Аполлона_Григорьева_\(Блок\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Судьба_Аполлона_Григорьева_(Блок)) (дата обращения: 30.01.2025).
6. Боровко А. А., Корнеева В. М. Фешины: Николай, Александра, Ия. СПб.: Невский ракурс, 2022. 208 с.
7. Гаврилин К. Н., Федорова Н. В. Аршил Горки и художники русской эмиграции в США в 1920–1930-е годы // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2024. Т. 24, № 1. С. 50–58.
8. Гагарин А. С. Экзистирование и трансцендирование: философские интерпретации // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 1. С. 9–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistirovanie-i-transtsendirovanie-filosofskie-interpretatsii> (дата обращения: 30.01.2025).
9. Демин Г. С., Великородных К. П. Графический портрет как средство формирования композиционных навыков у студентов педагогического вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2023. С. 163–165.
10. Зубкова Т. А. Урожай в искусстве как направление и средство в решении проблемы охраны и восстановления почв // Жизнь Земли. 2023. Т. 45, № 2. С. 252–259.
11. Михайлова М. Эстетика молчания. М.: Никея, 2011. 320 с.
12. Николай Иванович Фешин. Документы, письма, воспоминания о художнике / сост. Г. А. Могильникова. М.: Художник, 1975. 190 с.
13. Перевозкина Е. А., Бакиева О. А. Живописный портрет как средство развития эстетической эмпатии // Педагогический вестник. 2023. № 30. С. 80–82.
14. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2009. 925 с.
15. Сарчин Р. Ш. «Бегство» Фешина из Казани: к вопросу о причинах и обстоятельствах эмиграции художника // Инновационные процессы в национальной экономике и социально-гуманитарной сфере: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2018. Ч. 3. С. 10–14.

16. Сарчин Р. Ш. Голодал ли Фешин? (К вопросу о причинах и обстоятельствах эмиграции художника) // Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан. Казань, 2017. С. 96–98.
17. Серяков Д. Г. «Нон-финито» в творчестве Николая Ивановича Фешина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. С. 279–284. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/non-finito-v-tvorchestve-nikolaya-ivanovicha-feshina> (дата обращения: 30.01.2025).
18. Тулузакова Г. П. Николай Фешин. Натурный рисунок. Казань: Информа, 2009. 162 с.
19. Тулузакова Г. П. Николай Фешин. СПб.: Золотой век, 2007. 482 с.
20. Феномен незавершенного: моногр. / под общ. ред. Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 670 с.
21. Франк С. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. М.: АСТ, 2007. 506 с.
22. Яковлева Е. Л. Потаенность как небытие бытийного / бытие небытийного // Психология и Психотехника. 2015. № 5. С. 478–485.
23. Яковлева Т. А. Незаконченное произведение искусства как исследовательская проблема // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19, № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonchennoe-proizvedenie-iskusstva-kak-issledovatel'skaya-problema> (дата обращения: 30.01.2025).

References

1. Anshakova Yu. Y. Nikolay Feshin and the American Aid Administration. Materials for the biography of the artist. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj Akademii nauk* = Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2017; 19(3-2): 287–293. (In Russ.)
2. Arkhipov A. A., Zhmurko A. S. N. I. Feshin's teaching methods. *Iskusstvo, kul'tura, obrazovanie: cifrovye strategii, instrumentarij, iskusstvennyj intellekt* = Art, culture, education: digital strategies, tools, artificial intelligence. 2024: 535–541. (In Russ.)
3. Bibikhin V. Mir. In book: V. Bibikhin. Mir. The language of philosophy. St. Petersburg: ABC, 2016. P. 5-140. (In Russ.)
4. Bibikhin V. V. Energy. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2010. 488 p. (In Russ.)
5. Blok A. The fate of Apollon Grigoriev. Available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/fate_apollona_grigoryeva_\(Block\)](https://ru.wikisource.org/wiki/fate_apollona_grigoryeva_(Block)) (accessed 30.01.2025) (In Russ.)
6. Borovko A. A., Korneeva V. M. Feshins: Nikolai, Alexandra, Iya. St. Petersburg: Nevsky Perspective, 2022. 208 p. (In Russ.)
7. Gavrilin K. N., Fedorova N. V. Arshil Gorki and the artists of Russian emigration to the USA in the 1920s and 1930s. *Vestnik JuUrGU. Serija "Social'no-gumanitarnye nauki"* = Bulletin of the South Ural State University. The series "Social and humanitarian sciences". 2024; 24 (1): 50–58. (In Russ.)
8. Gagarin A. S. Existence and transcendence: philosophical. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija* = Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies. 2023; 1(38): 9–14. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistirovanie-i-transtsendirovanie-filosofskie-interpretatsii> (accessed 30.01.2025) (In Russ.)
9. Demin G. S., Velikorodnykh K. P. Graphic portrait as a means of forming compositional skills among students of a pedagogical university. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* = Problems of modern pedagogical education. 2023: 163–165. (In Russ.)
10. Zubkova T. A. Harvest in art as a direction and means in solving the—259. (In Russ.)
11. Mikhailova M. Aesthetics of silence. Moscow: Nikeya, 2011. 320 p. (In Russ.)
12. Nikolai Ivanovich Feshin. Documents, letters, memoirs about the artist / Comp. G. A. Mogilnikova. Moscow: Publishing house "The Artist", 1975. 190 p. (In Russ.)
13. Perevozkina E. A., Bakieva O. A. Pictorial portrait as a means of developing aesthetic empathy. *Pedagogicheskij vestnik* = Pedagogical Bulletin. 2023; 30: 80–82. (In Russ.)

14. Sartre J.- P. Being and nothing. The experience of phenomenological ontology. Moscow: AST, 2009. 925 p. (In Russ.)
15. Sarchin R. S. Feshin's "Flight" from Kazan: on the question of the causes and circumstances of the artist's emigration. In: *Innovacionnye processy v nacional'noj jekonomike i social'no-gumanitarnoj sfere* = Innovative processes in the national economy and the socio-humanitarian sphere: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. Belgorod: APNI, 2018; III: 10–14. (In Russ.)
16. Sarchin R. S. Did Feshin starve? (On the question of the causes and circumstances of the artist's emigration). In: *Gosudarstvennyj muzej izobrazitel'nyh iskusstv Respubliki Tatarstan* = The State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan. Kazan, 2017: 96–98. (In Russ.)
17. Seryakov D. G. "Non-finito" in the work of Nikolai Ivanovich Feshin. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* = Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. 2008: 279–284. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/non-finito-v-tvorchestve-nikolaya-ivanovicha-feshina> Cover from the screen. (accessed 30.01.2025) (In Russ.)
18. Tuluzakova G. P. Nikolay Feshin. Full-scale drawing. Kazan: Informa Publ., 2009. 162 p. (In Russ.)
19. Tuluzakova G. P. Nikolay Feshin. Saint Petersburg: Golden Age, 2007. 482 p. (In Russ.)
20. The phenomenon of the unfinished: a monograph / Under the general editorship of T. A. Snigireva and A. V. Podledenov. Ekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2019. 670 p. (In Russ.)
21. Frank S. The incomprehensible. An ontological introduction to the philosophy of religion. Moscow: AST, 2007. 506 p. (In Russ.)
22. Yakovleva E. L. Concealment as the non-existence of the existential/being of the non-existent. *Psihologija i Psihotehnika* = Psychology and Psychotechnics. 2015; 5: 478–485. (In Russ.)
23. Yakovleva T. A. An unfinished work of art as a research problem. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki* = Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences. 2019; 19(1). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonchennoe-proizvedenie-iskusstva-kak-issledovatel'skaya-problema> Cover from the screen. (accessed 30.01.2025) (In Russ.)

Поступила 10.02.2025.

Сведения об авторе

Яковлева Елена Людвиговна – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (Казань, Россия). Сфера научных интересов – философия культуры и искусства. Автор более 400 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4940-604X>; eLibrary SPIN 3784-8642.

E-mail: mifoigra@mail.ru

Submitted 10.02.2025.

About the author

Elena L. Iakovleva – Doctor of Philosophy Sciences, Candidate of Culturology, Associate Professor, Professor Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia). Research interests: philosophy of culture and art. The author has more than 400 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4940-604X>; eLibrary SPIN 3784-8642.

E-mail: mifoigra@mail.ru

В. П. Изергина¹, Н. И. Изергина²^{1, 2} *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)*¹ *e-mail: vera.ivp@yandex.ru*² *e-mail: ninaini@yandex.ru*

Формы рабства и возможности освобождения: философия Н. А. Бердяева в свете вызовов информационной эпохи

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу основных форм рабства человека в персоналистической философии Н. А. Бердяева (1874–1948) в свете современных цивилизационных вызовов.

Материалы и методы. Методологической основой проведения данного исследования стал знаменитый труд Н. А. Бердяева «О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии)». Методами, послужившими раскрытию актуального содержания взглядов русского мыслителя на проблему рабства, стали методы реконструкции, реактуализации, интеркультурности. Рассмотрение современного научного дискурса по обозначенной теме осуществлено на базе методов анализа и синтеза.

Результаты исследования. Выполнена реконструкция взглядов философа на сущность и формы рабства в контексте современных цивилизационных процессов. Дана содержательная характеристика рабства человека, по Н. А. Бердяеву, у бытия, природы, общества, цивилизации и культурных ценностей, «самого себя» (индивидуализма) и возможных путей освобождения от него. Актуализировано методологическое значение религиозно-философских идей Н. А. Бердяева, которые востребованы философией в настоящее время для осмысления современных состояний рабства и его первопричин, взаимосвязи рабства и свободы. Показано значение бердяевской трактовки рабства для сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных российских ценностей в свете интеркультурного подхода к философии как «форме национально-самобытного мышления».

Обсуждение и заключение. Изыскание показало, что религиозно-философские идеи Н. А. Бердяева о рабстве и свободе дают возможность изучать современные проявления данных феноменов. В нынешних условиях все более энергичного наступления материальной и технической цивилизации, столкновения ценностей различных цивилизаций методологически значима мысль философа о том, что любое рабство происходит из материальности, объектности, овеществленности, механической общности. Свобода же субъективна, духовна и проявляется через творчество. Освобождение человека (индивида) означает становление духовной личности, способной противостоять поработочающим факторам объективного материального мира. Бердяевский подход к освобождению от разных форм рабства именно на путях соединения человеческого и божественного духа имеет актуальное методологическое значение для осмысления и преодоления разнообразных зависимостей человека в современную информационную эпоху.

Ключевые слова: рабство, свобода, личность, Н. А. Бердяев, экзистенциализм, философия, информационная эпоха.

Для цитирования: Изергина В. П., Изергина Н. И. Формы рабства и возможности освобождения: философия Н. А. Бердяева в свете вызовов информационной эпохи // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 3. С. 263–272. DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.263-272.

© Изергина В. П., Изергина Н. И., 2025

Forms of Slavery and Possibilities of Liberation: N. A. Berdyaev's Philosophy in the Light of the Challenges of the Information age

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of the main forms of human slavery in the personalistic philosophy of N. A. Berdyaev (1874–1948) in the light of modern civilizational challenges.

Materials and Methods. The methodological basis of this research was the famous work of N. A. Berdyaev “On slavery and human freedom (The experience of personalistic philosophy)”. The methods of reconstruction, reactualization, and interculturalism became the methods that served to reveal the actual content of the views of the Russian thinker on the problem of slavery. The consideration of the modern scientific discourse on the designated topic is carried out on the basis of methods of analysis and synthesis.

Results. The author reconstructs the philosopher's views on the essence and forms of slavery in the context of modern civilizational processes. A meaningful description of human slavery is given, according to N. A. Berdyaev, in being, nature, society, civilization and cultural values, “oneself” (individualism) and possible ways of liberation from it. The methodological significance of Berdyaev's religious and philosophical ideas, which are currently in demand by philosophy for understanding modern conditions of slavery and its root causes, the relationship between slavery and freedom, is actualized. The author shows the importance of Berdyaev's interpretation of slavery for the preservation and strengthening of traditional spiritual and moral Russian values in the light of the intercultural approach to philosophy as a “form of national and original thinking”.

Discussion and Conclusion. The research has shown that Berdyaev's religious and philosophical ideas about slavery and freedom make it possible to study the modern manifestations of these phenomena. In the current conditions of an increasingly energetic offensive of material and technical civilization, the clash of values of different civilizations, the philosopher's thought is methodologically significant that any slavery stems from materiality, objectification, materialization, and mechanical community. Freedom is subjective, spiritual, and manifests itself through creativity. The liberation of a person (individual) means the formation of a spiritual personality capable of resisting the enslaving factors of the objective material world. Berdyaev's approach to liberation from various forms of slavery is based on the ways of connecting the human and divine spirit, which has urgent methodological significance for understanding and overcoming various human addictions in the modern information age.

Keywords: slavery, freedom, personality, N. A. Berdyaev, existentialism, philosophy, the information era.

For citation: Izergina V. P., Izergina N. I. Forms of Slavery and Possibilities of Liberation: N. A. Berdyaev's Philosophy in the Light of the Challenges of the Information age. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(3): 263–272. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.263-272.

Введение

Внимание к религиозно-консервативной философии Николая Александровича Бердяева не ослабевает. Это определяется потребностями непредвзятого анализа развития современных обществ в ситуации

все более усиливающегося вторжения в них материальной и технической цивилизации, что угрожает наступлением хаоса, разрушением культуры, возникновением разнообразных форм современного рабства.

Сегодня актуализируется взгляд философа на происходящее, прежде всего как на истинное и ложное, а не только как на прогрессивное и реакционное в плане формирования свободной человеческой личности. Ведь научно-технический прогресс создает условия не только для расширения, но и для ограничения свободы человека в современном мире [7].

Поэтому интерес к сущности рабства и современным формам зависимости человека представляется вполне оправданным. Тем более, свобода как фундаментальная ценность в настоящее время находится в центре столкновения разных цивилизаций. Для уяснения того, как быть свободным в современном обществе, необходимо понимание, что нас поработажает и каковы возможности освобождения. Этому пониманию, безусловно, содействует актуализация наследия русской религиозной философии, одним из выдающихся представителей которой является Н. А. Бердяев, рассматривавший проблему свободы во взаимосвязи с проблемой рабства.

Цель настоящего исследования – рассмотреть взгляд «философа свободы» Н. А. Бердяева на природу и формы рабства в свете вызовов информационной эпохи.

Материалы и методы

Методологической основой проведения данного исследования стал знаменитый труд Н. А. Бердяева «О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии)». Методами, послужившими раскрытию актуального содержания взглядов русского мыслителя на проблему рабства, стали методы реконструкции, реактуализации, интеркультурности. Рассмотрение современного научного дискурса по обозначенной теме осуществлено на базе методов анализа и синтеза.

Результаты исследования

В современном научном дискурсе интерес к личности и философии Н. А. Бердяева

не ослабевает. В 2023 г. вышла книга «Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы», позволяющая анализировать теоретическое содержание философии прошлого в более широком историческом контексте [11]. В частности, рассматривается отношение Н. А. Бердяева к такой важной для стратегического развития современной России проблеме, как духовное возрождение, а его философия характеризуется Т. Г. Щедриной в качестве «светлого персонализма» [Цит. по: 12, с. 137].

Думается, что «свет» бердяевского персонализма проявляется в религиозном мироощущении, помогающем личности преодолеть одиночество; в творчестве, составляющем смысл ее жизни, для созидания Красоты; в коммюнитарности, предполагающей свободное общение личности с Богом для ее полного раскрытия; в первенстве для личности духовных преобразований перед социальными; в потребности понимания духовной направленности общественного развития [7].

В современном научном дискурсе к творчеству экзистенциалиста и персоналиста Н. А. Бердяева чаще всего обращаются при анализе темы свободы, часто сопоставляя бердяевский взгляд и взгляды других философов, обращающихся к данной проблеме.

И. В. Гребышев, сравнив экзистенциальный смысл свободы в понимании Н. А. Бердяева и ряда других философов, отмечает, что оригинальность персонализма Николая Александровича состоит в «утверждении трагизма личностного бытия», в силу чего человек часто отрекается от своей свободы «во имя единства: с Богом, с другими людьми, с обществом», перестает быть личностью и выбирает путь рабства, предполагающий «существование в мире вещей как его элемент и функция» [6, с. 108, 109].

В сопоставительном ключе с концепцией Якоба Бёме анализирует трансцендент-

ную свободу в философии Н. А. Бердяева исследователь К. Ю. Казаченко, доказывая оригинальность бердяевских идей. Он акцентирует внимание на трактовке двух типов свободы у русского мыслителя: первобытная мeonическая свобода, Ungrund, неподвластная Богу, и просветленная, актуально сверхбожественная свобода. Перед человеком стоит задача именно просветления трансцендентной свободы [8, с. 111, 112].

Прояснению диалектики свободы и рабства служит работа священника Сергея Постнова, который сравнивает взгляды философа с традиционным христианским учением. Указывая на «отпадение от христианства» у Н. А. Бердяева в ряде вопросов, например в понимании свободы, как не дарованной Богом, он заявляет, «что бердяевский поиск христианско-экзистенциального богообщения... может послужить новым основанием для входа в Православную Церковь людей вне- или околоцерковного образа мышления» [14, с. 206, 207].

О злободневности рассматриваемой проблематики свидетельствует разносторонний интерес к современным проявлениям не-свободы человека. Часто рабство изучается как юридическая проблема; также исследованием этого феномена занимаются психологи, социологи и философы. Среди форм современного рабства выделяют «трудовое, долговое, рабство по контракту, физическое, военное, призывное, пенитенциарное, религиозное, сексуальное» [10, с. 62]. Отмечается, что современное рабство – это не только физическое рабство, но и «рабство совершенно иного толка, первопричинами которого становятся такие факторы, как ноогенный невроз, экзистенциальный вакуум, дегуманизация общества, насаждение гедонизма, манипуляция сознанием личности через СМИ и др.» [15, с. 108].

Салих А. Х. А. С. пишет о формировании современной формы раба – «сверхра-

ба», как противоположности сверхчеловека у Ф. Ницше [15, с. 108, 109]. Для «сверхраба» рабское состояние становится приемлемым и воспринимается положительно. «Сверхрабы» не осознают и не желают осознавать своей уникальности и растворяются в толпе. Они ставят себя «сверх свободы» [15, с. 110].

Многие исследования посвящены обсуждению вероятных вызовов, перед которыми может оказаться человечество при наделении сознанием систем искусственного интеллекта [9, с. 38]. Отмечаются угроза постепенной утраты современным человеком «практически всех своих компетенций» в связи с созданием искусственного интеллекта в эпоху цифровизации [5, с. 41]; «девиация когнитивных и коммуникативных практик, утрата навыка и глубины рефлексии и эмпатии» [2, с. 33]; превращение человека в цифровом пространстве «лишь в цифровую функцию для использования в рамках маркетинга» [1, с. 37]; «риски, связанные с использованием искусственного интеллекта в научном познании» [13, с. 160].

В связи с указанными угрозами и вызовами цифровой эпохи, создающими потенциальные и злободневные формы зависимости современного человека, важно проанализировать философские подходы к рабству и различным его формам «философа свободы» Н. А. Бердяева.

Первичное рабство человека [3, с. 66], согласно мыслителю, есть рабство у бытия как абстрактного понятия, разработанного философами, в то время как необходимо «стремиться к конкретной реальности, к существующему» [3, с. 64]. Порабощение человека происходит в материальном мире, который «есть царство общего», где существуют необходимость, общеобязательные законы и принуждение. Источник рабства человека заключается в убежденности, что материальное бытие определяет человека:

«Онтология может быть порабощением человека» [3, с. 65].

Однако свободу, доказывает философ, можно обрести в духовном мире, который есть индивидуальность, неповторимость и единичность. Индивидуальность понимается в духовном смысле: «Дух не есть объект, не есть природа, не есть бытие, дух есть субъект, есть акт, есть свобода» [3, с. 65]. Возможность освобождения человека связывается Н. А. Бердяевым с осознанием себя как индивидуальности, как личности, ибо «личность первичнее бытия». К свободе ведет понимание «основ мировой и социальной жизни» как изменяемых с помощью творческой активности человека [3, с. 66]. Другими словами, освобождение от рабства бытия пролегает через способность личности изменять его.

Еще одну форму рабства, рабства у Бога, русский мыслитель анализирует, исходя из утверждения о персоналистическом характере христианства. По Н. А. Бердяеву, личность способна к воссоединению и общению с Богом как с другой личностью, а не как с всеединством, «отвлеченным бытием». Идея единства порабощает человека. Бог не создал определенный миропорядок, а сотворил личность, обладающую свободой изменять окружающий мир своим творчеством [3, с. 69, 70].

Философ вводит понятие «объективированный Бог» как образ Бога, созданный людьми, отчужденный от человека и господствующий над людьми, которые рабски поклоняются Ему. Человек стал рабом Бога, потому что люди перенесли на Его образ отношения господства и подчинения, имеющиеся в обществе. Вместе с тем, полагает мыслитель, к Богу нельзя применять «человеческую категорию господства», ибо Ему не нужно рабское поклонение, Он не стремится к власти. Человек может приобщиться к Богу как к свободе, духу, который не порабощает, а освобождает. Поработить же могут учения людей о Боге [3, с. 71].

Взаимоотношения человека и Бога, по представлению Н. А. Бердяева, отличают следующие моменты. Бог ожидает от человека «ответной любви» и «творческого ответа», при этом Он сочувствует людям и страдает вместе с ними. Поскольку главное свойство Бога – это человечность, любовь, жертвенность, постольку Бог – это «смысл человеческого существования», «борьба против объективированного миропорядка», против зла и несправедливости в мире. Бог не участвует в злодеяниях человечества; «нужно признать самостоятельность человека, не сотворенную в нем свободу, не детерминированную Богом, его способность к творчеству» [3, с. 72, 73, 75–77]. Церковь как социальный институт при неправильном понимании Бога также может стать источником рабства человека, указывает мыслитель [3 с. 79].

Н. А. Бердяев выделяет и убедительно раскрывает рабство человека у природы. Природа, как «мир объективации», противоположна свободе, как духовному и субъективному миру. Природа принуждает людей подчиняться своим законам, детерминирует жизнь человека, который безличен для природы. Человеческая цивилизация в течение всей своей истории вела борьбу против сил природы, пытаясь защититься от опасностей «стихийной природы» и использовать ее для своих нужд. С другой стороны, отмечает мыслитель, человек склонен уставать от «удушающей его технической цивилизации» и снова стремиться к природе. Таким образом, рабство у природы не ослабевает в любом случае [3, с. 79, 80].

Философ признает, что в личности человека есть природные основы, но «личное в человеке иного происхождения и качества и всегда означает разрыв с природной необходимостью» [3, с. 81]. Личность – это не составная часть природы, а особый «микрокосм», хранящий в себе образ Бога. Личность неподвластна причинным связям природы [3, с. 81].

Порабощение есть материализация и объективация, «овеществление существования», когда исчезает личностное, духовное начало. Освобождение подобно «одухотворению», возможному при условии возвращения к «внутреннему существованию, к субъектности, к личности, к свободе, к духу» [3, с. 82].

Менее очевидной формой рабства человека у природы Н. А. Бердяев считает космическое прельщение, которое может казаться духовным явлением [3, с. 82]. «Космическое прельщение» связано с особым пониманием космоса как мировой, божественной гармонии и порядка. Оно означает веру в существование души мира и стремление слияния с ней. Н. А. Бердяев выделяет следующие формы «космического прельщения»: «эротико-сексуальное (Розанов, Лавренс), национально-народное (мистика народничества), теллургическое прельщение земли и прельщение крови, расы, родовой жизни (возврат к земле, расизм), прельщение коллективно-социальное (мистика коллективизма, коммунизм)», а также дионисизм («путь богозвериности, минуя человеческое») [3, с. 83].

Основой критики «космического прельщения» служит утверждение, что «целое находится в духе, а не в природе» [3, с. 84]. Значит, обращаться следует не к безличной мировой душе, а к Богу, страдающему вместе с людьми. «Слияние с космической жизнью не освобождает личность, а растворяет и уничтожает ее» [3, с. 86], приводит к утрате свободы и духовной независимости человека от общества и природы. Оптимальной конфигурацией взаимодействия человека с природой является «эстетическое созерцание», понимаемое мыслителем как творческая активность личности, любовь и забота о природе [3, с. 85, 86].

Рабство человека у общества имеет самое большое значение, согласно русскому мыслителю. Условием данной разновидно-

сти рабства, доказывает он, в общественной идеологии является первенство общества и государства, а не человеческой личности [3, с. 87]. Зависимость от общества люди создают себе сами через социальные мифы и символы [3, с. 97, 99]. Методологическим принципом освобождения от данного рабства является бердяевское понимание личности не как части общества, но, напротив, общества и государства как «составной части личности», которая есть «микрокосм и микротеос» [3, с. 88–91]. В связи с этим освобождение осмысливается через достижение духовной, а не механической общности. Победа над зависимостью человека от общества представляет собой духовный акт, а потому формально освобожденные рабы могут внутренне оставаться рабами. Освобождающая революция, по Н. А. Бердяеву, заключается в том, чтобы перестать рассматривать целое как высшую ценность, а понять, что «порядок целого нужен... для личностей» и человеческий интерес выше интереса общественного [3, с. 95]. Главное в рассуждениях философа об этом вопросе сводится к обоснованию возможности достижения внутренней свободы от общества [3, с. 99].

Другой стороной рабства у общества является рабство у цивилизации, потому что ее развитие обеспечивалось эксплуатацией и угнетением огромных масс людей и потому что «она есть также объективация человеческого существования» [3, с. 100]. Живя в цивилизации, необходимо подчиняться множеству правил и условностей и жить больше внешней жизнью, чем внутренней. Происходит «объективация» и «экстериоризация» человеческого существования. Цивилизация, согласно Н. А. Бердяеву, есть промежуточное состояние между «царством природы» и «царством свободы». Задача перехода от цивилизации к свободе, «от разделяющей множественности мира цивилизации... к целостности и единству божественной жизни», видится мыслите-

лем в противостоянии цивилизации «духовного человека» [3, с. 100, 101].

Критический анализ технической цивилизации, обезличивающей и разрушающей культуру, позволил философу обнаружить рабство у культурных продуктов и ценностей. В качестве причин данного процесса им называются «активное вторжение огромных масс в историю и культуру, которая всегда была аристократической по своему принципу» [3, с. 102] и угасание «творческого акта». В этих условиях в обществе появляется изолированная культурная элита, «которая делается более потребительской, чем творческой», отрываясь от реальной жизни, и люди довольствуются уже созданными культурными ценностями, становясь их рабами. Отсюда возникает поклонение человека искусству, науке и культуре, словно идолам [3, с. 106, 109]. Возможным освобождением от рабства у культуры может быть «соединение созерцания и активности» [3, с. 110].

Как об опасной форме рабства философ пишет о рабстве аристократизма, усиливающим социальное неравенство. Одни люди начинают считать себя лучше других по причине принадлежности к аристократическому роду, к высшему слою общества. Н. А. Бердяев же считает, что все лучшее человеку дается от Бога, а «не от рода и не от собственности» [3, с. 144–145]. Важно отметить, что мыслитель не отрицает личного духовного аристократизма.

Рабство эстетическое, утверждает Н. А. Бердяев, угрожает человеку впадением в состояние пассивности, меняя главный смысл его жизни на созерцание созданных кем-то произведений искусства. При этом у эстета ослабляется чувство реальности, он начинает жить «эстетическими иллюзиями», а не разумом. Выход из такого рабства философу представляется в поиске истины, проявлении человеком духовной активности, а не просто в отражении в сознании объекта своего эстетического поклонения [3, с. 197, 198].

Интересны и актуальны рассуждения русского мыслителя о рабстве человека у самого себя, на которое люди соглашаются добровольно. Он исходит из того, что рабом человека делает внешний «объективированный» мир, но этот мир создан самим человеком. Людьми созданы различные идолы для поклонения. Поэтому борьбу с рабским состоянием философ сводит к внутренней духовной борьбе каждого человека. Данный тезис обосновывается пониманием рабства как «структуры сознания» и нахождением источника рабства внутри человека, в его душе, в его психике [3, с. 110]. «Человек – раб окружающего внешнего мира, потому что он раб самого себя, своего эгоцентризма», – утверждает Н. А. Бердяев [3, с. 111]. Рабство у самого себя проявляется через биологические потребности и ограничения, идеологические убеждения, «высшие ценности». Примером может служить фанатизм.

Преодоление рабства у самого себя требует от человека совершенствоваться как личность, быть цельным с единым духовным центром, не раздробленным на «интеллектуальные, эмоциональные, чувственные элементы». Для Н. А. Бердяева человек – это микрокосм, единство духовного, душевного и телесного составляющих [3, с. 113]. Рабство человека у самого себя предполагает эгоцентризм (индивидуализм), альтернативой которому служат персонализм и коммюнитарность как «братские отношения между людьми» [3, с. 115].

Рабство человека у государства рассматривается мыслителем в контексте зависимости государства и личности друг от друга. Немаловажно, что для него высшей ценностью является личность, а не государство. В качестве способов порабощения личности государством указываются страх, террор, бюрократия. При этом в тоталитарном государстве, по Н. А. Бердяеву, рабами являются как народ, так и вождь государства [3, с. 126–129].

Человек может стать рабом у войны, потому что она, согласно мыслителю, близка «коллективному гипнозу». Во время войны люди из личностей превращаются в объекты, в составные части иерархической структуры военного порядка [3, с. 130–136].

Н. А. Бердяев пишет о существовании рабства человека у пола и у семьи. Они связаны с природными влечениями, а также с тиранией и угнетением человека как личности в различных формах семьи. Минимизировать порабощение личности в семье философ предлагает через «приближение семьи к типу братства» [3, с. 193].

Рабство у смерти определяется страхом человека перед ней. Чтобы победить этот страх и освободиться от этого рабства, настаивает Н. А. Бердяев, человек должен реализовать себя как личность, так как «личность не умирает», не умирает как «духовное существо». Освобождение от рабства смерти мыслится как «совместное творчество человека и Бога» [3, с. 208–210], ведь Бог «обращен к свободе человека», без Него «нет победы над смертью, нет вечной жизни» [4].

Обсуждение и заключение

Итак, в философском анализе Н. А. Бердяева выявлены и содержательно охарактеризованы разнообразные формы рабства человека в объективном мире: рабство у бытия, религиозных учений, природы, общества, государства, цивилизации, войны, культурных ценностей, а также такие возможные формы рабства, как рабство аристократизма, эстетическое, человека у самого себя, у пола и у семьи, у смерти.

Все эти формы рабства объединяет, то, что любое рабство – это рабство у объективности [3, с. 82].

Всесторонний анализ проблемы рабства и его различных форм осуществлен мыслителем в связи с обоснованием возможного

избавления от них на путях духовного освобождения человека.

Этот путь непростой, потому что «свобода трудная вещь» [3, с. 205]. Первым шагом на пути преодоления рабства является стремление и любовь к свободе. Философ подчеркивает, что именно духовное начало в человеке требует свободы, стремится к ней и борется за нее. Для обретения свободы, доказывает мыслитель, человеку нужно стать целостной личностью, так как свобода проистекает от внутреннего состояния человека, а не дается кем-то извне.

Религиозное понимание свободы, предполагающее не просто отсутствие угнетения и принуждения, но «существование истины, смысла, Бога», приводит философа к выводу об окончательном освобождении от рабства у материального мира «только через связь духа человеческого с духом Божиим» [3, с. 206, 211].

Рабское поклонение чему-либо проистекает из забвения человеком своей внутренней субъективной творческой силы, с помощью которой можно стать свободной личностью, способной преобразовывать мир вокруг себя. Именно становление такой личности, по Н. А. Бердяеву, определяет путь к свободе. Свободная личность способна к подлинному общению с Богом и к совместному творчеству на благо человечества: «Если нет Бога... то человек целиком подчинен необходимости или природе, космосу или обществу, государству... то все лишено смысла... Бог есть полнота, к которой не может не стремиться человек» [4].

Подытоживая, отметим, что бердяевский подход к освобождению от разных форм рабства именно на путях соединения человеческого и божественного духа имеет актуальное методологическое значение для осмысления и преодоления разнообразных зависимостей человека в современную информационную эпоху.

Список источников

1. Анисимов В. А. Цифровой капитализм: к проблеме потребления медиакультуры в XXI в. // Вопросы философии. 2024. № 1. С. 37–46.
2. Асеева И. А. Кривое зеркало цифровизации // Вопросы философии. 2024. № 2. С. 25–33.
3. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе. URL: http://odinblago.ru/o_rabstve_i_svbode/glava_1 (дата обращения: 05.04.2025).
4. Бердяев Н. А. Судьба России. Гл. 1. Человек и бог. Духовность. URL: https://kartaslov.ru/русская-классика/Бердяев_Н_А/Судьба_России/96 (дата обращения: 05.04.2025).
5. Буданов В. Г. О типологии деятельностной рациональности в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2024. № 12. С. 41–51.
6. Гребешев И. В. Экзистенциальный смысл свободы в творчестве Н. А. Бердяева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. 14, № 3. С. 105–109.
7. Изергина В. П., Изергина Н. И. Актуализация религиозно-философского понимания личности (к 150-летию со дня рождения Н. А. Бердяева) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2024. Т. 24, № 4. С. 385–395.
8. Казаченко К. Ю. К вопросу о трансцендентной свободе в философии Н. А. Бердяева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 110–121.
9. Канаев И. А., Дряева Э. Д. Искусственный интеллект: перспективы возникновения сознания // Вопросы философии. 2024. № 11. С. 38–50.
10. Линькова О. М. Сущность современного рабства // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 2. С. 62–67.
11. Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М.: Полит. энцикл., 2023. 303 с.
12. Павлов И. И. Эпистолярный архив Н. А. Бердяева: личность философа в интеллектуальной истории (размышление над книгой) // Вопросы философии. 2024. № 4. С. 137–147.
13. Пирожкова С. В. Влияние цифровизации на практики научного предвидения: основные эффекты и риски // Вопросы философии. 2024. № 5. С. 160–170.
14. Постнов С. К вопросу об экзистенциальной свободе в религиозной философии Н. А. Бердяева: гностицизм или христианство // Межрегиональные Пименовские чтения. 2019. № 16. С. 202–207.
15. Салих Аумед Хама Али Салих. Сверххраб как феномен современного общества // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. № 4. С. 107–111.

References

1. Anisimov V. A. Digital capitalism: towards the problem of media culture consumption in the 21st century. *Voprosy filosofii* = Questions of philosophy. 2024; 1: 37–46. (In Russ.)
2. Aseeva I. A. The crooked mirror of digitalization. *Voprosy filosofii* = Questions of Philosophy. 2024; 2 : 25–33. (In Russ.)
3. Berdyaev N. A. About slavery and freedom. URL: http://odinblago.ru/o_rabstve_i_svbode/glava_1 (In Russ.) (date of request: 04.05.2025).
4. Berdyaev N. A. The Fate of Russia. Chapter 1. Man and God. Spirituality. URL: https://kartaslov.ru/русская-классика/Бердяев_Н_А/Судьба_России/96 (In Russ.) (date of request: 04.05.2025).
5. Budanov V. G. On the typology of activity rationality in the digital age. *Voprosy filosofii* = Questions of Philosophy. 2024; 12: 41–51. (In Russ.)
6. Grebeshev I. V. The existential meaning of freedom in the work of N. A. Berdyaev. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* = Social and humanitarian sciences in the Far East. 2017; Vol. 14, 3: 105–109. (In Russ.)
7. Izergina V. P., Izergina N. I. Actualization of the religious and philosophical understanding of personality (on the occasion of the 150th anniversary of the birth of N. A. Berdyaev). *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya* = Humanities: current problems of humanities and education. 2024; Vol. 24, 4. 385–395. (In Russ.)

8. *Kazachenko K. Y.* On the question of transcendental freedom in the philosophy of N. A. Berdyaev. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* = Proceedings of Tula State University. Humanities. 2019; 2: 110–121. (In Russ.)
9. *Kanaev I. A., Dryaeva E. D.* Artificial intelligence: prospects for the emergence of consciousness. *Voprosy filosofii* = Questions of Philosophy. 2024; 11: 38–50. (In Russ.)
10. *Linkova O. M.* The essence of modern slavery. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* = Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2010; 2: 62–67. (In Russ.)
11. Nikolai Berdyaev: an epistolary conversation. Archival materials / Ed. by T. G. Shchedrin, Moscow: Political Encyclopedia, 2023, 303 p. (In Russ.)
12. *Pavlov I. I.* The epistolary archive of N. A. Berdyaev: the personality of a philosopher in intellectual history (reflection on the book). *Voprosy filosofii* = Questions of Philosophy. 2024; 4: 137–147. (In Russ.)
13. *Pirozhkova S. V.* The impact of digitalization on the practice of scientific foresight: main effects and risks. *Voprosy filosofii* = Questions of philosophy. 2024; 5: 160–170. (In Russ.)
14. *Postnov S.* On the issue of existential freedom in the religious philosophy of N. A. Berdyaev: Gnosticism or Christianity. *Mezhregional'nye Pimenovskie chteniya* = Interregional Pimenov readings. 2019; 16: 202–207. (In Russ.)
15. *Saleh A. K. A. S.* Super slave as a phenomenon of modern society. *Medicina. Sociologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya* = Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2021; 4: 107–111. (In Russ.)

Поступила 16.04.2025.

Сведения об авторах

Изергина Вера Павловна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Область научных интересов: философия и теория политики, история и методология политической науки. Автор около 50 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5142-7018>.

E-mail: vera.ivp@yandex.ru

Изергина Нина Ивановна – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Область научных интересов: философия и теория политики, история и методология политической науки. Автор более 170 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7133-8469>.

E-mail: ninaini@yandex.ru

Submitted 16.04.2025.

About the authors

Vera P. Izergina – Cand. Sci. (Political Studies), Senior Lecturer of the Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: philosophy and theory of politics, history and methodology of political science. Author of about 50 scientific and educational works. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5142-7018>.

E-mail: vera.ivp@yandex.ru

Nina I. Izergina – Doc. Sci. (Political Studies), Professor, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: philosophy and theory of politics, history and methodology of political science. The author of more than 170 scientific and educational works. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7133-8469>.

E-mail: ninaini@yandex.ru

Социально-философский анализ символических репрезентаций роли женщины в конце XIX в.: Офелия и Саломея

Аннотация

Введение. В статье предложены архетипы Офелии и Саломеи как символические конструкции восприятия женщин в общественном сознании на рубеже XIX–XX вв. Данные анти-тетические архетипы – образы покорной и опасной женщины – служили инструментами культурного контроля и нормализации гендерных ролей. Сегодня их значение продолжает быть актуальным для восприятия женственности в современном обществе. Цель статьи – проанализировать, как эти архетипы, укорененные в культурных и художественных традициях конца XIX и начала XX в., выполняют роль инструментов гендерной субъективации в патриархальном дискурсе. Прослеживая их философское и социально-политическое влияние, статья стремится выявить, как эти архетипы способствуют исключению женщин из полной субъективности.

Материалы и методы включают синтез, индукцию, дедукцию и сравнительный анализ архетипов Офелии и Саломеи через призму социальной и политической философии. В качестве теоретической основы статьи использованы работы М. Фуко, Д. Батлер, Ж. Лакана, Л. Малви, С. де Бовуар и других мыслителей, а также современная академическая литература по философским, феминистским и культурным исследованиям.

Результаты исследования показывают, что Офелия и Саломея служат противоположными полюсами в патриархальном символическом порядке: одна представляет идеализированное подчинение, другая – опасную автономию. Несмотря на их противоположность, оба архетипа в итоге отрицают истинную субъектность женщин, усиливая бинарные культурные коды, которые регулируют гендерные нормы и социальные роли.

Обсуждение и заключение. Статья подчеркивает необходимость деконструкции этих унаследованных нарративов и переоценки женской субъективности за пределами дихотомии слабости и угрозы. Феминистская критика и культурное переосмысление предлагаются в качестве возможных стратегий сопротивления, допускающих новые способы репрезентации, которые выходят за рамки архетипических ограничений. Предлагаемые положения и выводы формируют базу для дальнейшего изучения и создания системы женских архетипов для периода от начала XX в. и до наших дней.

Ключевые слова: архетипы, женственность, гендерные роли, социальные роли, культурные коды, субъективация, патриархальный порядок, социальный контроль.

Для цитирования: Дроздова А. А. Социально-философский анализ символических репрезентаций роли женщины в конце XIX в.: Офелия и Саломея // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 3. С. 273–283. DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.273-283.

Благодарности: Автор благодарит доктора исторических наук А. А. Макушева за его помощь и участие в обсуждении результатов исследования.

Socio-Philosophical Analysis of Symbolic Representations of Women's Roles at the Turn of the XIX Century: "Ophelia" and "Salome"

Abstract

Introduction. The article suggests the archetypes of "Ophelia" and "Salome" as symbolic constructions of women's perception in the social consciousness at the turn on the XIX century. These antithetical archetypes – images of a submissive and a dangerous woman – served as the instruments of cultural control and normalization of gender roles. Today, they continue to determine the perception of the femininity in the contemporary society. The purpose of the article is to analyze how these archetypes, rooted in the cultural and artistic traditions of the turn of the XIX century, function as the instruments of gender subjectification in the patriarchal discourse. By observing their philosophical and socio-political influence, the article aims to reveal how these archetypes exclude women from full subjectivity.

Materials and Methods include synthesis, induction, deduction and the comparative analysis of the archetypes of "Ophelia" and "Salome" through the lens of social and political philosophy. The theoretical foundations of the article employ the works by Michel Foucault, Judith Butler, Jacques Lacan, Laura Mulvey, Simone de Beauvoir, and other scholars as well as contemporary academic literature on philosophical, feminist and cultural issues.

Results of the study demonstrate that "Ophelia" and "Salome" serve as contradictory poles in the patriarchal symbolic order: one represents an idealized submission, while the other – a dangerous autonomy. Despite their contrast, both archetypes ultimately reject the true subjectification of women, reinforcing binary cultural codes that regulate gender norms and social roles.

Discussion and Conclusion. The article emphasizes the necessity of deconstruction of these inherited narratives and reevaluation of female subjectification beyond the dichotomy of submission and threat. Feminist critique and cultural reconsideration are suggested as possible strategies for resistance, which would allow for new ways of representation that go beyond archetypal limitations. The proposed arguments and conclusions create implications for the further study and development of a system of female archetypes throughout the XX century and to the present day.

Keywords: archetypes, femininity, gender roles, social roles, cultural codes, subjectification, patriarchal order, social control.

For citation: Drozdova A. A. Socio-Philosophical Analysis of Symbolic Representations of Women's Roles at the Turn of the XIX Century: "Ophelia" and "Salome". *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(3): 273–283. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.273-283.

Введение

В ходе исторического развития гендерные роли и ожидания, возлагаемые на женщин, формировались через сложное взаимодействие социальных, культурных и политических факторов. Эти роли часто закреплялись символическими представлениями, которые не только отражали общественные ценности, но и активно способствовали их воспроизводству. В частности, архетипы

женственности служили мощными инструментами в определении и регулировании поведения, идентичности и ролей женщин в социальном устройстве. Эти архетипы, часто уходящие корнями в литературу, искусство и мифологию, дают представление о том, как общество понимало и конструировало концепцию женственности.

На рубеже XIX–XX вв., когда общество столкнулось с глубокими социальными

трансформациями – индустриализацией, модернизмом и сдвигами в гендерных отношениях – два женских архетипа стали доминирующими фигурами в культурном дискурсе [12, р. 467]. Эти фигуры, хотя и резко контрастирующие по своей природе, играли значительную роль в социальной и политической динамике того времени. Одна из них, пассивная и эмоциональная женщина, олицетворяет уязвимость и самопожертвование; другая, сексуально раскрепощенная и опасная, представляет собой вызов патриархальному порядку через свои желания и деятельность.

Эти два полюса можно было бы определить как архетипы Офелии и Саломеи, где одна – жертва своих эмоций, а другая – проводник своих желаний. Обе фигуры, несмотря на их антитетические черты, связаны одной и той же социальной логикой, которая стремится контролировать и определять роли женщин в обществе. Путем анализа этих двух предложенных архетипов в контексте рубежа XIX–XX вв. статья направлена на исследование того, как данные архетипы отражают более широкий социально-политический контекст, в котором они возникли, и как они активно формировали социальные ожидания от женщин.

Таким образом, основная цель этой статьи – проанализировать социальное и политическое значение архетипов Офелии и Саломеи. Используя теории социальной и политической философии, феминистской теории и теории власти и субъективации, мы рассмотрим, как эти фигуры функционируют в качестве механизмов социального контроля. Они не только отражают культурные идеалы, но и играют активную роль в подчинении женщин, формируя то, как их воспринимают, понимают, и какого поведения от них ожидают в общественном сознании. Благодаря этому анализу мы увидим, что эти архетипы – не просто вымышленные конструкции, а неотъемлемые

элементы символических систем, которые структурировали идентичности женщин в патриархальном обществе. В статье также будет рассмотрена современная актуальность этих архетипов – то, как они продолжают влиять на общественные взгляды на женщин, их автономию и их роли в современном мире.

Обзор литературы

Концепция архетипов долгое время играла важную роль в понимании того, как общества кодифицируют и закрепляют гендерные нормы. К. Г. Юнг возводил понятие архетипов к «Идее» в платоновском смысле и представлял их как исконные образы, находящиеся в коллективном бессознательном и проявляющиеся через мифы, сны и культурные повествования. Среди них архетипы «анима» (как женская и хтоническая часть души) и «мать» сыграли решающую роль в формировании восприятия женственности, часто подчеркивая заботливость, плодородие, сочувствие, пассивность и эмоциональность, но в то же время и магическую власть женщины [7, с. 70–75].

Однако современные ученые утверждают, что архетипы не являются статическими психологическими сущностями, а динамически конструируются посредством социокультурных процессов. Теория дискурса и власти М. Фуко разъясняет, как общественные институты производят и регулируют знание, тем самым формируя идентичности, включая гендерные роли. М. Фуко объясняет, что знание и смысл производятся в дискурсивных формациях – исторически конкретных системах мышления [5, с. 135]. В этой структуре архетипы можно рассматривать как символические фигуры, возникающие и действующие в таких дискурсах. Например, «покорная женщина» или «опасная роковая женщина» – это не вечные юнгианские универсалии, а повторяющиеся фигуры в патриархальном дискурсе. В «Надзирать и наказывать»

М. Фуко описывает, как современная власть работает не посредством репрессий, а посредством надзора, категоризации и нормализации [5, с. 142]. Таким образом, можно утверждать, что предложенные архетипы становятся инструментами нормализации, помогая производить и укреплять ожидаемое поведение (например, женщины должны быть либо скромными, как Офелия, либо соблазнительными, как Саломея). Так, эти фигуры можно рассматривать как идеологические шаблоны, которые направляют поведение и позволяют обществу отслеживать отклонения. Если женщина выходит за рамки «приемлемой женственности», ее относят к категории девиантных.

Д. Батлер развила эту идею, критикуя понятие врожденных гендерных идентичностей и предполагая, что гендер является перформативным, т. е. серией действий и выражений, которые составляют иллюзию стабильной идентичности [1, с. 51]. Эта точка зрения подчеркивает роль повторяющихся социальных представлений в укреплении гендерных норм, при этом архетипы служат шаблонами для этих представлений.

С психоаналитической точки зрения Н. Чодороу считает, что ранние семейные отношения влияют на формирование гендерной идентичности. Она утверждает, что роль женщины как основного опекуна увековечивает цикл, в котором дочери усваивают материнские архетипы, усиливая традиционные женские роли и ограничивая развитие автономных женских идентичностей [6, с. 102].

Период рубежа XIX–XX вв. в Европе был отмечен глубокими культурными, политическими и философскими сдвигами. Индустриализация, урбанизация и рост среднего класса изменили структуру повседневной жизни и стали оказывать все большее давление на традиционные гендерные роли. В этом климате так называемый женский вопрос возник не просто как

дискуссия о правах женщин, но как более глубокое беспокойство об общественном порядке, сексуальности и статусе субъекта. Это беспокойство проникло в художественный, литературный и философский дискурс, особенно в контексте того, как воображали, представляли и ограничивали женственность [13, р. 152].

Именно так архетипы Офелии и Саломеи приобрели символическую привлекательность. Их возрождение в конце XIX в. – в живописи, театре, опере и литературе – совпало с растущей обеспокоенностью по поводу того, какие роли женщинам разрешено или запрещено играть в современном мире. Эти архетипы служили культурной кодификацией женственности в условиях патриархата: два противоположных образа, которые определяли границы приемлемой женской субъективности [12, р. 469]. Российские ученые при исследовании этого исторического контекста анализировали, как архетипические образы в литературе и фольклоре способствовали формированию гендерных ролей в культурных контекстах. Например, Е. М. Мелетинский исследовал роль литературных архетипов в стабилизации социального смысла в периоды потрясений, подчеркивая их функцию в укреплении или оспаривании господствующих гендерных норм [4, с. 5].

Первый из предложенных архетипов – Офелия из «Гамлета» У. Шекспира – широко интерпретируется как символ пассивной и жертвенной женственности. Ее определяющие черты: молчание, послушание, эмоциональная нестабильность и в итоге самоуничтожение – не только являются индивидуальными характеристиками, но и отражают системные гендерные нормы, которые возводят пассивность и страдание женщин в культурный идеал. Она существует в основном относительно мужских фигур (ее отца Полония и Гамлета), с небольшим количеством независимого пове-

ствования или действия. Ее эмоциональный распад и смерть становятся эстетизированными символами «женской хрупкости» и воспроизводят патриархальные тропы, которые отождествляют женственность с бессилием и безумием [22, р. 2].

Офелия олицетворяет так называемую идеальную женщину патриархальной культуры: послушную, самоотверженную, эмоционально восприимчивую. Однако этот идеал глубоко амбивалентен. Хотя ее покорность изначально восхваляется, она одновременно делает ее уязвимой для краха. Те же социальные структуры, которые возвышают ее послушание, наказывают ее за эмоциональный избыток, тем самым усиливая идею о том, что женщины по своей природе нестабильны и нуждаются в контроле [14, с. 80]. Ее безумие – это не просто личная трагедия, а социально предписанное последствие ее неспособности противостоять противоречивым требованиям, предъявляемым к ней как к женщине в символическом порядке, управляемом мужской властью [8, с. 459].

Теория дисциплинарной власти М. Фуко [5, с. 151] дает основу для понимания того, как поведение Офелии отражает нормализованную, социально навязанную женственность. М. Фуко утверждает, что институты (школы, тюрьмы, семьи) производят «послушные тела», которые усваивают нормы посредством надзора, повторения и исправления. Таким образом, Офелию можно рассматривать как продукт этих механизмов власти – ее женственность дисциплинирована до точки стирания. Ее срыв, таким образом, олицетворяет наказание за отклонение: она не может поддерживать невозможные стандарты идеализированной женственности и, таким образом, оказывается втянутой в символическую смерть.

В свою очередь, во «Втором поле» С. де Бовуар критикует историческое позиционирование женщины как Другого – не

самоопределяемого субъекта, а отражения мужчины [2, с. 125]. Все присутствие персонажа Офелии в повествовании определяется через мужское восприятие и желание: как дочери, как возлюбленной, как объекта скорби. Ее безумие – не бунт, а крах в небытие, иллюстрирующий идею С. де Бовуар о том, что женщина создана, чтобы «существовать для других» и лишена субъектности. Эта интерпретация представляет Офелию не как трагическую героиню, а как элемент символической системы, которая отказывается признавать женщин в качестве полноправных агентов.

Романтизация безумия Офелии в литературе и искусстве помогла эстетизировать женские страдания как прекрасные и естественные. Повторяющийся визуальный мотив – Офелия, плывущая по течению реки, окруженная цветами, – усиливает культурные сценарии, идеализирующие пассивную, трагическую женственность. Превращая страдания в искусство, этот мотив скрывает насильственность социальных ролей, делая патриархальный контроль как невидимым, так и желанным [14, с. 82]. Дело не только в том, что Офелия умирает, но и в том, что ее смерть становится прекрасной.

Второй из женских архетипов, превалирующих на рубеже XIX и XX вв., – это архетип Саломеи. Он представляет собой инверсию покорной женственности: она соблазнительна, активна и угрожающа. Возникнув в библейской истории, позже адаптированный О. Уайльдом, Г. Моро и Р. Штраусом, образ Саломеи стал мощным образом женщины, которая осуществляет контроль над мужским желанием, часто через свою сексуальность. Ее танец семи покрывал – это не просто эротическое представление, а ритуализированный акт власти – изображение ужаса, связанного с женской силой в традиционном мужском порядке [13, с. 217; 25, р. 165]. Ее не просто желают, но и боятся.

Образ роковой женщины, особенно популярный в fin de siècle, выполняет функцию социального предупреждения против женской автономии. Сексуальность Саломеи изображается как опасная, извращенная и в итоге разрушительная. Этот архетип проецирует на женское тело мужские страхи перед женской властью, тем самым демонизируя женщин, которые отклоняются от пассивного идеала. Представляя автономных женщин как чудовищных или безнравственных, культура подавляет реальную женскую деятельность под видом морального и эстетического осуждения [23, p. 108].

В лакановском психоанализе женщина занимает позицию Другого, т. е. выступает и как объект желания, и как объект структурного разрыва в символическом порядке. В своем семинаре *Encore* (1972–1973) Ж. Лакан утверждает, что “*La femme n’existe pas*” («Женщина не существует»), не для того, чтобы отрицать существование реальных женщин, а чтобы подчеркнуть, что женщина не может быть полностью представлена в фаллоцентрической символической системе [3, с. 88]. Саломея с ее неуправляемым желанием и отказом соответствовать общепринятым нормам является примером этого нарушения. Ее способность манипулировать желанием изнутри и отказываться от символического сдерживания делает ее угрозой мужской субъективности.

Теория мужского взгляда Л. Малви, разработанная в ее эссе «Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф» (1975), утверждает, что женщины в визуальной культуре созданы в первую очередь для получения удовольствия при мужском просмотре. Камера соответствует мужскому желанию, позиционируя женское тело как зрелище [21, с. 7]. Изображение Саломеи, особенно в кино и живописи, прекрасно иллюстрирует этот механизм. Ее показывают танцующей, на нее смотрят, она

поглощается зрителем, но одновременно угрожает зрителю своей разрушительной эротической деятельностью.

Таким образом, архетип Саломеи конструирует женскую силу как девиантную, эротизированную и в итоге фатальную. Культурное представление женщин, которые действуют, говорят или желают, становится способом кодирования мужских тревог о потере контроля. Роковая женщина становится симптомом патриархальной паники – фигурой, одновременно созданной и наказанной структурами, которые ее боятся [13, с. 220].

Результаты исследования

Хотя Офелия и Саломея кажутся диаметрально противоположными – одна пассивная и трагичная, другая соблазнительная и трансгрессивная, – они обе являются продуктами одного и того же патриархального символического порядка. Они представляют два полюса спектра приемлемой женственности: ангельскую жертву и демоническую соблазнительницу. Эта бинарность не освобождает, а ограничивает, предлагая женщинам лишь иллюзию выбора между подчинением и демонизацией. Как утверждают исследователи, женственность – это не естественная сущность, а сконструированное представление, сформированное и ограниченное символическими и дискурсивными нормами [1, с. 55; 18, с. 26]. Оба архетипа поддерживают фаллоцентрическую структуру, отрицая женскую субъективность: Офелия – через исчезновение, а Саломея – через наказание.

Эти архетипы исключают признание женщины как полноценного субъекта. В культурном воображении Офелия – молчаливый, хрупкий идеал, эмоционально нестабильный и в итоге принесенный в жертву. Саломея, с другой стороны, – женщина, которая действует, но ее действия изображаются как чудовищные, угрожающие символическому порядку. Как предполага-

ет Ж. Лакан, женщина, которая ускользает от фаллического означающего, становится поводом для беспокойства [3, с. 82]. Таким образом, представленный выбор ложный: быть пассивной и исчезнувшей или могущественной и девиантной.

Опираясь на труды М. Фуко, можно утверждать, что оба архетипа являются дисциплинарными механизмами. Фигура Офелии выполняет функцию нормализации пассивности, в то время как Саломея выполняет функцию предупреждения против излишеств или трансгрессии. Эти представления работают на интернализацию контроля, побуждая женщин контролировать собственное поведение и желания в соответствии с культурными нормами [5, с. 148].

Устойчивое присутствие этих архетипов в литературе, искусстве и средствах массовой информации воспроизводит их в коллективном бессознательном, влияя на социальные ожидания от женщин. Эстетические представления становятся регулирующими инструментами: они формируют нормы женственности, определяя, что красиво, приемлемо или опасно. Таким образом, архетипы становятся политическими – они проникают в образовательные системы, правовую риторику и популярную культуру, сводя сложную реальность женской субъективности к чрезмерно упрощенным тропам [13, с. 217].

Опираясь на современную гендерную теорию, эти архетипы можно рассмотреть не как исторические концепции, а как активные элементы в субъективации женщин. Диалектика между Офелией и Саломеей продолжает определять границы «приемлемой» женственности, поддерживая бинарную логику подчинения или угрозы. Чтобы разрушить эту структуру, необходимо как деконструировать эти образы, так и предложить альтернативные способы представления женщин, которые утверждают мно-

жественность, активность и автономию [11, с. 22; 20, с. 39].

Несмотря на исторические корни, архетипы Офелии и Саломеи продолжают структурировать культурные и социальные ожидания от женщин. В современных обществах эти фигуры не исчезли, а скорее адаптировались к новым формам, часто замаскированным под личный выбор или эстетические предпочтения. Теория гендерной перформативности Д. Батлер остается центральной для понимания того, как такие архетипы сохраняются: это не просто унаследованные образы, а воплощенные нормы, которые постоянно повторяются и усиливаются посредством повседневной практики [1, с. 79]. Как отмечает профессор Р. Гилл, современные медиа пропагандируют «постфеминистскую восприимчивость», где традиционные гендерные нормы переименовываются в расширение прав и возможностей, тем самым повторно вводя старые архетипы под видом прогресса [16, р. 140].

Даже в обществах, которые формально пропагандируют гендерное равенство, архетипические бинарности продолжают функционировать как культурные коды. Женщины по-прежнему часто представлены в популярной культуре либо как «хорошие девочки», либо как «роковые женщины», а их ценность и мораль часто связаны с сексуальным поведением, эмоциональным самовыражением или покорностью. Эти представления формируют то, как женщины интернализуют социальные ожидания, включая дисциплинирование женского тела и эмоций [10, с. 213].

Архетипы стали встроенными в медиа-нарративы, рекламу, политический дискурс и даже детское образование. Женщины в медиа часто изображаются либо как жертвы, нуждающиеся в спасении, либо как опасно амбициозные, что перекликается с архетипами Офелии и Саломеи. Эти

роли не навязываются явно, но усваиваются посредством повторения, фрейминга и политики образов [17, р. 1318]. Процесс архетипизации функционирует через то, что Бурдые описал как «символическое насилие» – форму господства, которая является тонкой, интернализированной и неправильно распознается как естественная [9, р. 79]. В политике архетипическое фреймирование влияет на то, как воспринимаются женщины-лидеры и общественные деятели. Эмоциональная сдержанность может характеризовать женщину как «холодную» и «неженственную» (отсылая к архетипу Офелии), в то время как напористость может быть закодирована как угрожающая или манипулятивная (что соответствует архетипу Саломеи) [24, р. 282].

Однако архетипы не являются неизменными. Феминистская критика предоставляет инструменты как для разоблачения, так и для подрыва этих символических форм. Благодаря критической медиаграмотности, культурному анализу и художественной реинтерпретации появляются новые представления, которые сопротивляются бинарности покорной и угрожающей женственности. Например, рост интерсекционального феминизма ввел более сложные понимания субъективности и воплощения [11, с. 25].

Современные феминистские искусство, литература и теория переосмыслили фигуры Офелии и Саломеи. Вместо пассивных жертв или соблазнительных угроз они переопределены в сложных агентов, управляющих системами контроля. Эта переинтерпретация предлагает путь к символическому освобождению: не стирание архетипов, а их трансформация из инструментов контроля в инструменты самовыражения и сопротивления [19, с. 139]. В конечном счете, как напоминает нам М. Фуко, где есть власть, там есть и сопротивление [5, с. 149]. Деконструкция архе-

типов открывает пространство для новых повествований о женственности – тех, которые утверждают множественность, автономию и субъективность за пределами патриархальных сценариев.

Обсуждение и заключение

Архетипы Офелии и Саломеи – это не просто литературные или художественные образы; они функционируют как механизмы социального контроля, встроенные в культурную память. Эти фигуры иллюстрируют бинарную логику, посредством которой патриархальные общества структурируют женскую идентичность: покорная, самостирающаяся женщина против соблазнительной, угрожающей. Их существование показывает, как символические рамки формируют реальные социальные ожидания и ограничивают женскую субъектность.

Как показал наш анализ, архетипы глубоко переплетены с системами власти, идентичности и телесности. Опираясь на концепцию дисциплинарной власти М. Фуко и теорию гендерной перформативности Д. Батлер, мы можем понять, как эти фигуры участвуют в нормализации гендерных субъектных позиций. Уязвимость Офелии становится культурным кодом идеализированной женской пассивности, в то время как сексуальность Саломеи представляется как угроза, требующая сдерживания. В обоих случаях тело и желание женщины интерпретируются через призму мужского контроля, как описано в теории мужского взгляда Л. Малви [21] и в работе С. Бордо о дисциплинировании женского тела [10].

Чтобы выйти за рамки этих ограничивающих архетипов, требуется философская переоценка женской субъективности вне бинарных кодов культуры. Вместо того чтобы постоянно выбирать между послушанием или разрушением, невидимостью или гиперзаметностью, женщин следует концептуализировать как сложных, автономных субъектов, идентичности которых

не сводятся к символическим ролям. Феминистская теория предлагает инструменты для деконструкции унаследованных нарративов и создания новых дискурсивных пространств, где женственность может быть артикулирована в терминах независимости,

множественности и сопротивления. В этом свете архетипы Офелии и Саломеи перестают быть закрытыми символами и становятся возможностью для потенциальной трансформации, открывая путь альтернативным модусам женственности.

Список источников

1. Батлер Д. Гендерное беспокойство: Феминизм и подрыв идентичности. М.: V-A-C Press, 2022. 269 с.
2. де Бовуар С. Второй пол. М.: Азбука-Аттикус, 2017. 928 с.
3. Лакан Ж. Семинары. Книга 20. Еще (1972–1973). М.: Гнозис, 2011. 176 с.
4. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах // Вопросы литературы. 1998. № 4. С. 3–17.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
6. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера. М.: РОССПЭН, 2006. 292 с.
7. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019. 496 с.
8. Ahmad F. Gendering Women: Body, Power and the Processes of Subjectivation // Journal of Education Culture and Society. 2023. No. 1. P. 451–464.
9. Bourdieu P. Masculine Domination. Stanford: Stanford University Press, 2001. 79 p.
10. Bordo S. Unbearable Weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: University of California Press, 1993. 213 p.
11. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013. 229 p.
12. Brokoph-Mauch G. Salome and Ophelia: The Portrayal of Women in Art and Literature at the Turn of the Century // The Turn of the Century: Modernism and Modernity in Literature and the Arts. Berlin, 1995. P. 466–474.
13. Bronfen E. Over Her Dead Body: Death, Femininity and the Aesthetic. Manchester: Manchester University Press, 1992. 480 p.
14. Chen Xinyi. Water and Woman: Ophelia's Femininity in the Elizabethan Age // Proceedings of the 2nd International Conference on Literature, Art and Human Development (ICLAHD 2020). 2020. P. 250–256.
15. Genz S., Brabon B. A. Postfeminism: Cultural Texts and Theories. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 152 p.
16. Gill R. Gender and the Media. Cambridge: Polity Press, 2007. 140 p.
17. Gill R., Shani O. The Shifting Terrain of Sex and Power: From the 'Sexualization of Culture' to #MeToo // Sexualities. 2018. Vol. 21, No. 8. P. 1313–1324.
18. Irigaray L. This Sex Which Is Not One. Ithaca: Cornell University Press, 1985. 26 p.
19. Jones A. Body Art: Performing the Subject. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. 139 p.
20. McRobbie A. The Aftermath of Feminism: Gender, Culture and Social Change. London: SAGE Publications, 2009. 39 p.
21. Mulvey L. Visual Pleasure and Narrative Cinema // Screen. 1975. Vol. 16. No. 3. P. 6–18.
22. Rogers W. Female Norms and the Patriarchal Power Structure in Shakespeare's Hamlet // Inquiries Journal. 2018. Vol. 10, No. 10. P. 1–4.
23. Segal N. The 'Femme Fatale': A Literary and Cultural Version of Femicide // Qualitative Sociology Review. 2017. Vol. 13, No. 3. P. 102–117.
24. Trimble L., Wagner A., Sampert S., Gerrits B. Gender, Competitiveness, and Candidate Visibility in Newspaper Coverage of Canadian Party Leadership Contests // The International Journal of Press/Politics. 2017. Vol. 22, No. 3. P. 275–299.
25. Yeeyon Im. A Seriousness That Fails: Reconsidering Symbolism in Oscar Wilde's Salomé // Victorian Literature and Culture. 2017; Vol. 45, No. 1. P. 163–175.

References

1. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. Moscow: V-A-C Press, 2022. 269 p. (In Russ.)
2. de Beauvoir S. The Second Sex. Moscow: Azbuka-Atticus, 2017. 928 p. (In Russ.)
3. Lacan J. Encore: The Seminar, Book XX. Moscow: Gnosis, 2011. 176 p. (In Russ.)
4. Meletinsky E. M. On Literary Archetypes. *Voprosy Literature* = Questions of Literature. 1998; 4: 3–17. (In Russ.)
5. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. Moscow: Ad Marginem, 1999. 480 p. (In Russ.)
6. Chodorow N. The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2006. 292 p. (In Russ.)
7. Jung C. G. The Archetypes and the Collective Unconscious. Moscow: AST, 2019. 496 p. (In Russ.)
8. Ahmad F. Gendering Women: Body, Power and the Processes of Subjectivation. *Journal of Education Culture and Society*. 2023. No. 1. P. 451–464. (In Eng.)
9. Bourdieu P. Masculine Domination. Stanford: Stanford University Press, 2001. 79 p. (In Eng.)
10. Bordo S. Unbearable Weight: Feminism, Western Culture, and the Body. Berkeley: University of California Press, 1993. 213 p. (In Eng.)
11. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013. 229 p. (In Eng.)
12. Brokoph-Mauch G. Salome and Ophelia: The Portrayal of Women in Art and Literature at the Turn of the Century. *The Turn of the Century: Modernism and Modernity in Literature and the Arts*, edited by Christiane von Borries-Berg, 466–474. Berlin: de Gruyter, 1995. (In Eng.)
13. Bronfen E. Over Her Dead Body: Death, Femininity and the Aesthetic. Manchester: Manchester University Press, 1992. (In Eng.)
14. Chen Xinyi. Water and Woman: Ophelia's Femininity in the Elizabethan Age. *Proceedings of the 2nd International Conference on Literature, Art and Human Development (ICLAHD 2020)*. 2020. P. 250–256.
15. Genz S., Brabon B. A. Postfeminism: Cultural Texts and Theories. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 152 p. (In Eng.)
16. Gill R. Gender and the Media. Cambridge: Polity Press, 2007. 140 p. (In Eng.)
17. Gill R., Shani O. The Shifting Terrain of Sex and Power: From the 'Sexualization of Culture' to #MeToo. *Sexualities* 21. 2018; 8: 1313–1324. (In Eng.)
18. Irigaray L. This Sex Which Is Not One. Ithaca: Cornell University Press, 1985. 26 p. (In Eng.)
19. Jones A. Body Art: Performing the Subject. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. 139 p. (In Eng.)
20. McRobbie A. The Aftermath of Feminism: Gender, Culture and Social Change. London: SAGE Publications, 2009. 39 p. (In Eng.)
21. Mulvey L. Visual Pleasure and Narrative Cinema. *Screen* 16. 1975; 3: 6–18. (In Eng.)
22. Rogers W. Female Norms and the Patriarchal Power Structure in Shakespeare's Hamlet. *Inquiries Journal*. 2018; 10-10: 1–4. (In Eng.)
23. Segal N. The 'Femme Fatale': A Literary and Cultural Version of Femicide. *Qualitative Sociology Review*. 2017; 13-3: 102–117. (In Eng.)
24. Trimble L., Wagner A., Sampert S., Gerrits B. Gender, Competitiveness, and Candidate Visibility in Newspaper Coverage of Canadian Party Leadership Contests. *The International Journal of Press/Politics*. 2017; 22-3: 275–299. (In Eng.)
25. Yeeyon Im. Seriousness That Fails: Reconsidering Symbolism in Oscar Wilde's Salomé. *Victorian Literature and Culture*. 2017; 45: 163–175. (In Eng.)

Поступила 13.05.2025.

Сведения об авторе

Дроздова Анна Антоновна – аспирант кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). Сфера научных интересов: социальная и политическая философия, культурология, история искусств. Автор 3 научно-популярных публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9138-0288>.

E-mail: adrozdonet@mail.ru

Submitted 13.05.2025.

About the author

Anna A. Drozdova – Post Graduate Student, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). Research interests include social and political philosophy, cultural studies, and art history. Author of 3 popular science publications. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9138-0288>.

E-mail: adrozdonet@mail.ru

А. М. Краснов

*Курский государственный медицинский университет (Курск, Россия),
e-mail: alex_krasnov@yahoo.com*

Переосмысление идеи эманации в религиозно-философской монотеистической традиции

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию парадоксальной проблемы взаимоотношений Бога и мира в свете процесса творения, как он понимается авраамической традицией (иудаизм, христианство, ислам). Несмотря на то что проблема явно не нова, она совсем не очевидна. Тем не менее, ее актуальность базируется на вневременной фундаментальности, онтологической глубине, идее творения для всей монотеистической религиозной и философской традиции.

Материалы и методы. Поднимаемая нами проблема имеет своими источниками основополагающие священные тексты трех монотеистических религий, а также устную традицию, в том числе эзотерическую. Проблематика творения в разрезе парадоксальных отношений Творца и мира интересовала многих теологов и философов на протяжении последних нескольких тысяч лет. Работа построена на последовательном изучении некоторых значимых, на наш взгляд, первоисточников, способных пролить свет на разрешение вышеуказанной проблемы. Для написания статьи были использованы общенаучные теоретические методы.

Результаты исследования. Мыслители каждой из трех вышеуказанных религиозных традиций пытались по-разному решить эту фундаментальную онтологическую проблему, однако, однажды зародившись в лоне античной греческой философии, идея эманации проявляется во многих работах, касающихся данного вопроса. Эта идея как нельзя лучше подошла в качестве одного из основных инструментов в разрешении этой проблемы. Некоторые философы открыто использовали ее в своих изысканиях, другие делали это неявно, как бы подразумевая, третьи спорили с ней, признавая, однако, в ней определенные правоту и незаменимость.

Обсуждение и заключение. Анализ проблематики, связанной с этой идеей, вполне может быть направлен на укрепление основ религиозной ментальности и повышение уровня ее осознанности.

Ключевые слова: эманация, творение, Творец, абсолютное, ограниченное, иудаизм, ислам, христианство, каббала.

Для цитирования: Краснов А. М. Переосмысление идеи эманации в религиозно-философской монотеистической традиции // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 3. С. 284–295. DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.284-295.

The Idea of Emanation in The Problem of Creation

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of the paradoxical problem of the relationship between God and the world in the light of the process of creation, as it is understood by the Abrahamic tradition (Judaism, Christianity, Islam). Despite the fact that the problem is clearly not new, it is not at all obvious. Nevertheless, its relevance is based on the timeless fundamentality, ontological depth, of the idea of creation for the entire monotheistic religious and philosophical tradition.

Materials and Methods. The problem we raise has its sources in the fundamental sacred texts of the three monotheistic religions, as well as oral tradition, including esoteric. The problem of creation in the context of the paradoxical relationship between the Creator and the world has interested many theologians and philosophers over the past several thousand years. The work is based on a consistent study of some significant, in our opinion, primary sources that can shed light on the resolution of the above problem. General scientific theoretical methods were used to write the article.

Results. Thinkers of each of the three above-mentioned religious traditions tried to solve this fundamental ontological problem in different ways, however, once born in the bosom of ancient Greek philosophy, the idea of emanation appears in many works concerning this issue. This idea was the best fit as one of the main tools in solving this problem. Some philosophers openly used it in their research, others did it implicitly, as if implying, and others argued with it, recognizing, however, a certain correctness and indispensability in it.

Discussion and Conclusion. The analysis of the problems associated with this idea may well be aimed at strengthening the foundations of religious mentality and raising the level of its awareness.

Keywords: emanation, creation, Creator, absolute, limited, Judaism, Islam, Christianity, Kabbalah.

For citation: Krasnov A. M. The Idea of Emanation in The Problem of Creation. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(3): 284–295. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.284-295.

Введение

Во всех авраамических религиозных системах, а также традициях, базирующихся на них, Всевышний, Творец мыслится как Абсолют во всех смыслах этого слова. Он не имеет отношения к чему-либо материальному и не имеет никаких ограничений, ни начала, ни конца. Всевышнему не могут быть присущи никакие пространственно-временные характеристики. Однако, вместе с тем, Он является Творцом. Таким образом, постулируется бытие мира, в том числе материального, в том числе моего собственного, и я могу вслед за Р. Декартом воскликнуть: «Я мыслю, следовательно, существую!» Вот тут-то и

появляется проблема: как может вместе с Абсолютно неограниченным бытием существовать ограниченное? Как вообще при наличии неограниченного может существовать что-либо, ведь если есть Неограниченное, то для чего-либо еще просто нет «места»? Таким образом, мы упираемся в логический парадокс, который достаточно остроумно был в свое время сформулирован в виде вопроса: «Может ли Бог создать камень, который Он не сможет поднять»? В данной статье мы как раз и попытаемся разобраться в том, кто и как в истории религиозно-философской мысли попытался помочь поднять этот «камень» и что из этого получилось.

Материалы и методы

Эта проблема имеет несколько вариантов решения:

1. Всё есть Абсолют, т. е. ничего другого не существует. Следовательно, мое существование – это всего лишь иллюзия, заблуждение, грезы самого Абсолюта. Эта идея близка буддийской традиции, но абсолютно не приемлема для авраамических религий.

2. Единственной абсолютной реальностью обладает само «творение», а Абсолют – это иллюзия. Иными словами, мир реально существует, включая человека, а никакого Абсолюта нет, Он был просто выдуман. Как мы понимаем, это атеистическая точка зрения, которая отрицает понятие творения. Естественно, такая позиция совершенно невозможна для авраамической религиозной традиции.

3. Такая система взаимоотношений Творца и творения, при которой Творец является источником творения, но при этом творение не отделено полностью от своего Творца. Иными словами, творение одновременно должно обладать самостоятельным существованием и находиться в полной зависимости от Творца, как бы пребывать в Нем. Данный вариант является единственным путем разрешения проблемы, который может быть приемлемым для авраамической традиции.

Результаты исследования

Вероятно, первой среди авраамических религий с этой проблемой столкнулся иудаизм, причем не официальная, открытая доктрина, изложенная в Хумаше или Талмуде, а скрытая, мистическая часть Устной Торы – каббала. И это понятно: обозначенная проблема имеет явный философский характер и не лежит на поверхности, а каббала – это не только мистика, но и глубокое философское осмысление традиционного еврейского мировоззрения. Еврейская традиция берет на вооружение уже существующую

к тому моменту и достаточно известную идею эманации и очень удачно использует ее для решения вышеуказанной проблемы. Известный исследователь еврейской мистики Гершом Шолом усматривает использование идеи эманации уже в «Сефер Йецира» («Книге Творения»), датируемой III–VI вв. н. э., хотя прямым текстом это не выражено [9, с. 114].

Прямо об эманации пишет рабби Хаим бен Йосеф Виталь в своей книге «Эц Хаим» («Древо жизни»), по преданию записывающий ее со слов своего учителя рабби Ицхака бен Шломо Ашкенази Лурии (Аризаль). В одном из пассажей автор кратко излагает принципиальную схему творения на языке каббалы. Всевышний здесь называется «простым светом Эйн Соф», и Он является единственной реальностью. Именно в этой реальности возникает желание эманировать творение: «Когда возникло Его желание эманировать эманлируемых, Он ограничил Себя в центральной точке этого света, в средней точке, в его середине, и там “сжал” Себя к окружению, к сторонам, и осталось пустое пространство между ними. И это было первым цимцумом (ограничением, сжатием) Высшего Эманатора» [2, с. 125]. Аризаль применяет интересное сравнение для этого «сжатия»: волны, которые образуются от брошенного в воду камня, расходящиеся от центра к сторонам вокруг. Все существующее творение, таким образом, «располагается» в той реальности, которая образуется вокруг такого центра.

Мы видим, что в этом тексте Творец назван Эманатором, а творение – эманлируемые, а для того, чтобы описать процесс творения, вводится оригинальная идея цимцума. Если мы попытаемся представить себе эту картину, то получится, что все творение (как материальное, так и нематериальное) существует в самом «центре», окруженное со всех «сторон» Безграничным Абсолютом, своим Творцом, и как бы

пронизывается, подпитывается энергиями Всевышнего или, на языке каббалы, «Его светом». Обратим внимание на то, что, когда Аризаль пишет о простом свете Эйн Соф, он имеет в виду не сущность Творца, а именно некий свет, исходящий из Его сущности. Творение же существует «как бы внутри этого света, окруженный и пронизанный энергиями Всевышнего, а цимцум является границей между Абсолютным и ограниченным [2, с. 126].

Итак, мы видим, что античная идея эманации как описание процесса творения мира в иудаизме была серьезным образом переработана и дополнена.

Во-первых, появляется идея цимцума, которая позволяет объяснить существование возможности бытия чего-то кроме Абсолюта, как бы освобождает «место» для творения. Г. Шолем раскрывает понятие цимцума следующим образом: «Исходное значение слова цимцум – “сосредоточение” или “сжатие”, но на каббалистическом языке этот термин означает скорее “удаление” или “отход”» [9, с. 325]. Иными словами, это означает, что материальная реальность, как и все вообще творение, оказалось возможным в результате процесса сокрытия Бога, «ухода» Творца из этого мира, освободив место для тварной реальности. Однако надо понимать, что это не реальный уход из мира, а всего лишь иллюзия отсутствия; на самом деле этот мир не только не покинут Богом, а наоборот, внутри света Всевышнего. Иллюзия же эта необходима для того, чтобы человек мог существовать и развиваться самостоятельно, чтобы он имел свободу выбора и мог бы нести ответственность за свои поступки.

Во-вторых, творение не является чем-то совершенно отдельным от Творца, поскольку «окружено и пронизано» энергиями Абсолюта и, таким образом, неотделимо от Него.

В-третьих, постулируется и особо подчеркивается непреложный принцип эманации, а именно процесс постепенного развертывания, раскрытия, того, что существует изначально: «В языке Каббалы мы определяем, что одна реальность постепенно эманурует, развивается из другой реальности, только если выполняются вышеназванные условия: все, что есть в результате, было и в основании, и в результате нет ничего, чего не было бы в основании» [2, с. 31]. Г. Шолем усматривает этот принцип даже в каббалистической трактовке первого стиха Торы: Берешит бара Элоким («В начале сотворил Бог»), определяя слово *бара* как эманацию или развертывание [9, с. 279].

Неотъемлемой частью этого процесса творения-эманации являются сфирот. Рабби Моше Хаим Луцатто (Рамхаль) в своей книге «Питхей хохма ведаат» раскрывает перед нами замысел Всевышнего, заключающийся в том, чтобы дать благо творению, но не даром. Иначе говоря, Всевышний дает возможность заработать, заслужить благо, чтобы избежать стыда, который неизбежно сопровождает любую милостыню. Центральную роль в этом замысле играют сфирот, которые являются инструментом такой работы: «Вот, что известно нам из намерения Эманатора в этом: желая воздать добро, Эманатор захотел создать существа, которые получали бы Его добро. И чтобы это добро было совершенным, необходимо, чтобы они зарабатывали его, а не получали как милостыню. Ибо стыд получения чужого создавал бы изъян в этом совершенном благе. И чтобы они смогли удостоиться добра от Него, Всевышний создал некую сущность, которую они должны будут исправлять – чего Ему Самому не нужно, – и, исправляя ее, удостоятся. Эта сущность и есть сфирот. Получается, что задачей человека является исправление сфирот» [2, с. 21–122].

Г. Шолем именно в процессе творения и существования сфирот видит проявление этой эманации Бога, этого развертывания, которое позволяет одновременно появиться творению и не отделиться от своего Творца. Более того, он подчеркивает, что большой ошибкой является рассмотрение сфирот в качестве неких стадий, ступеней развертывания Творца, происходящих вне Всевышнего, будучи внешним творением. Напротив, лурианская каббала настаивает на внутрибожественном характере всех этих процессов. Сравнивая эманацию в неоплатонизме с эманацией в каббале, Г. Шолем приходит к выводу, что одной из отличительных черт является наличие у неоплатоников промежуточных ступеней, уровней, между Единым и материей, которые не принадлежат Единому. В то же время в каббале Ариэля сфирот – это эманации, проявления самого Творца, Его инструменты управления миром, которые никогда не теряют связи со своим Источником [9, с. 167].

Г. Шолем представляет сфирот как некие единицы процесса эманации и при этом прекрасно осознает проблематичность, парадоксальность соотношения сфирот как процесса, направленного в сторону творения, и Творца, как источника и вместилища эмануемого. Логическое затруднение здесь возникает потому, что эманация – это процесс одновременно и трансцендентный (прямое действие Творца), и имманентный (раскрывающий Творца в этом мире). Творческая энергия Всевышнего посредством эманации становится инструментом творения мира и в то же время инструментом раскрытия Себя миру [9, с. 167].

Мы уже несколько раз упоминали, что идея эманации появилась в религиозно-философской мысли задолго до того, как об этом стали задумываться еврейские мыслители. Начатки этой концепции просматриваются еще у Платона, затем эту идею развивали стоики, но наиболее ясно и

подробно идея эманации раскрыта, конечно же, у Плотина. Для описания процесса эманации Плотин использует аналогии, которые позже становятся классическими и многократно используются в религиозной философии и теологии. Например, исхождение света от солнца, жара от огня, холода от снега и т. д. Это действительно более чем удачные аналогии, позволяющие понять и прочувствовать основные принципы процесса эманации. А. Х. Армстронг усматривает истоки этих идей у поздних стоиков, а именно в учении об «эманации *hegemonikon*» (управляющего разумного начала в человеческой душе) [4, с. 307].

А. Х. Армстронг особенно подчеркивает одну из характерных черт этой концепции, а именно: что бы и в каком бы объеме ни происходило из источника эманации, последний не претерпевает никаких изменений, не истощается. При этом Плотин настаивает на произвольном, естественном характере эманации. Такой взгляд на процесс базируется на понимании источника эманации (Единое или Ум) как объекта безличного, не обладающего волей и смыслообразующей функцией, соответственно, не способного на целенаправленные, осмысленные действия. Из жизнеописания Плотина, из свидетельств его современников мы знаем, что он никогда не практиковал религиозных ритуалов и не поощрял это в своих учениках. Иными словами, он не видел никакого смысла в общении с безличным и безразличным к жизни людей Высшим Началом. В рамках же оценочных суждений Плотин неоднократно подчеркивает, что такие свойства, как волеизъявление, свобода выбора, осмысленность действий, способность к целеполаганию и смыслообразованию, характерны для самого низкого человеческого существования, тогда как естественность, спонтанность, неосознанность должны быть присущи самому высокому, идеальному уровню бытия.

Плотин подчеркивает, что в процессе эманации произведение не оказывает никакого влияния на свой источник. Со стороны Единого вообще не происходит никакого направленного действия, то есть действия осмысленного, никакого целеполагания, даже желания, проявления воли: «Оно не желает, не планирует, не выбирает и не заботится о том, что от него рождается» [4, с. 308]. Здесь необходимо заметить, хотя это может показаться странным современному человеку, выросшему, так или иначе, на аристотелевской традиции, что процесс выбора, целеполагания и осмысления – это с точки зрения традиции языческой, близкой к природе, низкий и непродуктивный способ существования. Идеальным здесь будет именно уподобление природным, естественным процессам: течь как вода. Лао-цзы со своим принципом «у-вей», по сути, говорит о том же самом – языческая традиция, только китайская. Кстати, аналогия с водой здесь очень уместна, поскольку такая эманация – это скорее истечение, а точнее, переливание через край.

Итак, в чем же основное сходство и различие между античной идеей эманации и ее трансформированной версией в авраамической традиции? Концепция сохранила в себе идею неизменности, «неиссякаемости» источника эманации вне зависимости от интенсивности и объема истечения или исхождения. Более того, иудаизм углубляет, усиливает эту идею учением о том, что все происходящее от источника эманации изначально заложено в нем. Иными словами, в творении не может быть ничего, что изначально не было в Творце, Эманатор содержит в себе абсолютно все эманлируемое как бы в свернутом виде, а в процессе эманации последнее разворачивается. Тогда возникает вопрос: как же это сочетается с актом творения из ничего, который описывается в первых стихах Торы и является краеугольным камнем всех авраамических тра-

диций? На этот вопрос можно попытаться ответить, если взглянуть на систему бытия со стороны религиозного человека. В повествовании о творении мы четко видим два основных уровня бытия:

- 1) уровень Всевышнего, Творца, и этот уровень характеризуется абсолютностью, безграничностью и вечностью;
- 2) уровень творения, который характеризуется ограниченностью материей, временем и пространством, а также имеет момент возникновения, начала.

Получается, что со стороны уровня Всевышнего, по сути, ничего нового не происходит: развертывание внутри «свечения», энергий Всевышнего того, что было всегда «внутри». Но со стороны уровня творения – это акт появления, проявления в ограниченном пространственно-временном континууме.

Совершенно очевидно и основное отличие античной концепции эманации и каббалистической. Единое Плотина не обладает теми «личностными» характеристиками, которые присущи Всевышнему в авраамической традиции, а именно: свободной волей, смыслообразованием, целеполаганием и др. Поэтому эманация у Плотина имеет характер естественный, спонтанный, неконтролируемый как с точки зрения уровня Единого, так и с точки зрения более низших уровней бытия. Как известно, Плотин при жизни не очень-то жаловал официальный культ, т. е. он не видел смысла обращаться в своих чаяниях к Высшим мирам, поскольку они, по его мнению, не могут обладать характеристиками, позволяющими отвечать на просьбы человека. В авраамической же традиции, которая берет свое начало в Торе, Всевышний имеет соответствующие характеристики, следовательно, эманация обладает такими свойствами, как воление, целеполагание, осмысленность и контроль.

Если же посмотреть на процесс эманации в разрезе двух уровней бытия, о кото-

рых мы сказали выше, то получается довольно сложная картина. На уровне Творца эманация имеет характер естественный, абсолютный, вечный и ничем не ограниченный, прямо как у Плотина. Однако на уровне творения, с точки зрения человека, эманация предстает с совершенно другой стороны – именно как акт творения из ничего, как осмысленный акт воли Творца, со своими целями, задачами и полным контролем над ситуацией. Тора создавалась для человека, поэтому неудивительно, что в ней с самых первых строк дается информация о творении с точки зрения самого творения.

В арабской (исламской) философии проблема творения также не прошла незамеченной. В частности, этот вопрос разбирает в своей книге «Тахафут ат-тахафут» («Опровержение опровержения») Ибн Рушд. В своих рассуждениях он основывается на Аристотеле, и его выводы заключаются в идее о неразрывной связи между Всевышним и Его творением, благодаря энергии или потенции Творца, которая действует в процессе эманации: «Таким образом, становится очевидным, что есть единая сущность, от которой эманурует единая энергия, благодаря которой все сущее имеет свое бытие» [1, с. 165].

Не обошла эта проблема и христианскую философию. На излете Средневековья ею заинтересовался Николай Кузанский. Так же как Ибн Рушд и многие другие средневековые философы, Николай из Кузы основывается на Аристотеле, но идет дальше, предлагая собственный термин для объяснения сложного и парадоксального процесса творения – *possest* (возможность-бытие). Логика рассуждений здесь такова: возможность есть – значит, возможность есть бытие; следовательно, возможность есть действительное бытие. Все возможное действительно, а все действительное возможно. Всю эту цепочку размышлений философ заключает в одном термине *possest*. «В нем, во

всяком случае, схватывается все, и оно есть достаточно подходящее имя Божие, соответственно человеческому о Боге понятию. Оно есть имя всех вообще и отдельных имен и равным образом – ни одного из них» [5, с. 144–145]. Даже одно из имен Всевышнего в Торе («Я Бог всемогущий») Николай Кузанский трактует как могущество Всевышнего любую возможность делать действительностью.

Иными словами, философ объединяет две фундаментальные категории – бытие (акт) и возможность (потенция) в Едином Абсолюте Всевышнего, справедливо полагая, что Творец обладает актуально абсолютно всеми категориями одновременно, объединяя в себе все. То, что на уровне человека является возможностью, которая может быть, а может и не быть в будущем, на уровне Всевышнего всегда есть, поскольку Он пребывает вне времени и пространства. Следовательно, все тварное бытие в момент творения как бы разворачивается из самого Творца, в котором до этого момента находится в состоянии возможности-бытия. Последнее, если переложить на язык современной физики, будет звучать как своего рода состояние суперпозиции, которое в момент творения, с началом времени, на уровне тварного мира меняется на состояние бытия. В то же время надо понимать, что, когда мы говорим о времени и используем такие языковые конструкции, как, *например, находился, находится, будет находиться, до этого момента, после этого момента* и т. д., всегда надо отдавать себе отчет в том, что такие конструкции имеют смысл только с точки зрения самого творения, поскольку оно существует всегда во времени и для него будет иметь смысл такое понятие, как «момент творения». На уровне же Всевышнего все подобные высказывания будут абсолютно бессмысленными, абсурдными, поскольку времени для Него не существует, Он пребывает в

вечности и, соответственно, такое понятие, как «момент творения», для Творца просто-напросто отсутствует: «И если дело обстоит так, что Бог является и абсолютной возможностью, и действительным бытием, а также и связью их обоих, и что поэтому Он является всем возможным бытием в качестве действительного, — ясно, что Он в свернутом виде есть все. Ведь все, что каким-нибудь образом существует или может существовать, в самом начале присутствует в свернутом виде. А все, что создано и будет создано, развертывается из того, в чем оно существует в свернутом виде... Я утверждаю, что все это в свернутом виде в Боге есть Бог, подобно тому, как в развернутом виде в мирской твари оно есть мир» [5, с. 141].

Николай Кузанский здесь высказывает мысль о том, что вся Вселенная, существовавшая когда-либо, существующая сейчас и будущая на уровне бытия человека обладает актуальным бытием всегда на уровне Всевышнего, в самом Всевышнем в потенциальном, «свернутом» виде. Обратим внимание, что, употребляя термин «развертывание», Николай Кузанский, по сути, описывает именно эманацию. Более того, философ утверждает, что понятия «бытие» и «небытие» берут начало в Творце, но имеют смысл только на уровне творения. На уровне же Всевышнего в них нет никакого смысла, поскольку там бытие есть небытие, а небытие — бытие. Актуально, налично абсолютно все, а значит, ничего — в этом основа парадоксальности бытия Всевышнего в отношении сознания человека: «Ведь небытие, поскольку оно может быть благодаря Всемогущему, во всяком случае, обладает действительным бытием, поскольку абсолютная возможность обладает во Всемогущем действительным бытием. И если что-нибудь может возникнуть из небытия, то, какова бы ни была возможность такого возникновения,

она, во всяком случае, налична в бесконечной возможности в свернутом виде. Следовательно, “не быть” означает там “быть всем”. Поэтому там, где возможность есть бытие, находится всякое творение, которое может быть приведено из небытия в бытие, и там оно есть сама возможность-бытие» [5, с. 152]. Здесь философ снова, со времен Платона, поднимает проблему бытия небытия и небытия бытия, но уже на теологическом уровне.

Обратим внимание на то, что Николай Кузанский подчеркивает неистощимость творческой мощи Всевышнего при актуальном наличии всего творения в Творце, не это ли базовые характеристики эманации, которые использовали в своей философии до этого и неоплатоники и еврейские мистики! Конечно, Николай Кузанский нигде напрямую не называет этот процесс эманацией, возможно, из-за опасений по поводу того, чтобы его не заподозрили в неоплатонизме, однако очевидно, что именно этот процесс он имеет в виду: «Отсюда следует, что Начало не истощает своей всемогущей силы ни в чем, могущем быть. Поэтому ни одно творение не есть возможность-бытие. Отсюда, всякое творение может быть тем, чем оно не является. Только одно Начало, поскольку оно есть сама возможность-бытие, не может быть тем, чем оно не является» [5, с. 153].

Далее философ находит достаточно удачную аналогию процессу творения — писатель и его книга. В этом он не был первым, вспомним хотя бы сборник древнееврейских мидрашей «Берешит раба», где говорится о том, что в основе творения мира лежит Тора: «Святой, благословен Он, глядел в Тору и творил мир» [6, с. 71]. Николай Кузанский продолжает эту традицию, говоря о том, что книга (весь тварный мир) еще до того, как реализоваться во времени и пространстве, в материальном мире, полностью реализована в писателе (Всевышнем) [5, с. 154].

Резюмируя свою идею «возможности-бытия», Николай Кузанский как бы объединяет учение Аристотеля о форме/материи, акте/потенции и монотеистическое учение о творении, где Бог является Формой всех форм и Первопричиной, неявно используя при этом идею эманации [5, с. 180].

Проблема творения мира и связанные с ней вопросы взаимоотношения Творца и творения также интересовали выдающихся русских религиозных философов XX в. Например, С. Л. Франк описывает отношения между Богом и миром термином «трансрациональность», подчеркивая ее непостижимую человеческим разумом природу. В то же время идею эманации он относит к рационально постижимым, противопоставляя ее монотеистической тайне творения. При этом, однако, философ признает определенную долю истины в идее эманации, поскольку именно такая идея способна одновременно выражать и отделенность мира от Творца, и их неразрывную связь. Тем не менее С. Л. Франк не может применить «языческую» идею эманации в отношении описания монотеистического сосуществования Бога и мира, поэтому он создает собственный термин для описания этого процесса: «трансрационально-антиномистического монодуализма – как внутреннее единство двух или как двойственность одного» [8, с. 522].

Мы видим, что, с одной стороны, философ отвергает идею эманации в ее классическом, неоплатоническом варианте, с другой – именно эта идея была взята им за основу для выработки собственного понимания проблемы и ее решения. С. Л. Франк предлагает свое оригинальное понятие для определения парадоксальных отношений между Богом и миром в рамках тварного процесса: «трансрационально-антиномистический монодуализм». Понятие сложное и многогранное, которое сразу же указывает нам на парадоксальность и неразрешим-

мость этой проблемы в рамках логики и рационального мышления. Это описание состояния, которое одновременно должно обладать взаимоисключающими характеристиками: единством и разьединенностью. В попытке разъяснить эти сложные взаимоотношения С. Л. Франк ссылается также на Николая Кузанского, о котором мы говорили выше. Кроме всего прочего, философ использует понятие «всеединство», очень важное не только для него самого, но и для целой плеяды русских религиозных философов, о которых речь пойдет ниже. С. Л. Франк проясняет свою точку зрения следующим образом: мир (творение) находится во всеединстве Творца, но в то же время ни в коем случае не является Его частью. Он пишет: «Само “бытие-вне-Бога”, – сам момент “вне” и “отдельно” – находится в Боге, как и все вообще. Напомним опять глубокое изречение Николая Кузанского, что непостижимое единство Бога открывается сполна лишь в антиномическом единстве «Творца» и «творения» [8, с. 524].

С. Л. Франк продолжает идею Николая Кузанского о том, что творение – это «иное» Бога, описывая мир в качестве своеобразного материального облачения для абсолютно нематериального Творца. Несомненно, здесь угадываются чисто христианские мотивы очеловечивания (материализации) Бога в образе Иисуса, облачившегося плотью и явившего себя миру. Описывая этот процесс, философ как будто видит, как идеальное уплотняется, сгущается и становится осязаемой материей, своеобразным одеянием Творца. Мир – как бы одновременно и Творец, и нечто иное, отличное от Него, и снова философ пытается нащупать некую середину между эманацией и творением: «Мир не есть ни сам Бог, ни нечто логически “иное” чем Бог, и в этом смысле ему “чуждое” – мир есть «одеяние» Бога, «киное самого Бога» или, как говорит Николай Кузанский, *explicatio Dei*. Мир есть то «иное

Бога», в котором «раскрывается», «выражается» Бог» [8, с. 525].

Здесь обращает на себя внимание оригинальность и парадоксальность языка С. Л. Франка. Философ пытается осмыслить тварный мир как «иное Бога», но не логически иное или чуждое, а как некую иную сторону самого Бога. Получается, что Всевышний творит мир в качестве своей иной стороны – это выглядит как некая попытка Бога взглянуть на себя со стороны, если так можно выразиться.

Любопытно, что С. Л. Франк также рассматривает описание процесса творения и с каббалистической точки зрения: «Мифологическая история творения или возникновения мира, изложенная в Каббале, чрезвычайно наглядно изображает это рождение мира из лона самого Божьего “не”, описывая, что Бог, будучи первоначально всеобъемлющей бесконечной полнотой, сжимается, уходит вовнутрь себя, в силу чего вокруг него образуется “пустое” пространство – как бы Божье “не” или “нет”, – на которое он отбрасывает, проецирует отблеск своего собственного существа, именно образ “небесного человека” – и тем “творит мир”» [8, с. 526–527].

Несмотря на то что философ со своей христианской позиции называет учение каббалы мифологическим, он не опровергает его, а скорее приводит здесь в качестве подкрепления своих идей. Однако обратим внимание на то, что данное описание отличается от приведенного нами в начале статьи: С. Л. Франк описывает процесс сжатия (цимцума) не вовне, от центра, а наоборот, внутрь к центру, оставляя миру всю периферию. Понятно, что так описываемое творение противоречит всей концепции Абсолютного Творца: получается, что вследствие сжатия Всевышний заключает Себя в рамки собственного творения, ограничивает Себя миром, что является не логичным с точки зрения зрелой (лурианской) каббалы.

С. Л. Франк здесь опирается на понимание более ранней (долурианской) каббалы, которая, согласно Г. Шолему, основывается на комментарии Нахманида к «Сефер йецира» и некоем малоизвестном трактате середины XIII в. [9, с. 325]. Трудно сказать, почему философ использует в своих рассуждениях раннюю, малоизвестную версию каббалистического учения, а не общепринятую и распространенную в его время, но факт остается фактом. Вероятнее всего, именно такая ранняя версия каббалы больше подходит его собственным идеям, его собственной философии.

Если мы рассмотрим другого выдающегося русского религиозного философа – С. Н. Булгакова, то увидим, что он также выступает против неоплатонического (классического) учения об эманации, т. е. эманации как некоего пассивного, безвольного, произвольного истечения творения из Творца, поэтому он по-своему интерпретирует понятие эманации, видоизменяет его и в результате говорит о творчески, инициативно направленной эманации, подчеркивая осмысленность и волевой характер акта творения. Он пишет: «Мир реален в своей божественной основе, поскольку бытие его есть бытие в Абсолютном, – в этом сходятся идеи как творения, так и эманации. Но в идее творения мир полагается вместе с тем и вне Абсолютного, как самобытное относительное» [3, с. 157].

С. Н. Булгаков использует аналогию, которая очень хорошо иллюстрирует каббалистическое понимание взаимоотношений мира и Бога в процессе творения, – ребенок в утробе матери: с одной стороны, ребенок – это уже некая самостоятельная жизнь, он отличен от тела матери, в нем уже происходят индивидуальные процессы, с другой – он не может существовать без тела матери, поскольку получает от нее питание, защищен ее телом от разрушительного воздействия окружающей среды и т. д.: «Мир

покоится в лоне Божиим, как дитя в утробе матери» [3, с. 158].

Философ, однако, не отвергает идею эманации, а включает ее как одну из составляющих в понятие творения мира Богом. Причем он неоднократно упоминает, что квинтэссенция акта творения воплощается в творческом речении Бога: «Да будет!» Эта мысль явно перекликается с древнееврейским учением о том, что мир был сотворен десятью речениями, каждое из которых начинается словами: «И сказал Творец...». В частности, это учение изложено в одном из ранних сборников мидрашей «Пиркей де раби Элиезер» («Поучения великого раби Элиезера») [7, с. 22]. С. Н. Булгаков объединяет понятия творения и эманации, включая одно в другое. Философ считает, что понятие творения шире понятия эманации, как бы вбирает в себя последнее. Действительно, и в монотеистической картине мира вполне уместна аналогия с переполняющимся через край Источником бесконечного блага, но обязательно и дополнение в качестве целеполагающего, волевого акта «Да будет!» [3, с. 158].

Кроме того, С. Н. Булгаков переосмысливает роль небытия, ничто в учении о творении. Как известно, согласно авраамической традиции, зафиксированной в текстах Торы, Библии и Корана, Всевышний творит мир из ничего – вот именно об этом «ничто» идет речь. Философ считает, что это небытие посредством творческого акта преобразуется в некое мирообразующее начало, в нечто, проявляющее божественные энергии, которыми пронизано все творение. Конечно, нельзя забывать, что в монотеистической картине мира нет места первоматерии, никакого «что», из которого Бог творит. Использование же термина «ничто» намекает на некое первобытие – это все та

же платоновская проблема бытия небытия. Еще Платон в диалоге «Софист» задает следующий вопрос: как возможно бытие небытия? Дело в том, что использование некоего понятия для обозначения «ничто» (для обозначения ничего), мягко говоря, странно, ведь использование какого-либо понятия уже несет в себе (автоматически) указание на нечто, существующее (присутствующее), на то, что есть. Даже если мы говорим о несуществовании небытия как реального объекта, мы не можем избавиться от утверждения существования самого понятия «небытие». При этом надо не забывать, что мы все это время находимся в рамках исключительно абстрактных понятий, где грань между реальным и нереальным чаще всего проследить невозможно, а, точнее, все вообще становится реальным, поскольку все обладает понятием, где можно рассуждать только в рамках диалектики.

Обсуждение и заключение

Итак, рассмотрев различные философские и теологические концепции мыслителей, принадлежавших к разным религиозным направлениям, но объединенных авраамической традицией, мы можем сделать определенные выводы о том, как они пытались решить основной парадокс идеи творения. Во-первых, все они так или иначе основываются на идее эманации, которая берет начало в античной мысли: платонизме и неоплатонизме. Во-вторых, каждый из философов, рассмотренных нами, по-своему интерпретировал или преобразовывал идею эманации, встраивая ее в идею творения мира Богом. Таким образом, философский сплав одной из оригинальных идей античности и фундаментальной идеи авраамической традиции дает нам возможность приблизиться к решению одного из самых сложных парадоксов религиозной мысли.

Список источников

1. *Аверроэс*. Опровержение опровержения. СПб.: Алетейя, 2020. 690 с.
2. *Бар Лев Йехиэль*. Начала теоретической каббалы. Иерусалим. Толдот Йешурун, 2010. 273 с.
3. *Булгаков С. Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
4. Кембриджская история поздней греческой и ранней средневековой философии / под ред. А. Х. Армстронга. СПб.: Владимир Даль, 2021. 807 с.
5. *Кузанский Н.* Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1980. Т. 2. 471 с.
6. Мидраш раба [Великий мидраш]: в 10 т. Т. 1. Берешит раба / под общ. ред. М. Яглома. М.: Книжники; Лехаим, 2012. 878 с.
7. Пиркей де раби Элиезер / пер. с иврита С. Элиашвили. М.: Община горских евреев «Байт Сфаради» («Наш общий дом»), 2019. 444 с.
8. *Франк С. Л.* Сочинения. М.: Правда, 1990. 607 с.
9. *Шолем Г. Г.* Основные течения в еврейской мистике. М.: Мосты культуры, 2008. 510 с.

References

1. *Averroes*. Incoherence of the Incoherence. St. Petersburg, Aletheia Publ. 2020. (In Russ.)
2. *Rabbi Yechiel Bar Lev*. The Beginnings of Theoretical Kabbalah. Jerusalem, Toldos Yeshurun Publ. 2010. (In Russ.)
3. *Bulgacov S. N.* Unfading Light. Moscow, Respublica Publ. 1994. (In Russ.)
4. *Armstrong A. H., Merlan P.* (eds) The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ. 2021. (In Russ.)
5. *Nicholas of Kues*. Works. Vol. 2. Moscow, Misl Publ. 1980. (In Russ.)
6. Midrash Rabba. Vol. 1. Moscow, Knizniky Publ. 2012. (In Russ.)
7. Rabbi Eliezer ben Hurcanus. Pirke De Rabbi Eliezer. Moscow, Bait Sfarady Publ. 2019. (In Russ.)
8. *Frank S. L.* Works. Moscow, Pravda Publ. 1990. (In Russ.)
9. *Scholem G. G.* Major Trends in Jewish Mysticism. Moscow, Gesharim Publ. 2008. (In Russ.)

Поступила 27.02.2025.

Сведения об авторе

Краснов Алексей Максимович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Курского государственного медицинского университета (Курск, Россия). Сфера научных интересов: античная и средневековая философия, иудаизм, иудео-христианство, раннее христианство.

E-mail: alex_krasnov@yahoo.com

Submitted 27.02.2025.

About the author

Aleksey M. Krasnov – Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Kursk State Medical University (Kursk, Russia). Research interests: Ancient and Medieval Philosophy, Judaism, Judeo-Christianity, Early Christianity.

E-mail: alex_krasnov@yahoo.com

Психология

Psychology

ISSN 2078-9823 (Print), ISSN 2587-7879 (Online)
DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.296-312

УДК 159.922.2

Ж. Г. Гаранина¹, А. А. Староверов², Е. П. Соколова³

*^{1, 2, 3} Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)*

¹ e-mail: garanina23@mail.ru

² e-mail: aleksandr.staroverov00@mail.ru

³ e-mail: sokolep@mail.ru

Взаимосвязь личностных особенностей и установок по отношению к интернету у студентов вуза

Аннотация

Введение. В статье рассматривается проблема взаимосвязи личностных особенностей и установок по отношению к интернету у студентов. Анализируются теоретические подходы к проблеме установок по отношению к интернету и влияющих на них факторов.

Материалы и методы. Эмпирическое исследование, участниками которого стали 110 студентов, проводилось на базе ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва». Были использованы следующие методики: тест-опросник самоотношения В. В. Столина, С. Р. Пантилеева, опросник «Мотивация пребывания человека в социальных сетях» Л. В. Трубицыной, Е. А. Феоктистовой, опросник установок по отношению к интернету Э. Губенко, опросник самопрезентации в социальной сети (адаптация методики Self-Presentation, SPFBQ) Д. С. Корниенко, Н. А. Рудновой. Математическая обработка полученных результатов проводилась с помощью корреляционного анализа Пирсона.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования выявлены корреляционные взаимосвязи между такими личностными качествами студентов, как самоотношение и образ-Я, и установками по проблемному использованию интернета, мотивами избегания неприятностей, а также личными и бытовыми мотивами пребывания в интернете.

Обсуждение и заключение. Структура самоотношения играет ключевую роль в отношении к интернет-среде. Чем целостнее и устойчивее является представление о себе, тем более конструктивными и целенаправленными оказываются мотивы пребывания в интернете. У студентов с выраженными установками в отношении проблемного использования интернета наблюдается тенденция к поиску подтверждения своей ценности, актуализации собственного «Я» или стремление к преодолению чувства неполноценности в виртуальной среде.

© Гаранина Ж. Г., Староверов А. А., Соколова Е. П., 2025

Ключевые слова: студенты, самоотношение, самопрезентация, установки, интернет-среда, социальные сети, мотивы пребывания в интернете.

Для цитирования: Гаранина Ж. Г., Староверов А. А., Соколова Е. П. Взаимосвязь личностных особенностей и установок по отношению к интернету у студентов вуза // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 3. С. 296–312. DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.296-312.

Zhanna G. Garanina¹, Aleksandr A. Staroverov², Elena P. Sokolova³

^{1, 2, 3} National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)

¹ e-mail: garanina23@mail.ru

² e-mail: aleksandr.staroverov00@mail.ru

³ e-mail: sokolep@mail.ru

The Relationship Between Personality Traits and Attitudes Toward the Internet Among University Students

Abstract

Introduction. The article examines the problem of the relationship between personality traits and attitudes toward the Internet among students. Theoretical approaches to the problem of attitudes toward the Internet and the factors influencing them are analyzed.

Materials and Methods. The empirical study was conducted at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ogarev Mordovia State University”, with 110 students participating. The following methods were used: self-attitude test questionnaire by V. V. Stolin, S. R. Pantileev, “Motivation for a person to be on social networks” questionnaire by L. V. Trubitsyna, E. A. Feoktistova, attitudes toward the Internet questionnaire by E. Gubenko, self-presentation questionnaire on a social network (adaptation of the Self-Presentation method, SPFBQ) by D. S. Kornienko, N. A. Rudnova. Mathematical processing of the obtained results was carried out using Pearson correlation analysis.

Results. As a result of the study, correlation relationships were revealed between such personal qualities of students as self-attitude and self-image and attitudes towards problematic use of the Internet, motives for avoiding troubles, as well as personal and everyday motives for being on the Internet.

Discussion and Conclusion. The structure of self-attitude plays important role in the attitude towards the Internet environment. The more holistic and stable the idea of oneself is, the more constructive and purposeful are the motives for being on the Internet. Students with pronounced attitudes towards problematic use of the Internet tend to seek confirmation of their value, actualization of their own “I” or the desire to overcome the feeling of inferiority in the virtual environment.

Keywords: students, self-attitude, self-presentation, attitudes, Internet environment, social networks, motives for being on the Internet.

For citation: Garanina Zh. G., Staroverov A. A., Sokolova E. P. The Relationship Between Personality Traits and Attitudes Toward the Internet Among University Students. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(3): 296–312. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.071.025.202503.296-312.

Введение

Интернет-среда в настоящее время приобретает всё большую популярность и значимость у всех слоев населения. Особенно

большую роль она играет в жизни молодого поколения, оказывая огромное влияние на сознание и поведение подростков и молодежи. Множество современных психоло-

гов, социологов и педагогов отмечают как позитивные, так и негативные эффекты вовлеченности молодежи в интернет-среду. Среди наиболее деструктивных последствий влияния интернета на личность можно выделить манипуляции сознанием и поведением, интернет-зависимость, интернет-мошенничество, вовлечение в противозаконную деятельность и т. п., что наносит огромный финансовый, социальный и психологический ущерб.

Интернет может оказывать мощное информационное, мотивационное и эмоциональное воздействие на личность и охватывает практически все сферы жизни людей. Он выступает не просто как инструмент получения информации или коммуникации, но как пространство, где личность пытается реализовать свои субъективные цели, часто имеющие глубоко персональный характер. Человек часто использует виртуальное пространство для восполнения недостатка в реальных достижениях, признании, поддержке или других формах удовлетворения базовых и вторичных потребностей. При этом чрезмерная вовлеченность в интернет-среду связана с различными индивидуальными качествами молодежи, отражающими рефлексивные, эмоциональные и интеллектуальные стороны личности.

Целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи таких личностных особенностей студентов, как самосознание и самоотношение, с установками по отношению к интернет-среде.

Анализу проблемы отношения молодежи к интернету и ее связи с личностными свойствами посвящено множество современных исследований. Так, в работе И. В. Воробьевой и О. В. Кружковой рассматриваются индивидуально-психологические качества молодежи, влияющие на ее подверженность воздействию интернета [2]. В работах Н. Л. Сунгуровой, С. Е. Паньшиной исследуются установки по

отношению к интернету студентов различных направлений подготовки, которые формируются как в реальном общении, так и под влиянием интернет-взаимодействия [7; 12].

Огромное количество работ посвящено проблеме зависимости от интернета и изучению личностных качеств, обуславливающих данную зависимость. В частности, в работах П. А. Понизовского, Л. Н. Юрьевой, анализируются индивидуально-психологические свойства мужчин и женщин, подверженных интернет-зависимости [8; 13]. В работах С. V. Koçak, Yu. Asieieva, O. L. Moskalenko и др. рассматриваются различные факторы, влияющие на интернет-зависимость студентов [14–16]. Проведенное нами исследование показывает, что среди личностных особенностей, влияющих на подверженность студентов зависимости от интернета и смартфонов, можно выделить такие рефлексивные свойства, как низкий уровень самооценки и самоконтроля [3].

Большое внимание современных исследователей уделяется такой сложной форме взаимодействия молодежи с интернет-средой, как манипулирование. Так, в работах Н. Я. Ефремовой и В. Б. Строганова рассматриваются различные интернет-технологии манипулирования информационными потоками, а также сознанием и поведением подрастающего поколения [4; 11]. Среди наиболее распространенных способов манипулирования в интернет-среде авторы отмечают фальсификацию фактов, создание лжесобытий, троллинг, ссылки на авторитетные источники и др.

В. Е. Максимов описывает большое количество техник манипулирования сознанием молодежи в социальных сетях, среди которых наиболее часто встречаются такие способы интернет-манипуляции, как обращение к авторитетам, многократный повтор и т. п. [5]. М. Ю. Семёнов рассматривает такие способы мошенничества в интерне-

те, как фишинг (хищение личных данных), онлайн-продажи товаров и услуг, мошенничество в сфере интернет-банкинга и др. [10]. Н. Н. Присяжнюк и Б. Д. Коваленко подробно изучают суггестивные возможности манипуляции сознанием молодежи в интернете. В частности, они рассматривают лингвосуггестивные технологии, основанные на не критическом восприятии информации и особенностях построения внушающего сообщения [9].

Анализ проблемы интернет-воздействия на молодежь показывает необходимость изучения и разработки методов противостояния деструктивному влиянию интернета, а также выявлению психологических факторов, обеспечивающих толерантность к негативному влиянию интернета на личность. Среди работ, посвященных проблеме защиты от деструктивных интернет-манипуляций, можно выделить исследование В. П. Охупкина и соавторов, в котором рассматриваются методы выявления деструктивного воздействия в социальных сетях [6], а также работу Ж. К. Алимсеитовой и А. А. Бакпокпаева, в которой авторы изучают личностные особенности молодежи, влияющие на подверженность манипуляциям в интернет-среде, и рассматривают способы противостояния им [1; 11].

Проведенный теоретический анализ литературы показывает многообразие видов и способов деструктивного влияния интернета на молодежь, а также факторов, обеспечивающих подверженность данным влияниям, среди которых можно выделить объективные факторы, связанные с особенностями и техниками построения интернет-воздействий, а также субъективные факторы, обусловленные личностными особенностями интернет-пользователей. К их числу можно отнести рефлексивные, эмоциональные и интеллектуальные свойства, мотивационные состояния, а также установки молодежи по отношению к ин-

тернету. Поскольку данные установки оказывают значительное влияние на поведение молодежи в интернет-среде, представляет интерес исследование вопроса о том, как они взаимосвязаны с личностными особенностями студентов.

Материалы и методы

Для изучения установок по отношению к интернету и их связи с личностными особенностями студентов нами проводилось эмпирическое исследование на базе ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва». В нем приняли участие 110 студентов первого и второго курсов направления подготовки «Психология». Средний возраст респондентов – 18,6 года.

Для проведения эмпирического исследования были использованы следующие методики: тест-опросник самоотношения (ОСО) (В. В. Столин, С. Р. Пантеев); опросник «Мотивация пребывания человека в социальных сетях» (Л. В. Трубицына, Е. А. Феоктистова); опросник установок по отношению к интернету (Online Cognition Scale, OCS) (Э. Губенко), включающий общую шкалу проблематичного использования интернета, а также такие шкалы, как «Социальный комфорт», «Одиночество/депрессия», «Сниженный самоконтроль» и «Отвлечение»; опросник самопрезентации в социальной сети (адаптация методики Self-Presentation, SPFBQ), позволяющий оценить такие характеристики самопрезентации в социальных сетях, как реальное Я и фальшивое Я. Результаты проведенного исследования обрабатывались с помощью корреляционного анализа Пирсона.

Результаты исследования

Результаты проведенного исследования, полученные с помощью опросника установок по отношению к интернету, представлены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, выявленные средние показатели по таким шкалам, как

Таблица 1
Результаты исследования установок по отношению к интернету /
Table 1
Results of the study of attitudes towards the Internet

Шкалы / Scales	Средние значения / Average values	Стандартное отклонение / Std. Deviation
Шкала проблематичного использования интернета / Problematic Internet Use Scale	122,0	6,5
Социальный комфорт / Social Comfort	30,1	3,2
Одиночество/депрессия / Loneliness/Depression	24,7	3,3
Сниженный самоконтроль / Reduced Self-Control	31,5	4,1
Отвлечение / Distraction	38,7	3,7

«Шкала проблематичного использования интернета», «Социальный комфорт» и «Одиночество/депрессия», находятся на уровне ниже средних значений, что говорит об умеренном интересе респондентов к использованию интернета, о недостаточном удовлетворении от пребывания в интернете, а также о том, что студенты вполне могут обходиться без интернет-общения. По шкале «Сниженный самоконтроль» среднее значение находится в пределах средней нормы, т. е. респонденты испытывают трудности с контролем своего времени пребывания в интернете. По шкале «Отвлечение» средний показатель находится выше средних значений, что свидетельствует о стремлении использовать интернет как способ отвлечься, уйти от реальной жизни.

Результаты, полученные в ходе проведения теста-опросника самопрезентации в социальных сетях, показывают, что выявленные показатели по шкале «Реальное Я» выше средних значений, что свидетельствует о том, что испытуемые имеют адекватную самооценку, и не пытаются создавать ложный образ себя в социальных сетях. У них есть стремление показать разнообразные стороны своей личности, не создавая фальшивого образа. Значение по шкале «Фальшивое Я» ниже среднего – это также говорит о том, что у студентов нет стремления показать себя тем, кем они не являются.

Результаты опросника мотивации пребывания человека в социальных сетях представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, такие интернет-мотивы, как скука, общение, социальная поддержка, интересы (хобби), отдых, бытовые мотивы, воспитание детей, рабочие мотивы, ограничение, имеют показатели выше среднего.

Показатели таких интернет-мотивов, как уход от проблем, информация, личные мотивы, власть, сетевые мотивы, мода, избегание неприятностей, зависимость, – ниже средних значений.

Результаты тест-опросника самоотношения представлены в табл. 3.

Полученные результаты по шкале «Глобальное самоотношение» выше средних значений, что свидетельствует о позитивном отношении испытуемых к собственному Я. Они принимают свою индивидуальность и свое место в обществе. По шкале «Самоуважение» выявленный показатель выше среднего, что говорит об уверенности респондентов в себе и в своих достижениях. По шкалам «Аутосимпатия» и «Самоинтерес» также показатели выше среднего, что говорит о преобладании позитивных самооценок у испытуемых, стремлении к рефлексии и самопознанию.

Полученные значения отражены в табл. 4. Полученные результаты показывают,

Таблица 2

Результаты опросника мотивации пребывания в социальных сетях /
Table 2
Results of the questionnaire on motivation to stay in social networks

Шкалы / Scales	Средние значения / Average values	Стандартное отклонение / Std. Deviation
Интернет-мотивация / Internet motivation	2,88	1,38
Скука / Boredom	3,86	1,91
Уход от проблем / Escape from problems	2,12	1,08
Общение / Communication	3,84	1,85
Социальная поддержка / Social support	3,82	1,85
Интересы / Interests	2,82	1,38
Отдых / Rest	3,47	1,68
Информация / Information	2,51	1,23
Личные мотивы / Personal motives	2,27	1,16
Власть, влияние / Power, influence	2,26	1,20
Бытовые мотивы / Everyday motives	3,94	1,91
Воспитание детей / Raising children	3,52	1,85
Рабочие мотивы / Work motives	3,33	1,60
Сетевые мотивы / Network motives	2,17	1,14
Мода / Fashion	2,45	1,24
Избегание неприятностей / Avoiding troubles	2,64	1,27
Зависимость / Addiction	2,34	1,12

Таблица 3

Результаты тест-опросника самооотношения /
Table 3
Results of the self-attitude test questionnaire

Шкалы / Scales	Средние значения / Average values	Стандартное отклонение / Std. Deviation
Глобальное самооотношение / Global self-attitude	78	4,5
Самоуважение / Self-esteem	79	3,8
Аутосимпатия / Autosympathy	81	4,1
Ожидаемое отношение / Expected attitude	53	5,1
Самоинтерес / Self-interest	80	5,3

что существуют статистически значимые корреляционные связи между особенностями самооотношения и установками по отношению к интернету у студентов.

Выявлена статистически значимая взаимосвязь между самооотношением и таки-

ми мотивами пребывания в интернете, как личные мотивы ($r = 0,324$ при $p < 0,05$). Под личными мотивами подразумеваются такие цели использования Сети, которые связаны с саморазвитием, самопознанием, поиском знаний, расширением кругозора и

Таблица 4
**Корреляционные взаимосвязи между установками
 по отношению к интернету и самооотношением студентов /**
 Table 4
**Correlations between attitudes towards
 the Internet and students' self-attitudes**

Мотивы пребывания в интернете / Reasons for being on the Internet	Глобальное самооотношение / Global Self-Attitude	Реальное Я / Real Self	Фальшивое Я / False Self	Интернет-зависимость / Internet Addiction	Шкала проблематичного использования интернета / Problematic Internet Use Scale
Интернет-мотивация / Internet-motivation	0,108	0,268*	0,079	0,33*	0,229
Скука / Boredom	-0,214	0,113	-0,185	-0,185	-0,065
Уход от проблем / Escape from problems	0,2	0,301*	0,081	0,204	0,372*
Общение / Communication	-0,065	0,129	-0,151	-0,30*	-0,113
Социальная поддержка / Social support	0,153	0,021	-0,474**	-0,277	-0,255
Интересы / Interests	0,065	0,389**	0,263	0,179	0,109
Отдых / Rest	0,108	0,209	0,017	0	0
Информация / Information	0	0,012	0,049	0,575*	0,246
Личные мотивы / Personal motives	0,324*	-0,103	0,152	0,47*	0,633**
Власть, влияние / Power, influence	0,169	0,151	0,264	0,315*	0,345*
Бытовые мотивы / Everyday motives	-0,386*	0,243	-0,266	-0,347*	-0,574*
Воспитание детей / Raising children	-0,019	0,033	0,024	-0,22	-0,088
Рабочие мотивы / Work motives	-0,120	0,248	-0,140	-0,086	0,338*
Сетевые мотивы / Network motives	0,306*	0,368*	0,198	0,281	0,43**
Мода / Fashion	0,263	0,119	0,347*	0,346*	0,545**
Избегание неприятностей / Avoiding troubles	-0,050	-0,336*	0,212	-0,043	0,32*
Зависимость / Addiction	0,072	-0,017	0,250	—	0,417**

Примечание. ** – при $p < 0,01$; * – при $p < 0,05$.

интеллектуальным ростом. Также выявлена взаимосвязь между самооотношением и сетевыми мотивами ($r = 0,306$ при $p < 0,05$).

Отрицательная взаимосвязь между самооотношением и бытовыми мотивами ($r = -0,386$ при $p < 0,05$) свидетельствует о том, что чем ниже уровень самооотношения студентов, тем больше они склонны использовать интернет, побуждаясь бытовыми мотивами.

Выявлены статистически значимые взаимосвязи между реальным Я и такими интернет-мотивами, как избегание неприятностей ($r = -0,336$ при $p < 0,05$), интересами ($r = 0,389$ при $p < 0,01$), и сетевыми мотивами ($r = 0,368$ при $p < 0,01$). Также существует сильная отрицательная взаимосвязь между фальшивым Я и таким интернет-мотивом, как социальная поддержка ($r = -0,474$ при $p < 0,01$).

Сильная корреляционная взаимосвязь выявлена между шкалой «Проблематичное использование интернета» и личными мотивами ($r = 0,633$ при $p < 0,01$), бытовыми мотивами ($r = -0,574$ при $p < 0,01$), мотивом моды ($r = 0,545$ при $p < 0,01$) и сетевыми мотивами ($r = 0,43$ при $p < 0,01$).

Выявлены статистически значимые взаимосвязи между интернет-зависимостью и мотивами пребывания в интернете ($r = 0,33$ при $p < 0,05$), а также между интернет-зависимостью и мотивами получения информации ($r = 0,575$ при $p < 0,01$), личными мотивами ($r = 0,47$ при $p < 0,01$), мотивами власти ($r = 0,315$ при $p < 0,05$), бытовыми мотивами ($r = -0,347$ при $p < 0,05$) и модой ($r = 0,346$ при $p < 0,05$).

Проведенный корреляционный анализ выявил также наличие положительных связей между шкалой «Проблематичное использование интернета» и склонностью к использованию Сети в качестве средства эмоционального ухода от проблем ($r = 0,372$ при $p < 0,05$), а также со шкалой «Личные мотивы» ($r = 0,633$ при $p < 0,01$). Выяв-

лена также отрицательная взаимосвязь между шкалой «Проблематичное использование интернета» и бытовыми мотивами ($r = -0,574$ при $p < 0,01$), Шкала «Проблематичное использование интернета» имеет взаимосвязи со шкалой «Рабочие мотивы» ($r = 0,338$ при $p < 0,05$), со шкалой «Сетевые мотивы» ($r = 0,430$ при $p < 0,01$), а также со шкалой «Мода» ($r = 0,545$ при $p < 0,01$).

Обсуждение и заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что студенты используют интернет для того, чтобы пообщаться с близкими, отдохнуть, узнать полезную для себя информацию, научиться чему-то новому. При этом испытуемые часто переживают негативные эмоции в реальной жизни, и социальные сети способны отвлечь их от скуки. Также наблюдается ограничение времени посещения социальных сетей, что говорит об осознанном распределением времени.

Студенты часто испытывают проблемы с самоконтролем времени пребывания в интернете и невозможностью распределять дела должным образом. Интернет служит способом отвлечения от проблем в реальной жизни.

Испытуемые нечасто используют социальные сети в качестве источника информации, не заинтересованы в моде, а также у них слабо выражено стремление как-то проявить себя в социальных сетях. Кроме того, у студентов слабо выражен мотив использования интернета как способа ухода от проблем и выражена низкая зависимость от социальных сетей.

Выявленные корреляционные связи между самооотношением и такими мотивами пребывания в интернете, как личные мотивы, позволяют предположить, что высокий уровень самооотношения способствует более продуктивному и осознанному взаимодействию с цифровой средой, где акцент делается на личностные достижения. Это

может учитываться в поиске информации, чтении научных статей, прослушивании учебных материалов, в том числе на онлайн-курсах, и других формах активности, направленных на самосовершенствование.

Полученные данные о взаимосвязи самоотношения и сетевых мотивов говорят о том, что чем позитивнее самоотношение, тем выше стремление использовать интернет в конкретных, осмысленных и активных формах. Так, пользователи воспринимают интернет не просто как источник развлечений или ухода от реальности, а как инструмент достижения конкретных целей. Для студентов интернет становится не просто отвлечением, а активно используемым ресурсом, который служит реализации личностных задач. Это может включаться в широкий спектр деятельности – от участия в профессиональных сообществах, создания контента, обучения, организации проектов, поиска информации и поддержания социальных контактов. В данном случае Сеть обеспечивает расширение возможностей личности, предоставляя ей доступ к ресурсам, адаптерам для самореализации и развития.

Отрицательная корреляционная взаимосвязь между самоотношением и бытовыми мотивами пребывания в интернете позволяет предположить, что у людей с более низким самоотношением интернет обеспечивает функцию замещения, помогая компенсировать недостаточную организованность и контроль жизни. Для таких пользователей Сеть становится не просто вспомогательным средством, а основным средством регулирования повседневных процессов – ожидания планирования времени, организации покупок, управления финансами или выполнения других бытовых операций.

Одним из центральных аспектов самоотношения личности и ее поведения в цифровой среде является анализ взаимосвязей

между уровнем выраженности реального Я и уходом от проблем с помощью интернета. Статистически значимая взаимосвязь между данными параметрами позволяет предположить, что те студенты, которые имеют четкое представление о себе, чаще всего могут прибегать к интернету как к способу отвлечения от проблем. Это может быть связано с тем, что осознание естественных ограничений и сложностей жизни требует потребности в эмоциональной разрядке и виртуальная среда становится комфортным пространством для такого рода психологической регуляции. Интернет предоставляет возможность перейти в другую реальность, где внимание переключается с болезненных мыслей на более приятные и увлекательные занятия, будь то просмотр видео, участие в онлайн-играх, чтение материалов, прослушивание музыки или общение с сообществами. Уход от проблем через интернет может выполнять функцию временного психологического убежища, позволяющую каждому человеку переживать периоды повышенного стресса без непосредственного воздействия на источник проблемы. Такой способ может восприниматься как приемлемый и контролируемый, помогающий осознавать временный характер своего поведения и считать его частью стратегии саморегуляции.

В рамках анализа психологических аспектов, связанных с поведением личности в киберпространстве, особое внимание уделяется взаимосвязям между уровнями выраженности реального Я, мотивационными установками, определяющими пребывание в интернете, а также индивидуальными интересами и склонностью к избеганию неприятных переживаний. Так, выявленная положительная корреляция между шкалами «Реальное Я» и «Интересы» свидетельствует о том, что у лиц с более выраженным представлением о собственной идентичности наблюдается повышенная склонность

к использованию интернета, связанная с каким-либо увлечением. Это позволяет предположить, что такие пользователи рассматривают виртуальное пространство как инструмент саморазвития, реализации своего стремления к самопознанию и самореализации. При этом уровень осознанности остается в пределах нормальных показателей, поскольку использование Сети происходит целенаправленно.

Аналогичная положительная связь между реальным Я и сетевыми мотивами указывает на то, что чем яснее у человека сформировано представление о себе в реальной жизни, тем больше он склонен использовать интернет для достижения определенных целей, будь то общение, обучение, поиск информации или профессиональная деятельность. Интересно, что при этом не наблюдается явной склонности к бесполезному или импульсивному проведению времени в Сети, что могло бы характеризовать более выраженные формы зависимости. Напротив, можно отметить, что осознанное отношение к своему Я в реальности обеспечивает формирование четких мотивационных установок в окружающей среде.

Особый интерес представляет собой отрицательная взаимосвязь между реальным Я и шкалой «Избегание неприятностей», что может быть свидетельствовать о том, что лица, реалистично оценивающие свою идентичность, не склонны использовать интернет как средство ухода от жизненных потребностей и эмоционального дискомфорта. Таким образом, можно сделать вывод, что чем более развито реальное Я, тем меньше вероятность того, что человек будет использовать виртуальное пространство в качестве механизма психологического ухода.

Одним из ключевых аспектов, способных оказать воздействие на характер взаимодействия с цифровым пространством, яв-

ляется наличие у пользователя внутренней дисгармонии между реальным образом себя и образом фальшивого Я. Отрицательная корреляция между переменными «Фальшивое Я» и шкалой «Социальная поддержка» свидетельствует о том, что стремление маскировать свою подлинную идентичность, выстраивать воображаемый образ или прибегать к различным формам самопрезентаций, далеким от реального Я, может препятствовать установлению доверительных и эмоциональных значимых контактов. В результате пользователь может столкнуться с чувством неполноценности в реальном мире, что, в свою очередь, приводит к его тяге к интернету как к альтернативной сфере общения, где контроль над собственным образом находится в руках самого человека. Снижение уровня ощущаемой поддержки, в свою очередь, может способствовать углублению в зависимости от интернет-среды, поскольку именно там, в условиях контролируемого взаимодействия, человек получает возможность менять формы общения, основанные на придуманной идентичности, где риск непринятия минимизирован или же полностью исключен. При этом использование интернета становится не просто способом поведения, а стратегией сохранения социальных связей, что в перспективе может привести к их усилению в зависимости от ситуации.

Статистически значимые взаимосвязи между интернет-зависимостью и такими интернет-мотивами, как мотивы пребывания в интернете, мотивы получения информации и личные мотивы, могут говорить о том, что интернет-зависимость чаще возникает у студентов, которые нуждаются в постоянном получении информации в интернете, а также удовлетворяют личные мотивы посредством пребывания в социальных сетях.

Взаимосвязь между интернет-зависимостью и бытовыми мотивами можно

объяснить тем, что бытовые мотивы, ориентированные на решение конкретных практических задач, предполагают более целенаправленное, ограниченное и контролируемое взаимодействие с интернетом. Люди, использующие Сеть обычно для выполнения конкретных задач, как правило, не склонны к длительному и неконтролируемому пребыванию в ней, что может свидетельствовать о наличии четко обозначенных границ между реальностью и интернетом. Можно предположить, что лица с выраженной интернет-зависимостью чаще обращаются к Сети как к средству регуляции эмоционального состояния. Таким образом, снижение уровня бытового мотива можно рассматривать как потенциальный маркер перехода от функционального использования интернета к дисфункциональному, когда онлайн-пространство начинает выполнять компенсаторную роль, замещая собой реальные способы достижения и самореализации.

Выявленная взаимосвязь между шкалами «Интернет-зависимость» и «Мода» может быть связана с рядом факторов. Во-первых, интернет обеспечивает широкие возможности для получения информации о новых коллекциях, просмотра событий в мире моды, а также следования за лидерами мнений – блогерами, инфлюенсерами и известными представителями модной индустрии. Для лиц, испытывающих повышенную потребность в самовыражении, подобная информация имеет важную роль. Во-вторых, важно учитывать, что интерес к моде часто связан с самооценкой и самоотношением, поскольку внешний образ служит одним из основных инструментов построения идентичности. Интернет в данном случае становится удобной платформой для реализации этих целей, предоставляя безграничный доступ к примерам идеальных образов, советам по стилю и возможностям саморепрезентации. Кроме того, можно от-

метить, что мода в условиях онлайн-пространства проявляет характер не только культурного, но и социального явления, где участие в обсуждении трендов, комментирование образов, создание собственного контента становятся способами формирования социальной активности.

Установки на проблематичное использования интернета связаны с личными мотивами, что может свидетельствовать о том, что по мере увеличения выраженности зависимого поведения в интернете возрастает и склонность индивида к использованию Сети для реализации личных целей или достижения определенных эмоциональных состояний.

Взаимосвязь между шкалой «Проблематичное использование интернета» и склонностью к использованию Сети в качестве средства эмоционального ухода от проблем позволяет предположить, что с увеличением выраженности признаков интернет-зависимости возрастает и вероятность того, что пользователь будет использовать цифровую среду для избегания стрессовых ситуаций или негативных эмоциональных переживаний, возникающих в повседневной жизни. В контексте психологии зависимости можно констатировать, что интернет, подобно другим зависимым поведенческим паттернам, может выполнять функцию компенсаторного механизма, позволяющего человеку снижать уровень внутреннего напряжения и временно устраниваться от реального взаимодействия с окружающей социальной средой. Таким образом, чем более выражена тенденция к чрезмерному использованию интернета, тем выше вероятность того, что данная активность носит не только информационный характер, но и выполняет защитную функцию. Личность, испытывающая дискомфорт в реальной жизни, может находить в интернете возможность временного укрытия от неприятных переживаний, формируя таким образом

заместительную систему удовлетворения своих потребностей в безопасности.

Выявленная взаимосвязь между шкалами «Проблематичное использование интернета» и «Интернет-зависимость» не только подтверждает теоретические предположения о том, что зависимость является одной из ключевых характеристик проблемного поведения в интернете, но и демонстрирует обстоятельство, что чем более выражены у студентов установки на проблематичное использование интернета, тем выше становится общая склонность к формированию зависимых моделей поведения в контексте виртуального взаимодействия. При этом важно подчеркнуть, что речь здесь идет не просто о количественном увеличении времени, проведенного в Сети, но о качественных изменениях в характере использования интернета – от осознанного до импульсивного, автоматизированного и эмоционально зависимого. Кроме того, установленная взаимосвязь указывает на то, что зависимость от онлайн-пространства имеет комплексную природу, включающую в себя не только поведенческие, но и эмоциональные, когнитивные и даже физиологические компоненты. Пользователь начинает испытывать дискомфорт, тревожность или раздражительность при невозможности выхода в Сеть. Одновременно с этим происходит усиление толерантности: человек всё чаще и дольше обращается к интернету, чтобы получить тот же эмоциональный эффект, что в свою очередь ведет к углублению зависимости.

С возрастом выраженности признаков интернет-зависимости усиливается склонность личности использовать виртуальную среду не только как пространство для общения или развлечений, но и как площадку для самореализации через механизм влияния на других людей, формирование собственного имиджа лидера, эксперта или авторитетного участника сообщества.

Такой тип поведения может быть связан с потребностью в самоутверждении, которая в реальной жизни может оставаться недостаточно удовлетворенной. Таким образом, зависимость от виртуального пространства может становиться следствием поиска и поддержания чувства силы, влияния и контроля, особенно у тех индивидов, которые в реальной жизни сталкиваются с ограниченными возможностями для выражения своих лидерских качеств или достижения желаемого статуса.

Шкала «Проблематичное использование интернета» имеет связь со шкалой «Рабочие мотивы», что позволяет предположить наличие у респондентов склонности к использованию виртуальной среды в целях, связанных с будущей профессиональной деятельностью. Это может быть обусловлено тем, что современная работа все чаще осуществляется в онлайн-формате, а сама структура профессиональной активности предполагает постоянное присутствие в цифровом пространстве. Таким образом, высокий уровень вовлеченности в интернет может быть не только следствием зависимости, но и результатом объективных требований профессиональной среды, где сетевые технологии являются основным инструментом коммуникации и информационного обмена.

Особое внимание нужно обратить на сильную взаимосвязь между шкалой «Проблематичное использование интернета» и так называемыми сетевыми мотивами. Данный результат позволяет предположить, что чем выше степень зависимости от интернета, тем более выраженной становится склонность личности к использованию Сети в целях социального взаимодействия, самореализации и построения виртуальных связей. В данном случае интернет выступает не просто как инструмент получения информации или развлечений, но как пространство, где происходит активная

деятельность по формированию и поддержанию социальной активности, удовлетворению потребностей в общении, принадлежности к сообществу и получении внимания со стороны других участников онлайн-пространства. Кроме того, установленная взаимосвязь может отражать влияние современных культурных и технологических тенденций, согласно которым социальное присутствие в интернете становится не только нормой, но и ожидаемым стандартом поведения. Постоянная доступность, наличие профилей в социальных сетях, регулярное обновление статусов и участие в онлайн-диалогах становятся элементами повседневной жизни, особенно среди молодежи и представителей цифрового поколения.

Взаимосвязь шкалы «Проблематичное использование интернета» со шкалой «Мода» можно объяснить тем, что интернет, особенно в формате социальных сетей, становится не просто площадкой для общения или получения информации, но мощным инструментом формирования и поддержания имиджа, который соответствует современным представлениям о стиле, красоте, популярности и общественном признании. Таким образом, данная связь указывает на то, что модные ориентиры могут играть роль важного внутреннего стимула, способствующего регулярному и часто чрезмерному пребыванию в интернете. Особенно это характерно для молодых пользователей, для которых вопрос самопрезентации и соответствия групповым нормам имеет особую значимость. Кроме того, высокий уровень связи между данными параметрами может быть обусловлен влиянием современных медиа и рекламных стратегий, которые активно формируют и закрепляют идеалы внешности, образа жизни и поведения. Такие механизмы могут стать одним из факторов развития зависимости, особенно если они задействуют глубинные психологиче-

ские установки, связанные с потребностью в признании, статусе и самореализации.

Связь шкалы «Проблематичное использование интернета» со шкалой «Избегание» может говорить о том, что с увеличением степени проблемного использования интернета возрастает склонность индивида к использованию цифрового пространства как способа эмоционального ухода от стрессовых ситуаций, конфликтов, тревожных переживаний и прочих негативных явлений повседневной жизни. Это свидетельствует о том, что для ряда пользователей интернет становится не просто средством получения информации или развлечения, а своего рода психологическим убежищем, позволяющим временно избавиться от давления внешних обстоятельств и снизить уровень внутреннего напряжения. В данном случае зависимое поведение приобретает черты защитного механизма, направленного на минимизацию воздействия неблагоприятных факторов окружающей среды. Это может быть связано с недостаточным уровнем эмоциональной устойчивости, слабо развитыми навыками совладания со стрессом и низкой уверенностью в себе. Использование интернета позволяет человеку снизить уровень тревоги, уменьшить дискомфорт и временно уйти от проблемы, что постепенно может приобретать черты зависимости.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что структура самоотношения студентов играет ключевую роль в характере их взаимодействия с цифровыми пространствами. Чем целостнее и устойчивее является представление о себе, тем более конструктивными и целенаправленными оказываются мотивы использования интернета, а также тем ниже возможность применения Сети в качестве защитного механизма от стрессовых ситуаций.

Анализ полученных результатов показывает, что у студентов с выраженными установками в отношении проблемного

использования интернета наблюдается тенденция к поиску подтверждения своей ценности, актуализации собственного Я или стремление к преодолению чувства неполноценности в виртуальной среде. Интернет становится тем пространством, где возможно создание желаемого образа себя, получение внимания и одобрения, а также достижение успеха, который в реальной жизни остается недостижимым. Такое поведение может быть связано с несоответствием между реальным и идеальным представлением о себе, что усиливает внутреннюю дисгармонию и, соответственно, потребность в компенсаторной деятельности. Кроме того, важно отметить, что использование интернета в качестве средства реализации личных целей может приобретать черты

автоматизма, особенно если виртуальная активность регулярно сопровождается положительными эмоциями или временным снижением уровня напряжения. Зависимость от виртуального пространства может рассматриваться как следствие глубоко укоренившейся потребности в одобрении, принадлежности к определенной социальной группе и постоянного сравнения себя с другими.

Полученные в процессе исследования результаты могут использоваться для коррекции установок студентов по отношению к проблемному использованию интернета, что может осуществляться в процессе развития у них навыков рефлексии и саморегуляции, а также позитивного самоотношения.

Список источников

1. Алимсеитова Ж. К., Бакпоклаев А. А. Исследование методик оценивания деструктивного манипулятивного воздействия на пользователей в социальных сетях // Вестник КазАТК. 2025. № 1. С. 334–346. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_80565228_10586068.pdf <https://elibrary.ru/item.asp?id=45428114> (дата обращения: 22.08.2025).
2. Воробьева И. В., Кружкова О. В. Интернет как среда жизнедеятельности молодежи: отношение, оценка и личностные особенности пользователей // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. № 2. С. 835–841. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44055292_75004403.pdf <https://elibrary.ru/item.asp?id=45428114> (дата обращения: 22.08.2025).
3. Гаранина Ж. Г., Макарова Е. С., Тимофеева А. В., Паришина М. В. Личностные особенности студентов, влияющие на гаджет-зависимое поведение // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2024. Т. 24, № 3. С. 277–287.
4. Ефремова Н. Я. Манипулирование сознанием человека в рамках виртуальной реальности // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2012. № 4. С. 61–68.
5. Максимов В. Е. Особенности использования манипулятивных технологий для управления общественным мнением молодежи в социальных сетях (на примере студентов Финансового университета при Правительстве РФ) // Электронный научный журнал «ГосРег». 2021. № 1. С. 171–176. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45428114> (дата обращения: 22.08.2025).
6. Охупкин В. П., Охупкина Е. П., Исхакова А. О., Исхаков А. Ю. Деструктивное информационно-психологическое воздействие в социальных сетях // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2020. Т. 8, № 1. С. 1–14. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43136549_68066537.pdf (дата обращения: 22.08.2025).
7. Паньшина С. Е., Сунгурова Н. Л. Особенности личностной регуляции сетевой активности студентов разных направлений профессиональной подготовки // Высшее образование сегодня. 2020. № 11. С. 47–52. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44108592_43510720.pdf (дата обращения: 22.08.2025).
8. Понизовский П. А. Индивидуально-психологические характеристики мужчин и женщин с интернет-зависимостью // Социальная и клиническая психиатрия. 2021. Т. 1, вып. 2. С. 33–43.

9. Присяжнюк Н. Н., Коваленко Б. Д. Новые технологии суггестии в Интернете // Международный научный журнал Интернаука. 2017. Т. 1, № 2. С. 69–73. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29674562_29159829.pdf (дата обращения: 22.08.2025).
10. Семёнов М. Ю. Мошенничество в сети Интернет: отношение молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7, № 3. С. 71–85. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-3-71-85.
11. Строганов В. Б. Манипулятивные технологии soft power в Интернете // Дискурс-Пи. 2017. № 3–4. С. 155–160. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32867414_39330422.pdf (дата обращения: 22.08.2025).
12. Сунгурова Н. Л., Богуславская Д. Г. Особенности психологических установок и стратегий сетевой активности студентов разных направлений профессиональной подготовки // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Т. 7, № 1А. С. 128–135. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35077626_91041695.pdf (дата обращения: 22.08.2025).
13. Юрьева Л. Н. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика. Днепропетровск: Пороги, 2006. 196 с.
14. Koçak C. V. How does regular exercise affect Internet addiction level in University students? // Physical Education of Students. 2019. No. 4. P. 186–190. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39155632> (дата обращения: 22.08.2025).
15. Asieieva Yu. Computer addiction, Internet addiction and cyber addiction (historical overview of the definitions) // Psychological Journal. 2020. Vol. 6, No. 6. P. 57–65. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=76678367> (дата обращения: 22.08.2025).
16. Moskalenko O. L., Tereshchenko S. Yu., Kasparov E. V. Internet addiction: risk factors affecting the formation of addiction behavior in adolescents // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. Vol. 14, No. 5-2. P. 95–104.

References

1. Alimseitova Zh. K., Bakpokpaev A. A. Study of methods for assessing destructive manipulative impact on users in social networks. Vestnik KazATK. 2025; 1(136): 334–346. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_80565228_10586068.pdf (accessd: 08/22/2025) (In Russ.)
2. Vorobyova I. V., Kruzhkova O. V. The Internet as an environment for young people's life: attitude, assessment and personal characteristics of users. Gercenovskie chteniya: psixologicheskie issledovaniya v obrazovanii = Herzen Readings: psychological research in education. 2019; 2: 835–841. (In Russ.)
3. Garanina Zh. G., Makarova E. S., Timofeeva A. V., Parshina M. V. Personal characteristics of students influencing gadget-dependent behavior. Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia = Russian Journal of the Humanities. 2024; 24(3): 277–287. (In Russ.)
4. Efremova N. Ya. Manipulation of human consciousness within the framework of virtual reality. Territoriya novyx vozmozhnostej. Vestnik VGUE'S = Territory of new possibilities. VSUES Bulletin. 2012; 4: 61–68. (In Russ.)
5. Maksimov V. E. Features of the use of manipulative technologies to manage public opinion of young people in social networks (on the example of students of the Financial University under the Government of the Russian Federation). Elektronnyj nauchnyj zhurnal «GosReg» = Electronic scientific journal "GosReg". 2021; 1: 171–176. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45428114> (accessd: 08/22/2025) (In Russ.)
6. Okhapkin V. P., Okhapkina E. P., Iskhakova A. O., Iskhakov A. Yu. Destructive information and psychological impact in social networks. Modelirovanie, optimizaciya i informacionnye texnologii = Modeling, optimization and information technology. 2020; 8(28): 1–14. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43136549_68066537.pdf (accessd: 08/22/2025) (In Russ.)
7. Panshina S. E., Sungurova N. L. Features of personal regulation of online activity of students of different fields of professional training. Vysshee obrazovanie segodnya = Higher education today. 2020; 11: 47–52. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44108592_43510720.pdf (accessd: 08/22/2025) (In Russ.)

8. Ponizovsky P. A. Individual psychological characteristics of men and women with Internet addiction. *Social'naya i klinicheskaya psixiatriya* = Social and clinical psychiatry. 2021; 1(2): 33–43. (In Russ.)
9. Prisyazhnyuk N. N., Kovalenko B. D. New technologies of suggestion on the Internet. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal Internauka* = International scientific journal Internauka. 2017; 1(2): 69–73. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29674562_29159829.pdf (accessd: 08/22/2025) (In Russ.)
10. Semenov M. Yu. Internet fraud: young people's attitudes. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Socialno-e'konomicheskie i pravovye issledovaniya* = Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2021; 7(3): 71–85. (In Russ.)
11. Stroganov V. B. Manipulative soft power technologies on the Internet. *Diskurs-Pi* = Discourse-Pi. 2017; 3-4 (28-29): 155–160. (In Russ.)
12. Sungurova N. L., Boguslavskaya D. G. Features of psychological attitudes and strategies of online activity of students of different areas of professional training. *Psixologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremenny'e issledovaniya* = Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2018; 7(1A): 128–135. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35077626_91041695.pdf (accessd: 08/22/2025) (In Russ.)
13. Yuryeva L. N. Computer addiction: formation, diagnostics, correction and prevention. Dnepropetrovsk: Porogi, 2006. 196 p. (In Russ.)
14. Koçak C. V. How does regular exercise affect internet addiction level in University students? *Physical Education of Students*. 2019; 4: 186–190. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39155632> (accessd: 08.22.2025) (In Eng.)
15. Asieieva Yu. Computer addiction, Internet addiction and cyber addiction (historical overview of the definitions). *Psychological Journal*. 2020; 6(6): 57–65. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=76678367> (accessed: 08.22.2025) (In Eng.)
16. Moskalenko O. L., Tereshchenko S. Yu., Kasparov E. V. Internet addiction: risk factors affecting the formation of addiction behavior in adolescents. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2023; 14(5-2): 95–104. (In Eng.)

Поступила 23.07.2025.

Сведения об авторах

Гаранина Жанна Григорьевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: психологическая компетентность, личностно-профессиональное саморазвитие. Автор более 170 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1428-1213>.

E-mail: garanina23@mail.ru

Староверов Александр Алексеевич – преподаватель кафедры психологии Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: психология манипуляций. Автор 5 научных работ. ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8142-4338>.

E-mail: aleksandr.staroverov00@mail.ru

Соколова Елена Петровна – педагог-психолог СОИШ № 31 (Саранск, Россия). Сфера научных интересов – психология зависимости. Автор 2 научных работ. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3710-6839>.

E-mail: sokolep@mail.ru

Submitted 23.07.2025.

About the authors

Zhanna G. Garanina – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: psychological competence, personal and professional self-development. The author more than 170 science and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1428-1213>.

E-mail: garanina23@mail.ru

Aleksandr A. Staroverov – Lecturer, Department of Psychology, the Department of Psychology, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: psychology of manipulation. The author of 5 science publications. ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8142-4338>.

E-mail: pufik1702@mail.ru

Elena P. Sokolova – Teacher-Psychologist of Secondary School No. 31 (Saransk, Russia). Research interests: psychology of addiction. The author of 2 scientific papers. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3710-6839>.

E-mail: sokolep@mail.ru

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

1. Редакция принимает к публикации материалы по теме основных рубрик журнала на русском языке:

5.3. Психология: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.6. Исторические науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки); 5.7. Философия: 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки); 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления. Для повышения качества журнала все статьи, поступающие в редакцию, проверяются на плагиат.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Требования к оформлению материалов:

- УДК;
- инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес;
- заголовок статьи;
- аннотация (150–250 слов), должна включать актуальность темы исследования, постановку проблемы, цели исследования, методы исследования, результаты и ключевые выводы;
- ключевые слова (не более 15 слов и словосочетаний, они должны отражать специфику темы);
- структура статьи. Статья должна быть структурирована в формате IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion): Введение (Introduction) включает актуальность темы исследования, обзор литературы по теме исследования, постановку проблемы исследования, формулирование цели и задачи исследования; Методы (Materials and Methods) описывают методы и схему наблюдений, позволяющие воспроизвести их результаты, пользуясь текстом статьи. Описывают материалы и другие условия проведения наблюдений (это описание методики исследования и обоснование ее выбора); Результаты (Results) представляют фактические результаты, полученные в ходе проведенных исследований (тест, графики, диаграммы, уравнения, фотографии, рисунки); Обсуждение (Discussion) содержит интерпретацию полученных результатов исследования, их анализ и комментарии; Заключение (Conclusion) содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них.

Текст статьи в объеме 10–15 страниц формата A4, включая рисунки, таблицы и графики. Текст оформляется в редакторе Word для Windows в формате .rtf или .doc; шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал. Количество рисунков – не более 4. Подрисовочные подписи выполняются кеглем 12 на русском и английском языках. Отдельно представляются рисунки в формате .jpeg. Текст таблиц набирается кеглем 12 на русском и английском языках. Если рисунки и таблицы не авторские, на них обязательно должны быть ссылки;

- благодарности: автор выражает признательность коллегам за помощь; благодарность за финансовую поддержку исследования и т. д.;

- список источников составляется в алфавитном пронумерованном порядке на русском и английском (транслитерирование) языках в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 с указанием обязательных сведений библиографического описания. В тексте сноски оформляются в квадратных скобках;

- аффилиация авторов: Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, область научных интересов, количество научных публикаций, обязательно – ORCID (Open Researcher and Contributor ID – уникальный идентификатор ученых), контактная информация (на русском и английском языках).

4. Текст статьи представляется на бумажном и электронном носителях.

Требования к файлам: 1) в качестве имени файла использовать фамилию первого автора на русском языке (например, Иванов.doc); 2) имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис. 1.jpeg).

5. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение двух недель автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

6. Статьи, не соответствующие условиям п. 3, не рассматриваются.

7. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор возвращает в редакцию вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для публикации.

CONDITIONS AND ORDER OF ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

1. The editorial office takes for publication materials in Russian language on the theme of the basic rubrics:

5.3. Psychology: 5.3.1. General psychology, psychology of personality, history of psychology (Psychological sciences); 5.6. Historical sciences: 5.6.1. Russian history (Historical sciences); 5.6.2. General history (Historical sciences); 5.7. Philosophy: 5.7.7. Social and political philosophy (Philosophical sciences); 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (Philosophical sciences)

Scientific articles are accepted during a year and in case of positive results of an independent expertise are included in the next issue of the journal in order of reception. To improve the quality of the journal all articles submitted to the editors are checked for plagiarism.

2. The journal publishes articles, exhibiting a high degree scientific originality, theoretical and practical significance. In the article should be presented the main results of the study. Their authors may be academic researchers, doctoral students, graduate students, applicants.

3. Requirements for the materials:

- The classification indexes of the Universal Decimal Classification (UDC);
- Initials and surname of an author;
- The article title;
- An annotation of an article (150–200 words), it should include the relevance of the research topic, problem statement, research objectives, research methods, results and key findings.
- Key words (no more than 15 words and phrases, they should reflect the specificity of the topic);
- Structure of the article. The article should be structured in the IMRAD format (Introduction, Methods, Results and Discussion): Introduction includes the relevance of the research topic, a review of the literature on the research topic, setting up the research problem, formulating the goal and objectives of the study; Methods: the methods and the scheme of observations, allowing to reproduce their results using the text of the article are observed. The materials and other conditions for conducting observations are described (this is a description of the research methodology and the rationale for its selection); Results present the actual findings obtained during the conducted studies (test, graphs, diagrams, equations, photographs, drawings); Discussion contains the interpretation of the obtained research results, their analysis and comments; Conclusion consists of a concise summary of the sections of the article without repeating the formulations given in them.

Text of an article is of 10–15 typewritten pages of A4 format, including figures, tables and graphs. Text should be formatted in Word for Windows format or RTF & DOC; Times New Roman font, font size 14, single interval. The number of drawings is not more than 4. Figure captions are performed the 12th a size in Russian and English. Drawings are represented separately in the .jpeg format. Tables are typed the 12th a size in Russian and English. If drawings and tables are not original they must be referenced necessarily;

– acknowledgments: The author expresses gratitude to the colleagues for their help; Thanks for the financial support of the study, etc.

– the bibliographic list is compiled in alphabetical order in Russian and in English (transliteration) languages in accordance with state standard 7.0.5-2008 with indication of the required information of the bibliographic description. In the text footnotes are made in square brackets.

– affiliation of authors: full name, last name, academic degree, title, position, field of research interests, number of scientific publications, necessarily – ORCID (Open Researcher and Contributor ID), contact information (available in Russian and English).

4. Text of the article is submitted on paper and electronic storage medium.

The file requirements: 1. As the file name should be used the name of the first author in Russian (for example: Ivanov.doc). 2. The file names of illustrations should coincide with their numbers in the text (for example: Drawing. 1.jpeg).

5. Received materials are registered and within two weeks the author (authors) is sent confirmation of receipt of the article.

6. Articles that do not meet the conditions of clause 3 are not considered.

7. Returning of the manuscript to the author for revision does not mean that it is accepted for publication. After receiving the revised text it shall be reviewed by the editorial board. The revised text of the author returns to the editorial office together with the original copy of the article, as well as responses to all comments. Date of receipt of the article is the day of getting by the editorial office of the final version of the article.

The Editorial Board reserves the right to select articles for publication.